Джефф Нун - Канал КØжа (ЛП)

Добро пожаловать в новый интерфейс.
Канал КØжа рассказывает историю Нолы Блу: одарённой поп-певицы, о которой вожделеет каждый подросток. У неё есть талант, хиты, всемирная слава — всё, о чём можно только мечтать. Но всё меняется, когда она начинает улавливать телевизионные сигналы на своей коже. Нола вынуждена отправиться в путешествие, выходящее за рамки славы мегазвезды, ради которой она была создана.
Это история Франкенштейна для поколения X-Factor. Насыщенная теми же паразитическими медиа, что охотятся за Нолой. Канал КØжа транслирует лирическое мастерство Нуна на вирусной частоте.

2012

v1.0 — Алекс Полднев.
- Исправлены ошибки.
- Проведена ётификация.
- Возвращены утерянные фрагменты текста.
- Стилистически переработаны куски текста.
- Сделана разметка диалогов.
Перевод:
Елена (Aut) Гловацкая

Редактура: Алекс Полднев, 2025 г.

Он принёс также фонарь с рисунками на стекле, и на стене появились причудливые очертания, очень красиво.

— Дневник Сэмюэля Пипса, 19 августа 1666

Могучая дымка мистических, волшебных лучей
Окутывает нас синевой.
И в звуках и видах рисуют они
Ожившие картинки извне,
Несущие вам новое чудо.

— Стихи Джеймса Дайренфорта, музыка Кеннета Лесли-Смита. Перевод песни, которую исполнила Адель Диксон во время первого выхода в эфир канала BBC, 2 ноября 1936.

У нас больше нет корней. У нас — антенны.

— МакКензи Уорк, 1994

С новостного канала

…В следующем месяце планируется запуск транслирующего сигнала Кляйна-Зеккера, который, как ожидается, заменит стандартный цифровой сигнал в большинстве домашних приёмников. Сигнал использует новую технологию Фрактальной Волны, разработанную лабораторией Кляйна-Зеккера и обещает принести мета-реальные звук и изображение в дома людей. Промышленные монстры уже чуют перемены, надеясь на скачок доходов как от рекламодателей, так и от аудитории, — доходов, так необходимых в наше кризисное время. Однако, раздаются голоса против сигнала, нагнетающие боязнь эффектов насыщения…

-1-

Нола спустилась к реке.
Маленькая деревушка выстроилась вдоль берега. Линия обветшалых магазинчиков, кафе-караванов, палаток, деревянных построек, в которых таксисты ожидали заказов. Люди сидели группками, пили, курили. Полулегальный телефонный центр мигал красными и жёлтыми огоньками. Случайные сообщения вылетали из берегового громкоговорителя, голосовые фрагменты, выхватывались из сумерек последней моделью сканера.

Я отдаю так много себя…

Хорошие воспоминания, немного плохих…

Это моя беда, видишь ли… Я слишком люблю…

Это такая новая игра, чувак. Это то, что нам нужно…

Иногда она меня просто убивает…

Скоро, обещаю. На этих выходных…

Ты всё ещё там? Алло…

Кто-нибудь…

Нола перешла мост.
Раздался гудок одинокой лодки, в ответ ей крикнула птица. Луна повисла низко над водой.

На другом берегу открывался и приглашал Нолу своим пыльным очарованием город. Вот, что она любила — эту одну чёрточку свободы и этот самый момент, эти медленные минуты, где свет уступал место тьме.
Теперь начинается жизнь.
Включились неоновые фигуры, закреплённые на стенах и витринах, их мерцающие тела цвета золота и зелени, декорированные изображениями дежурных товаров недели.

Вокруг суетятся люди.
Глаза опущены вниз, сфокусированы на портапопах, проверяют последние новинки моды, музыкальных песнопений, стоковых цен. Пальцы кликают и тапают, скрючившись на диджификсах.
Пара мелькнувших взглядов — на неё, затем в сторону.
Нола к этому привыкла.
С крыш и из окон маячит реклама Купола Удовольствий.

Бип. Бип. Бип. Бип. Бип.

Её телебаг запищал в кармане, и она представила, как сигнал плывёт к ней крошечными голубыми пульсациями. Её кожу пощипывало. В последнее время она стала восприимчива к таким образам, к таким ощущениям.
Передача. Открыть для контакта.
Определённо, её во что-то втянули.

Вот почему ничто из этого не обретало смысла. Должно быть, здесь какая-то ошибка, какой-то просчёт.

Нола щелчком открыла баг, проверяя экран.
Её приветствовало лицо Кристины всё с тем же характерным выражением, с этой прямолинейной гримасой. Несомненно, она хочет знать, где сейчас Нола, говорит о том, как она может выходить вот так, одна, без надсмотрщика, мало ли что может случиться. Что-то в этом роде.
Нола защёлкнула крышку. Без единого слова.
Что тут скажешь?
Она шагнула в затемнённый проход лавки.
Раз в неделю её навещал Джордж — дружественный визит, выпивка, трёп на пару с Кристиной. Они разговаривали о делах Нолы, о здоровье в целом, её месте в мире, разных сообщениях в публичной сфере. А потом Джордж показывал ей последние прогнозы продаж. Вместе они изучали ежедневные имиджевые расчёты. И каждую неделю — эта его особая улыбка.
Но в этот раз что-то было не так.
Конечно, всё та же искра в тёмно-сияющих глазах, но суженные в недовольные прорези, застывшие неподвижно. И ни слова о цифрах. Не в этот раз.

Нола, дорогая…

Голос Джорджа. Успокаивающий, утешающий.

Нет нужды в панике.

Но его глаза, его глаза. Прямой контакт, затем — мерцание.

Мы на верхних позициях.

Он врёт, Нола это чувствует.

Каждый из нас в тебя верит. Вся команда.

Это было уже слишком. Она сбежала от новостей, из дома. Всё, чего она хотела — затеряться в городе, здесь, ночью, просто гулять одной, бродить на морозном воздухе, выпить бокал-другой чего-то расслабляющего. И всё. Просто найти где-то пристанище, как в старые добрые, найдя захолустный клуб или бар с нормальными людьми, занятыми нормальными делами. Без свиты, без охранников, без сверкающих вспышками репортёров, без телекамер, без увеличительных стёкол. Только выпивка, танцы, флирт — бешеный и подпитываемый оставшейся в твоих карманах мелочью, которой окажется достаточно для того, чтобы прожечь себе дорожку через темноту и медленно соскользнуть в дневной свет, возможно, вместе с избранником, с кем-то знакомым или незнакомым, всё ещё в бодрствовании, всё ещё в движении, созерцая восход солнца.
Вот, что было нужно.
Медленно прокатила машина, окна полностью открыты, музыка на полную, отвесные биения басов, пробуждающие улицы. Напротив дороги двое танцуют под бит, прижавшись туловищами и конечностями, двигаясь в унисон.
Любовь. Это она. Как она выглядит. Как она чувствуется.
В голове Нолы включились слова:

Мне так хочется, мне хочется

узнать тебя

Мне хочется (мне просто хочется)

хочется узнать тебя по-настоящему

тебя настоящего

Она не могла сдержаться и не запеть.
Прохожий посмотрел, кивнул, улыбнулся в этот момент внезапного узнавания. Нола кивнула в ответ и пошла, перекинув свой шарф, заслонив рот, превратившись в никого. Маска на месте.
Никогда не знаешь.

Вокруг есть люди, которые причиняют вред. Сталкеры и фрики, все те, кто жмётся к публичным лицам, как к своей собственности, кто хочет разжечь в тебе жар, а затем украсть тепло, узреть из чего оно.

Воспоминания.
Беседа с руководством. Первый месяц программы. День шестнадцатый, урок пятый: Обращение со славой. Джордж в своей тарелке.

У тебя два товара:

Твой имидж и твой голос.

Продай их на своих условиях.

Нола проскользнула в частный клуб в Сохо — одно из немногих мест, куда можно было прийти с гарантией приватности. Комната была дизайнерски тёмной, затхлой от парфюма, липкой от пролитых дорогих коктейлей. Обычно здесь никому нет до неё дела. Все либо карабкаются наверх, либо безрассудно катятся вниз. Вопросов не задают.
Она купила выпивку цвета яркой вишни, и почти мгновенно по её системе ударил сахарно сладкий алкоголь.
Она напилась в два глотка.
Блаженство.
Итак, кто там, чёрт подери, смеётся над ней? Она слышит, как за её спиной хихикают.

Оборачивается…

Никого.
Тихие лица, взгляды отведены.
Нола заказала ещё выпивки, того же самого.
Ей было всего двадцать три. Ещё полно времени, времени жить. Вера не покидала её ни на минуту, ни во сне, ни наяву.

Мне так хочется

Мне хочется

Узнать

Узнать тебя

Мне хочется (мне просто хочется)

по-настоящему

(Как там дальше, чёрт? Сконцентрируйся!)

Мне хочется узнать по-настоящему, тебя НАСТОЯЩЕГО

Всего тебя

Мне только хочется КОСНУТЬСЯ тебя, только (хочется) коснуться тебя, тебя НАСТОЯЩЕГО

Мне только хочется…

Это было неплохо, правда? Или нет?
Как ей узнать?
Слова, слова. Ей давали петь эти слова, и она их пела. Тело и душа, всё, что у неё было, губы, плотно и тепло прижатые к микрофону, тот придыхающий шёпот, который все в ней любили, который пародисты подхватили с первого сингла, который люди копировали на улицах, подпевая в пабах, на вечеринках, по всему миру.
— Всё дело в музыке, Нола. Так обычные люди, простые работяги выпевают свои сердца в песнях о фантазиях, потерях и любви. Так они живут, двигаются и дышат — в ритме с музыкой.
Джорджи Бой снова говорит, конечно, вся его философия в полной боеготовности.
Время, теперь время сойти?

Мне хочется по-настоящему узнать тебя НАСТОЯЩЕГО.

Всего тебя.

Чёрт. Иногда ей хочется просто потянуться и поцеловать музыку в губы и… и… и… и ОБНЯТЬ музыку за шею и СЖИМАТЬ! Пока, пока…
Нола достала свой баг и набрала его номер.
Нет ответа.
Она позвонила своей помощнице и сказала:
— Кристина, привет. Мне нужно, чтобы ты нашла Джорджа.
— Нола? Где ты?
— Что?
— Где ты?
— В баре.
— На публике? — Эта нотка тревоги в голосе.
— Я в безопасности.
— Ты пьёшь?
— Разумеется.
— Среди людей твоего сорта?
Нола огляделась, рассматривая контингент.
— Мне подходит.
Затем пауза, прежде чем Кристина сказала:
— Я волновалась, Возвращайся домой. Мне не понравился твой голос.
— Всё в порядке. Я выше этого. Ты ещё у меня?
— Нет.
— А где?
— Я дома.
— Джордж с тобой?
— Нет.
— Где он? Он не отвечает.
— Я не знаю.
— Мне нужно с ним поговорить.
— Правда, Нола. Всё хорошо.
— Что он сказал, когда я ушла?
— Не много.
Она темнила. Нола чувствовала это.
— Кристина, ты должна мне помогать.
— Да. Ты знаешь, я всегда…

— Я этого не чувствую. Скажи мне правду.
Тишина на линии, мгновения статических помех.
Затем голос Кристины, спокойный, обнадёживающий:
— Почему бы тебе не заглянуть ко мне, Нола? Долго обстоятельно потрепёмся, как в старые деньки. Накуримся. Я могу выцепить пару ребят, что скажешь?
— Я в порядке.
— Ты уверена? Мы можем проработать это в компании. Зови это терапией.
— Крис. Мне нужно поговорить с Джорджем. Это личное.
Кристина молчала и дышала в трубку.
— Мы уже проходили это, ты же знаешь? В другие годы, с другими девчонками и парнями.
— Правда?
— Это спад, всего-то.
— Спад? Правильно. И насколько мы низко?
— Не бери в голову.
— На какой мы позиции?
Пауза. Затем спокойное:
— Тридцать шесть.
Нола вздохнула, услышав это. Она оборвала связь.

Тридцать шесть…

Проклятье.
Это был прогноз рейтинга, основанный на зарегистрированных продажах, общих показателях прослушиваний через все СМИ, количестве изображений, индексах узнаваемости имени, зафиксированных незаконных загрузках, газетных сплетнях, графиках распространения сплетен, информации, поступающей от ищеек слухов и сарафанного радио, — целый безумный паноптикум сжат в маленький наглядный экстракт информации.
Номер.
Вот, к чему это сводилось.
Нола была ошеломлена.
Тридцать шесть. Слишком низко.
Она поговорит с Джорджем завтра, расскажет ему, что ей нужно выбраться, сделать какие-то появления на публике, но на этот раз живой, петь живьём, без кривляния, с настоящей группой, без фонограммы. Шшшипы и рррыки штырей в разъёмах, пальцев на струнах, неправильные ноты, промашки. Контакт. Может, мы сможем сделать что-то хорошее прежде, чем рейтинг опубликуют.

Только один выход, Джордж. Только один.

Вот, что она должна сказать.
Да. Это хорошо. Надо запомнить.
Будь сильной. Борись.
Нола прикончила выпивку и покинула клуб.
Уличный воздух. Холод, потом снова тепло в лицо, по мере приближения неона. Она увидела идущего на неё мужчину с камерой в руке, и отшатнулась от него. Но он прошёл мимо, его объект был в другом месте, линзы фокусировались на других восторгах.
Нола прошла дальше, держась теней, слепых пятачков среди красок и вспышек города. Гигантское анимированное изображение поднялось над улицами. Её собственное лицо, спроецированное высоко вверх, двигавшееся, составленное из света, из денег и желания. Лицо Нолы. Глаза Нолы сверкают. Размытые. Потом серебро. Самоцветы-глаза. Имитация глаз.
Нола уставилась в лицо из осколков и звёздной пыли.

Порой всё это кажется сном, сном из звёздной пыли и краснодорожной магии, и одним серым утром я проснусь снова там, откуда я начинала, одна, в старом городке.

С другой стороны улицы пьяные подростки выкрикивали её имя. Девочки, каждая из них.

Нола! Эй, Нола Блу!

Она помахала в ответ, вдруг благодарная за узнавание.

Но что это они говорят? Их голоса звучат насмешливо. Будто они уже знают, даже когда еженедельные рейтинги ещё не опубликованы. Они кричат о её музыкальной смерти, зоне свалки, упадке, проигрыше, никчёмной безвестности вне игры, вне времени.
В наши дни все всё знали, опережая оплаченные каналы.
Все в теме.

Нола! Нола!

На какой ты позиции?

Нола-детка!

Где ты стоишь? Какой твой номер?

36, детка!

36!

Нола уставилась на девчонок. Они смотрели в сторону. Теперь пустые взгляды. Тихие голоса. Они вообще с ней разговаривали?
Нола дрожала.
Девочки смеялись, отпуская фразочки направо и налево, радуясь миру в целом, мальчикам и музыке, и гламурным покупкам, и всяким ожиданиям. Их телебаги светились люминесцентно-голубым и жёлтым и пели флекситекстовые мелодии, танцующие точками света над экранчиками.

Подойди-ка, милый, ударь в мой барабан.

Вот идут девочки, прогуливаясь, напевая песню, другую песню, новую песню. Чью-то ещё песню. Может, большинство из них будущие вокалистки или танцовщицы, их имена и мечты ещё ничтожно малы, они находятся в самом низу многочисленных списков ожидания шоу талантов.

Если нет в тебе запала, — ты не подойдёшь.

Нола почувствовала себя вялой. Разбитой.

Зкссссттт…

Странный жужжащий шум в голове. Больно. Настойчиво. Остро. Будто какой-то звонок проник в череп и что-то в нём облучал с другой планеты.
Что она могла поделать?
Эти дети были всего несколькими годами младше неё, и уже со своей модой, своим сленгом, даже своими особенностями в причёсках, они все были инопланетными артефактами. Однажды, несколько недель назад, она даже могла назвать их своими фанатами. Но не сейчас. Ничто не может пользоваться признанием вечно. Музыка прогрессировала, сжигала себя до искр, в пыль и пепел на дороге, утыканной шипами, и Нола всегда любила этот аспект, этот безумный, стремительный порыв блеска, никогда не успокаивающегося в погоне за самим собой. Но сейчас. Была ли она слишком медленной, чтобы удержать высоту, такой медленной, что её крылья опалило пламя? Публика смотрела в другую сторону, а здесь была она, ставшая низкорейтинговой, всего лишь на третьем своём релизе.
Числа перемешались, как и должны были. Что-то заглючило в системе.

36.

36.

36.

Большинство артистов, выпущенных из стойла Джорджа Голда стабильно имели минимум по полдюжины хитов до того, как начинался их песенный спад, медленный уход в тишину и темноту. Нола почти слышала разговоры диджеев с уже оформленным презрением:
И взбираясь со скрежетом к нам на этой неделе выходит Нола Блу с «Мне так хочется чувствовать (тебя настоящего)». Дорогие мои, Бэйби Блу, набирая скорость, споткнулась о лежачего полицейского.

Она не могла успокоиться.
Джордж был уверен, что сейчас ей нужно уйти. Вот и всё. Это выражал взгляд, который она видела в его глазах тогда, в квартире. Увольняющий.

36. 36. 36.

Но у Нолы всегда было на уме нечто большее.
Она пришла сюда для жизни. Факт. Она была следующей Джио, следующей Бэникой, следующей Йони-Йони, следующей девушкой-звездой, следующей и следующей, и следующей, всеми, воплотившимися в одну. Не какой-нибудь мимоходной игрушкой, дёргающей струны и слышащей только своё пение! Нет. Нола была воплощением своей же мечты, годы тяжёлой работы, шаг за шагом прокладывая будущее, никогда не сворачивая с пути, никогда не уступая. У неё были песни, собственные песни, которые она споёт однажды, песни, которые повергнут мир в трепетное молчание.
Факт.
Нет. Не отступать. Она сделает это.
Здесь и сейчас
одна, отверженная
ради себя.
Нола Блу. Одна и единственная!
Одна и чёрт возьми единственная!
Проложит путь!
Всё, чего она желала в юности, когда ещё была ребёнком с дешёвой пластиковой клавиатурой, в сражениях за добычу стихов и мелодий, за все эти сумасбродные образцы и перемены, происходящие в её уме.
Девятилетняя, светящаяся и сверкающая.

Нола! На какой ты позиции? Нола, детка!

По улице приближалась компания гуляк — все смеющиеся и радостные.
Нола отвернулась.
Голоса.

Так какой номер?

Тридцать шесть, детка. Тридцать шесть!

Тридцать шесть и ускоряющееся падение.

Её язык заворочался во рту, увлажняя дёсны. Появился странный металлический привкус.
Теперь у неё начали зудеть руки. Её череп загудел шумами.
И вот она стояла там одна, ожидая, когда пройдёт этот момент.
Нола моргнула.
Её ногти скребли ладони.
Сигналы тела.
Начиналось это болезненно, но сейчас, когда шум в голове набрал высоту, она стала ощущать его по-другому. Звук звучал чисто и правильно. Он точно резонировал с её кровью,

её костями. Её плоть засветилась внезапным желанием. Звук заставил её захотеть танцевать, упасть в чьи-то объятия, незнакомые объятия.

Тело право. Тело знает.

Тело поёт!

Нола пружинила и звенела, шаг за шагом.
Нуждаясь в уединении, она укрылась в переулке.
Узко. Темно, грязно. Шорох чего-то удаляющегося. Запах подгоревшей пищи, объедков.
Клубы серого дыма из вентиляции. И вдруг голос Нолы вырвался из горла — непрошенный, наполняющий её голову сияющей силой любви,
вслух,
полумелодичный:

Нет блюза такого, как блюз самоцветов.

Строчка снизошла на неё как есть, пока она стояла там. Но что это значило? Ах, да: увидев собственное лицо на анимационном дисплее ранее, проецированные глаза, мерцавшие этим неестественно голубым.
Ещё раз:

Нет блюза такого, как блюз самоцветов, сверкающих

Искрами ночи

(Хороший мотив, лучше, чем в тот раз.)

Нет блюза такого, как белой луны сиянье

С неба вниз разливающееся

(И повтор. Здесь, вероятно, транспонирование
[1]
.)

С неба вниз разливающееся

Искрами ночи

Сны рассыпающее.

Ничто не важно. Только пение. Как она любила когда-то — в пределах спальни, только пение для себя, записи стихов такими, какими они к ней приходили. По большей части абсурдная поэзия, с редкими двухстрочными фразами, звучащими более чем неплохо, заставлявшими её задуматься — откуда они взялись. И только ухватив и удержав их, а тогда нацарапав слова, думала:
Я могу это, я действительно могу!
И где раньше не было ничего — теперь была песня, или полпесни, или четверть песни.

Снова. Продолжаем:

Нет блюза такого, как полуденная новость,

Падения, торможения.

(Нет, лажа. Давай! По новой.)

Нет блюза такого, как царь и царица,

Зовущего, падая

С неба вниз сгоревшими звёздами

(Пой!)

Искрами ночи

Зовущий к любви…

(Нет, клише)

Зовущий влюблённых

(Да!)

Ночной искрящийся блююююз самоцветов

Зовущий влюблённых повсюду

Зовущий…

О…

Нола остановилась.
Тени шевелятся.
Шум ниже по переулку.
Фокус:
На неё глазел мужчина с того места, где он сидел, сползший по грязной стене. Глаза затуманенные, влажные. Мутные от алкоголя. Но одет был в смокинг, накрахмаленную белую рубашку, чёрный галстук-бабочку.
— Чего вы хотите? — спросила Нола.
Сначала ответа не последовало. Затем, благородный акцент:
— Это красивая песня, любовь моя.
Нола заколебалась.
— Я просто… Ну, знаете, придумывала это на ходу.
— Вам стоило…
— Что? Не расслышала.
— Вам стоило бы зарабатывать этим на жизнь.
Нола засмеялась.
— Думаю, да. Я постараюсь.
Мужчина протянул в её сторону бутылку красного вина. Улыбнулся.
— Ваше крепчайшее здоровье.
Нола ушла, поймала такси и отправилась назад за реку. Ночной цветущий город наркотиков и кристаллов, специй и духов, неоновых танцоров и электрических страстей мерцал в воде, перевёрнутый.
Теперь она чувствовала себя лучше, на пути к чему-то пока невиданному.
Только продолжай петь, это всё, что надо. Да.
Рот, губы, язык, музыка, слова, смыслы.

Приходить к людям.
Касаться их.

Её лицо в окне такси… полупрозрачно отражённое… Обочина, виднеющаяся сквозь образ.
Звон в её голове ещё не исчез,
но теперь тихий,
атмосферный.
Мерцание её глаз в ритме с уличными огнями по мере их мелькания, один за другим.
Жёлтая натриевая дымка.

вспышка

мерцание

вспышка

мерцание

Лёгкая боль в животе.
Внезапный холод.

-2-

Квартира была пуста, вытерта и отполирована, совершенно непринуждённая, успокаивающая, искусно ухоженная. Сверкающая там, где она должна сверкать, матовая там, где должна быть матовой.
Тишина.
Нола стоит в центре комнаты, глядя слева направо снова и снова.
Как странно…
Все привычные предметы — на виду, обычная мебель. Гладкое пластиковое покрытие стульев, тёплое под её пальцами, красные и золотые круги на рисунке ковра, хорошо подобранные картины, разбросанные журналы. Приёмник плексивизора ожидает на своей полке, под экраном. Всё на своих местах. Стены декорированы теми же узорами и тенями, что и раньше. Так что же…
Откуда это внезапное чувство, что она по ошибке зашла не в ту квартиру?
Нола затаила дыхание.
Ждёт.
Надеясь, что когда она снова вдохнёт, всё встанет на свои места.
Ждёт…
Вдох.
Нет, чувство осталось.
В окне гостиной мерцает в синей темноте река, подсвечиваемая проплывающими лодками. Апартаменты Нолы занимают пол-этажа в башне-новостройке. Из окон открывается вид на город. Рядом располагаются другие жилые блоки и комплексы, где живут другие состоятельные люди, живя в роскоши, заслуживая того или нет. Горели окна или нет, единицы и нули. Код жизни и сна, пребывания дома и вне дома. Глаза Нолы пробегают по видам. Шторы задёрнуты, шторы раздвинуты. Люди поодиночке или парами. Нет семей как таковых. Здесь не место для детей. В нескольких обозримых комнатах пляшут цвета на экранах или курсируют из комнаты в комнату и обратно фигуры. Юная пара сидит на диване, они смеются.

Нола смотрит на них.
Они приближаются друг к другу,
играя в игру, дразнясь…
ближе
в поцелуе.

Ах… этот момент…

Нола изучает страсть.
К ней вернулась песня — та, из переулка. Три ноты поднимаются, потом нисхождение в минор. Она подхватила гитару и попыталась вспомнить, как она звучала.
Несколько слов там-сям.

Искры. Ночь.

Здесь смена тональности. Другая.
Но не та мелодия, не настоящая. Не такая, как раньше…

Что же это было?
Искры в ночи. Звёзды? Драгоценные камни?

Билбордное лицо, сияют фальшивые самоцветные глаза. Внезапный щелчок вдохновения.

Какой-то блюз. Небо разливается…

Нет. Слишком поздно, слишком далеко. Слишком большое расстояние между нею и тем, чем это могло быть.

Ночная искра — сверкающий камушек — что-то

Зовущее…

Нола отложила инструмент.
Она взяла бутылку пива с кухни и вернулась в гостиную, чтобы свалиться на диван. Она подняла пульт и включила плексивизор.

Щёлк
.

Жужжание. Звук горения. Яркость. Цвет.
Картинка.
Экран занимал половину стены и более половины до потолка, огромная ширь тёмного блестящего зеркала ожила, позволив картинкам и голосам заполнить комнату.
Расслабляясь, Нола утопила спину в диванных подушках. Она потягивала пиво, лениво глядя и слушая, переключая каналы.

Клик.

Дальше.

Клик, клик, клик.

Футбол, комедия, кулинария, взрывы, секс, нынешняя война, старые войны, совращение малолеток, гоночные машины, танцы, сделай-сам, ещё больше войн прошлых лет, крупный план удара кулаком по щеке мужчины, хруст костей, брызги крови, тедди-мишка, чумная лихорадка, реклама, безумие.
Наконец…
Она нашла музыкальное шоу, в котором её основная конкурентка сидела на розовой скамье рядом с юным созданием, едва ли закончившим школу. Он брал у неё интервью. Они острили друг с другом, обмениваясь сладкими словами похвалы и взаимного восторга. Два рта, истекающие бессмыслицами, как по писаному.

Мальчик и девочка. Оба носили костюмчики морячков.

Подойди-ка, милый, ударь в мой барабан.

Если нет в тебе запала, — ты не подойдёшь.

Теперь играл последний релиз конкурентки.

Клик, клик,

Клик.

Палец Нолы снова и снова тыкал на кнопки, отчего картинки на экране расплывались и сливались воедино по мере пролистывания программ, перетекая друг в друга. Вспомогательные окна открывались и исчезали, пока она листала веб-каналы, эфирные трансляции, эфемерные программы испарений и пыли, фрагменты и нашёптывания. Она прошла через Шиммертаун, где собирались шиммеры
[2]
— бессчётные бесконечные сообщения, длящиеся по 44 секунды, прежде чем исчезнуть с экрана. Нола попробовала прочесть пару из них, но после неудачной попытки постичь их смысл в отведённое время продолжила переключать:

от станции к станции, от мути к искрам
сигнал за сигналом.
Потом она остановилась.

Что это был за звук, этот шум?

Музыка.
Её собственная музыка.

Клик, клик.

Нола пролистала назад последние несколько подборок, пока не нашла её, веб-кабельную трансляцию, хрупкую, затерявшуюся в низкорейтинговых частотах.

Клик.

Новое видео. Продвигали новую песню.
Она встала с дивана, подходя к экрану.
Это была она.
Нола Блу.
Картинки прыгали и пульсировали.

Зум!

Выстрел вспышки ударил в лицо певицы как взрывной шок.

Но она только рассмеялась. Нола смеялась в глаза камеры, а потом повернулась, пружиня на каблуках, падая замертво

СТОП!

Бац. Точно в точку. Она наполовину опустилась на колени, затем снова поднялась и пошла прочь, теперь напевая.

(Мне только хочется, мне хочется узнать тебя.)

И опять она танцует, двигается в ритм с музыкой, подыгрывая следящему кадру, который не отставал от неё, подстраивая его под свой ритм, на студии, а потом за её пределами.

(Ты знаешь, мне хочется

мне так хочется

по-настоящему хочется…)

Наружу.

Яркий всплеск солнечного света, рвущегося в объектив.

Резкий переход монтажа.

Вдоль городского берега реки, где ждёт молодой человек со своей бандой хулиганов.

(Мне хочется узнать тебя настоящего.)

Молодой человек ждёт её и потом тоже начинает танцевать, отдаляясь от банды, уходя с Нолой, но всегда выдерживая один, два, три или четыре оборота и оказываясь впереди неё.

(Мне хочется касаться тебя, мне просто хочется…)

И как бы она ни пыталась угнаться за ним, как бы громко и страстно она ни пела, он всё время оказывался впереди, этот молодой человек, всегда на грани того, чтобы улизнуть…

Нола смотрела на себя на экране.
Она с трудом узнавала в этом лице своё собственное, так часто она менялась в процессе звёздного становления. Преображения, макияж, пудра. Переделанная и перекроенная. Расширенная и затем оцифрованная до каждого дюйма своей плоти или того, что она ею ощущала, постобработанная, пока от неё самой почти ничего не осталось.
Едва ли что-то вообще оставалось.
Даже её голос, её прекрасный голос, созданный природой, хорошими генами бедной матери и плохого отца, даже её врождённый музыкальный голос был нарезан и перегруппирован, заавтотюнен, смикширован сверх всяких мер её собственного языка.
Это было как существование другой личности.
Вот, чем это было.
Другая версия её собственного лица и тела. Какая-то странная маленькая абстрактная сущность, живущая по ту сторону экрана. Юная особа, выглядевшая как Нола, говорящая и ходящая как она, поющая и танцующая как она, произносящая своё имя точно так же, используя те же буквы в том же порядке; эта вторая женщина, её двойник с той же фигурой, носящая ту же одежду, затуманенная и задрапированная той же взбитой и уложенной слоями копной волос.
Даже те же, чёрт возьми, зубы.

Блестящие, как снежок. Работа пластикового скребка и отбеливателя, сполна оплаченная Джорджем лично, за счёт будущих гонораров, разумеется.
Имя, лицо, зубы, кожа, губы, одежда, глаза.
Здесь была она.
Здесь была она на экране.
В точности та же личность.
Нола Блу. Звезда музыки.
Но это была не она. Это просто была не она.

Кто же это, чёрт возьми?

Нола протянула ладонь и коснулась экрана.

Покалывающее шипение. Нагрев.

Между ними пролегает стекло, отделяя двух существ друг от друга.
Нола изучала свою креатурную личность. Особенно рот. Этот раскрашенный оскал, помогающий песне звучать, губы, двигающиеся в такт ритма, который она держала внутри себя.
Блестящий рот, блестящие глаза.
Мерцающий отлив мерцающей кожи.
Так что же более настоящее — её тело из реальной жизни или имидж её тела? Одна из плоти и крови, недостатков и дыхания; другая — цветущая, возвышенная, сверкающая оцифрованной на компьютере страстью.
Обе они сконструированы, обе оплачены.
Нола смотрела на себя танцующую.

Теперь медленно…

Мееедлееееннооо.

Плавно опускаясь, когда песня достигает своей кульминации и молодой человек наконец уступает,

шепча, внезапно любя,

внезапно осознав, упав в ждущие жаждущие объятья певицы.

Поцелуй.

Ах, это милое медлительное прикосновение губ к губам.

Финальные слова песни, финальный бит ударных.

Видео растворяется в чёрном.
Закончилось.

…физскстс…

Момент тишины.
Пустой экран.
Когда же она в последний раз поцеловала или её поцеловали, по-настоящему поцеловали, язык к языку, жаркое дыхание, смешивающееся в потёмках рта, когда? Когда?
Нола смутно помнила своего последнего бойфренда из деревеньки, где она росла в подростковые годы.

Как же его звали?
Нет, она не могла вспомнить.
Где он был все эти дни? Что он делал?
Его лицо. Его кожа. Будто она сама вернулась в то отмеченное только молодостью время. Его рот. Шепчущий о вечной любви к тебе.
Эпохи назад, или только так казалось. Другая жизнь. И она сама другая.
Слава убивает нормальность, она разрушает близость.
Нола почувствовала слёзы, подкатывающие к глазам.
Она покончила с пивом, не думая ни о нём, ни о тех двух коктейлях в баре, ни о выпитом ранее, когда заходил Джордж…
Ладно, она привыкла к этому. Слишком много режима. Делай то, делай это. Будь подтянутой, здоровой, собранной.
Нола уставилась в экран.
Теперь пространство было занято двумя экспертами, средними парнями с серьёзными амбициями.
Один ухмылялся, другой хмурился. Оба кивали.
Первый округлил глаза.
— Это третий сингл с альбома.
— Вот беда-то. Передержка, — ответил другой.
— Верно. Шарм Нолы улетучился. Так мало драйва было, что и начинать не стоило.
— О, вначале у неё было его достаточно. Более, чем достаточно.
— А что сейчас? Что-то бледненькое, на мой взгляд.
— Определённо, она тратит впустую этот материал. Слышал демо-треки?
— Только ты меня и держишь в курсе, Энди.
— Ранний материал, ещё до Голд Энтерпрайзис, был на высоте.
— Хороший, правда?
— Более чем, посредственно хороший, сказал бы я. Её собственные песни. Сейчас именно они ей нужны.
— Ну да, что-то ей да нужно.
— Это отношение Джорджа Голда, не так ли. Мистер Король Попсы у руля системы.

— Голд
устарел
.

— Система больше не работает.
— Проверь статусные позиции, малый. Тридцать шесть? Следующий шаг: ускоренное падение.
— Всё, что я предлагаю, Марти, так это подождать и посмотреть. Может, Нола преодолеет трудности.
— Слишком поздно! Я слышу, как пузырь лопается.

Клик.

Нола переключила программу.
Ещё одна. Другая.

Клик, клик.

Что угодно, только не это. Что угодно, но не её собственная препарация, тычки и пинки в остроумном сюжете СМИ: низвергающем, разгромном, обвиняющем, полуизгоняющем.
Нола вернулась на диван.

Клик, клик, клик.

Её палец теперь пассивно жал на кнопки, двигаясь дальше, за пределы легальных каналов.
Её приёмник потихоньку декодировал шифровки, вызывая временные скачки сигнала.
Клик, клик, кликк.
За пределы телесферы, где спектр смешивался в тумане и статике. Здесь жужжали фракталотрансляции, на четверть пиратские станции, ворующие частоты на час или два.
Кабельное снов и кошмаров. Политические тирады, домашнее секс-видео, караоке-мыло,

бытовые ссоры в реалити шоу, порнодрамы, гиперспециализированные агентства знакомств, аукционные войны, медицинская волоконная оптика, трансляции призраки, записи с камер видеонаблюдения, съёмки с гламкамер, старинные бальные танцы, размытые кадры автокатастроф, композиции из цветов, стримы с улиц в реальном времени, где маленькие дети с пиксельными лицами воспевают новые городские народные баллады ружьям и крови.

И так много тысяч микрожанров.
Каждого в те дни поймала камера, каждого.

Клик, клик.

Ноле попался старый чёрно-белый фильм, который она раньше не видела. История была банальная, сверх меры романтическая, но некоторые образы обладали особым магнетизмом, и казались более похожими на воспоминания:
Чёрный кот, гуляющий по саду, в котором фонтан выбрызгивал водяные арки на солнце.
Девочка-подросток, запускающая воздушного змея.
Разбитая машина, покоящаяся у кромки озера, её заднее сиденье занято трупом бизнесмена.
Картинки, подсвеченные светом себя самих.
Образы, Моменты. Замедление.
Монолитный поток.
Ноле удалось ещё однажды кликнуть пульт, ещё одно сонное нажатие пальцем,
вдруг устала,
убаюканная звуком визора,
заговорённая.
Образ: лицо мужчины, затуманенное. Он улыбался.
Мягкое мерцание экрана,
будто очарование передалось комнате,
над лежавшей в ней зрительницей,
над Нолой, лежавшей тихо, глаза сверкают, а потом увядают, мягко закрываясь; два обрамлённых ресницами портала, впускающее последний проблеск света, и ни одного больше.
Темнота.
Пульт управления упал на ковёр.
И к половине второго
Нола лежала, глубоко
заснув.

~~~

Нежный сине-бронзовый свет экрана маячил напротив её лица.
Герои разговаривали друг с другом,
нежно, укрывшись за мягким статическим шумом,
неслышно.
Тикали часы.
За пределами блока апартаментов Нолы колыхался тёплый воздух. Сплетение антенн и спутниковых тарелок на крыше здания тянулось к полной луне, наполовину скрытой за облаками. Невидимые волны информации витали в воздухе. Время от времени по проспекту внизу медленно проезжали колёса, на миг обеспокоив этот спектральный участок столицы.
Пролетела одинокая ночная птица,
держа путь к реке.
Ночь сгустилась в самый тёмный час, склонилась и начала длинно
и размеренно
меркнуть
в рассвете.
Нола едва пошевелилась. Она простонала раз или два, во сне, вероятно.
Снилось, будто что-то проникло прямо под её кожу, какое-то странное маленькое создание из света и звука.

Ссзззтзс

Инфекция заняла своё место.
А экран всё мелькал
~~~

образом.

-3-

Борьба навстречу пробуждению.

Мигают огоньки… вкл и выкл…

Голос…

Дыхание…

Женский голос…

Но не её… не её собственный…

Аххх… нужно попытаться… найти дорогу сейчас…

Наконец, голос умолк.
Глаза Нолы открылись.
Голова пульсировала, болела.
Она с силой прижала своё лицо, чтобы прийти в себя, в своё собственное тело, но единственным, чего она смогла добиться, было чувство пребывания внутри норы.
Нола лежала там в полумраке.
Её язык ворочался во рту; снова привкус горелого металла. И этот жужжащий шум в голове, всё ещё гудит.
Её левое предплечье болело, кожа покраснела.
Она почувствовала себя странно непричастной, как если бы могла медленно плыть с дивана и парить над ним без каких-либо средств поддержки.
Сны. Запомнившиеся наполовину.

Слови их…

Нестройно подрагивают огоньки. Женщина говорит:
Что, чёрт возьми, это было?
Потом темнота. А потом?

Нет. Они уплыли.
Следы. Картинки.
Дым.
Исчез.
Её глаза открылись и закрылись.
Экран исторг шум, потрескивающий звук. Нола посмотрела на плексивизор.
Он всё ещё был включён, всё ещё играл.
Голоса, слышанные ею во сне, исходили оттуда, из приёмника. Женщина всё говорила, потом отвечал мужчина. Два персонажа. Два злых, влюблённых героя драмы, которая вся была услышана из страны снов.
Но что это за канал? Какая программа? Она не могла как следует разобрать. Силуэты размывались.

Слишком много выпивки прошлым вечером. Слишком много.

Она не привыкла к такому.

Да, она, наверное, свалилась пьяная и уснула прямо здесь, перед стенным экраном, как и была, — полностью одетая, оставив включённый плексивизор на всю ночь. Это не было типично для неё, не в её стиле.
Нола собралась.
Люди на экране расплылись.
Теперь тишина.
Без картинок. Без слов.

Что не так?

И уже, пригибаясь ближе…
Слабый гул электростатики.

Физзл, физсл…

Шум в голове Нолы звучал как два провода, как два горячих оголённых провода, тянущихся к соединению.

Фззттзтзтстз…

Нола ошеломлённо уставилась в пустой серый экран.
Она смотрела и слушала. Видя, слыша…
Вспышки статического электричества, снежные мельтешения.
Взрывы случайных шумов.

Фззкстсстстсс!

Формы. Формы на сером.
Силуэты?
Полувидимые проблески.
И её собственное лицо в отражении.
Ещё один персонаж.
Нола не знала, что делать. По какой-то причине она чувствовала связь с экраном. Он притягивал её взгляд, требовал внимания даже сейчас, когда на его месте был лишь лёгкий статический шум.

В мерцании себя найди…

Нола потёрла виски.
Время?
Наручные часы. Не видно. Прищур глаз. Поуже…

5:05

Она глянула в окно.
Ещё темно. Но, быть может, проблеск солнечного света.
Ещё рано. Может, время забраться в кровать, вздремнуть немного перед тем, как заглянет Кристина. Может, это лучший вариант. Сегодня предстоит много работы.
Экран зашумел, Он изменил цвет, яркость, теперь заполнился волнящимися линиями: светло-серая, кремовая, серо-голубая, фиолетовая, жёлтая. Пока ничего нельзя было разглядеть как следует, но в этих формах и шумах были слышны: звуки возни, торопливые нервные шаги, затем голоса.
Кто-то шептал, исполненный страха.
Нола прислушалась, настороженно подавшись вперёд.

Вы здесь? Вы ещё здесь?

Никто не ответил.
Звук бьющегося стекла.
Человеческий плач.

Аххх…

Всхлипывания.
Нола нагнулась вперёд.
Экран расцвёл светом. Картинки.
Передача.
Семья сидит вокруг обеденного стола. Мужчина и женщина, как и раньше, но теперь очерченные, с заданными типажами для игры: отец и мать с двумя детьми.
Младшая из них — дочь… плачет.
Что-то вроде мыльной оперы или личной драмы. Должно быть, она шла всё время. Какие-то помехи с приёмом — в этом дело. Плохой сигнал.
Мать визжит, кричит. Отец опустил голову; дети шокированы, расстроены.
Нола таращилась на этот спектакль, с чувством какого-то облегчения, сама не могла объяснить почему. Её собственные ногти глубоко вдавились в ладони, имитируя действия отца.

Его руки крупным планом,

ногти врезаются в плоть.

Собственные руки Нолы.
Боль была приятной, и она почувствовала внезапный прилив медийного кайфа в стиле старой школы, доцифровую иглу прямо в сердце. А за всем этим — ноющее сомнение, страх.
Ещё не названный, неизвестный.
Этот привкус во рту.
Кожу щиплет по всему телу.
Черепожужжание.
Нола встала и прошла на кухню, включив накладную подсветку. Она налила себе стакан воды и выпила его с двумя таблетками аспирина.
Порошок на языке. Леденящая жидкость.
Дрожь от контакта.
Кончики её пальцев горели.
Рот ватный.
Плохое самочувствие.
Ещё и работать сегодня надо.

Как же она будет…

Головная боль.
Что бы она ни делала.
Странно.
Она устояла, схватившись за кухонный стол.
Комната потеряла фокус.

Клик.

Стала на место.
Может, пора… может, надо к врачу.
Скоро.
Да. Поговорю с Кристиной об этом.
Может быть.

Клик.

Комната плывёт.

Клик.

Опять всё прояснилось — каждая деталь раковины, столешницы и плиты, чёткая, реальная, чересчур реальная.
Нола вернулась в зону гостиной.
Стенной экран играл.

Рекламная пауза. Какая-то слабо знаменитая фигура несётся через дом с сокровищами, сообщая о фактах, числах, единицах продаж, применениях таковых, искре жизни, ста различных способах применения этого блестящего продукта. Образы поднятых рубильников, нажатых кнопок, залитое улыбкой лицо ребёнка, сплошная востребованность, сплошное сияние розового счастья. Сам продукт невиден, только разговоры о нём, только фантазии вокруг. Теперь лого и завершающая строка:

Купи сейчас, пока это не сделали твои друзья.

Будь первым! Стань предметом дискуссий на работе и дома!

Да.
Всё хорошо.
Машина блаженства продолжает жить.

Вот мы и собрались здесь…

Ведущий говорил в почтительных тонах о программах, которые должны выйти, о мистическом удовольствии быть увиденным и просмотренным позже в тот же день, ночью, на следующей неделе, ох, какой восторг будет доступен вам на досуге, где и когда вы пожелаете!
Нола села. Она слышала тайные молитвы, раскодированную болтовню краснобая.

Дорогие зрители,

Здесь мы встретились по обе стороны стекла

Чтобы сгореть и очиститься

и вложить наши души.

Лизать экран статического электричества

Сжечь наши глаза великолепием.

День и ночь, двадцать четыре на семь

Неделя за неделей

Всю жизнь

Мы будем загружать, выгружать

и весело затянем сами себя

В электрическое благополучие

Из блеска,

Яда и лунного света.

Почему бы тебе не присоединиться к нам?

Нола нашла пульт.

Клик.

Ушёл. Сплошная тишина, сплошная пустота.
Она облокотилась на диван. Может, перекусить. Нужен сахар.

Шшсззсссссссс…

Что?
Шум.
Что это было?
Звенящее головокружение.
Момент
размытия.

Что-то не так. Что-то тут не так.

Опять шум, но уже более тихий.

…шшззшссхссс…

Она остановилась. Замерла, насторожившись.
Черепной гул?
Нет, не то. Это было другое.
Может, экран?
Нет, он выключен. Точно выключен.
Так, прислушайся. Вслушайся…

Шхххххсхс.

Вот.
Вот оно. Теперь чуть громче.

Шхххсзсс… шсзтс… ссшскхжзссс…

Слова?

Слушай!

Нет. Не слова, пока нет, и даже не шёпот. Только бормотание слабого шипящего звука, который, казалось, доносился с немного другого направления каждый раз, когда она поворачивала голову.
Нола закрыла глаза, собралась.
Был ли это голос? Было ли это чьей-то речью?

Сззх… х…хаат… к…нис…ссь… увла…жжжн…

Кто-то пытается говорить? Может, ребёнок? Маленький мальчик?
Нола не могла сказать наверняка.
Она ощущала покалывание в области живота, который она, не осознавая того, чесала, её пальцы вгрызались под рубашку. Кожа ощущалась тёплой и липкой.

Что?

Пальцы ищут, надавливают.

Чёрт, что же это такое?

Она откинулась назад, чтоб задрать рубашку и осмотреть живот более пристально. Там что-то было на коже.
Трудно разглядеть.
Она поднялась и прошла в кухню, где всё ещё жужжала накладная подсветка.
Теперь. Теперь она видела это ясно.

…
Синяк.

Синяк на её животе.
Он был расцвечен фиолетовым и розовым, переливаясь на фоне её тела, округлой формы, около двух дюймов в диаметре, расположен чуть левее пупка. Пальцы Нолы скрупулёзно обследовали территорию, почти в страхе того, что она ещё могла найти. Однако ни прокола, ни глубокой раны не обнаружилось. Лишь лёгкое чувство липкости, ничего более.
Может, прошлой ночью на неё напали или втянули в какую-нибудь драку?
Нет, ничего такого она не помнила.
Могла ли она забыть какую-нибудь стычку с насилием? Нет. Нет, это было невозможно. А может, она падала на улице по пьяни? Но какое падение могло привести к такому синяку на животе? Должно быть, она налетела на что-то, вот и всё — это было единственное объяснение. Промахнулась в дверях, не осознавая того, или на фонарный столб, или на изгородь, на припаркованную машину, что-то в этом роде.
Это была загадка.
Покалывание на коже всё ещё ощущалось.
Нола стянула рубашку и прошла в спальню. Она вдруг почувствовала себя уставшей и измученной, пытаясь снять с себя одежду, большую её часть.
Её голова упала на подушки.
Вскоре она уснула.
Сны её беспокоили.
Странные зрелища, вспышки воображения, никогда не задерживающиеся больше, чем на пару секунд. Их фактически нельзя было зафиксировать, только пережить, только отдёрнуть и заместить — каждый по очереди. Эти мимолётные картинки омывались водами статического электричества, смягчавшего череп, и в каждой была слышна музыка.
Кто-то пел.
Голос, такой прекрасный, и эта мелодия, этот восхитительный союз нот! Она никогда не слышала такой музыки. Правда, она сейчас должна подняться и записать это, поймать её, набросать слова и мелодию до того, как они испарятся.
Но она не могла проснуться, как следует.
Вместо этого Нола привлеклась к музыке, к поющему голосу, этому человеческому присутствию, пока сон не свернулся обратно во тьму.
После этого она крепко спала где-то пару часов, всё это время её пальцы легко покоились на животе.
По паутине вен и артерий приливала и отливала кровь.
Подпитывая синяк.

...../...

кожа >/

01 0 ?

/ (,</ . * ,> /

/ .> влажно: голоса ^   . :

\   \ 0\ 01

,.>\ 01

‘объявлена химическая тревога...’   \

.. /   .’ \ / !^.1

<разговоры во сне + ? узоры интерференции

/   ./ <%   >
размытие
^>,

.   /’   ,/ 0   10

.[:шум !   (@   изображение языка.. .

/.[клик]

^/   ?’   \>>

/ ,   молодая +
блу
_*: 36 (& падение?>

/ 010110, ’36!’

(?: \.

;\ . 01

?(‘показатели последних данных...’

>/ /   череп

Зкскскстзтт
110 ,1/ ‘’

< / 0 101 01\”?рот> /”>\

. .> / 01 *^

Губы: говори сейчас < >

./ , >

* тв:/ [1 2 3 4 5 6]>[1]

< > / ? . \

/ .* пиратские сигналы > /

[
клик
]

*(^ 10\

. ? ,.

/ < . : .

* \

-5-

Нола вглядывалась в зеркало в ванной.
Она приняла душ, освежилась и почувствовала себя лучше. Снова осмотрев синяк она с радостью отметила, что цвета немного поблекли и что физические ощущения уменьшились, сменившись лёгким румянцем.
Она прошла в гостиную, не задумываясь включила экран, просто ради звука оттуда, ради мельтешения, ради компании, ради болтовни голосов.

Сзжжзфззтттхт.

Связь установлена.
Её живот сжался.

Её руки протянулись к экрану, когда он загорелся. Тепло успокаивало её, треск электричества. И теперь она могла учуять запах плавящейся проводки. Её язык облизывал дёсны, пробуя дым и искры на вкус.
Кончики пальцев пощипывает.
Нагрев тела.
Голова гудит случайными вбросами данных.

сзфистт… сзиффтст…

Не больно. Просто это ощущение собственной хрупкости,
на грани.
Ей было нужно принять что-то, таблетку. Горючее. Что-то сладкое и волнующее, способное протащить её сквозь день. Она спросит совета Кристины, да. Когда та заглянет…
Нола села на пол перед плексивизором и уставилась в экран.
Она узнала программу.

Купол Удовольствий.

Ковровая трансляция двадцать четыре на семь, семь дней в неделю. Перекрёстный канал, снабжающий контентом ежечасно, со спецвыпусками по выходным, со всеобщим доступом и разветвлениями дискурсных сайтов, как легальных, так и не очень.
Теперь мерцания. Формирование цветов…

Прозрачный пластик самого Купола, двадцать один метр в диаметре. Края уходят в землю, восемнадцать метров высоты в зените. Оранжевые и синие маячки траверсов
[3]
, кривая поверхность медленно трансформируется в солнце и море, превращаясь в мчащуюся машину, волну сёрфа, разрушающуюся башню под двулунным небом. Внешняя поверхность показывает постоянно меняющиеся образы — иногда абстрактные, иногда формирующиеся в полусвязные эпизоды, фрагменты, проблески повествования.

Ранний утренний солнечный свет ласкает Купол, как призрак любовника.

Внутренний кадр: женщина, коленопреклонённая в центре.

Молодая женщина, упёршаяся коленями в землю, с жирными спутанными волосами и высушенной кожей, её пальцы покрыты глиной, струпьями, мёртвыми насекомыми. Вокруг неё — оборванные цветы, остатки трапезы, кости, яблочные огрызки, вафельные крошки. Моток тряпья для постели. Больше ничего. Руки женщины — работают, вяжут, сплетают нити, провода и веточки вместе.

Картинка дёрнулась.
Одновременно моргнули глаза Нолы.
Молодая женщина нахмурилась.
Её звали Мелисса. Знаменитая Мелисса. Избранная оракулом в этом году. Участник. Жертва. Зовите её как хотите.
Камера приблизилась к голове женщины, показывая крошечные отметины — по одной на каждом виске, куда были вживлены датчики. Они мигали красным: сигнал режима активности.
Теперь её лицо заполняло экран целиком… её глаза…
Мелиссины глаза таращились на Нолу.

Пристально. Тёмно. Свирепо.

Нола не могла оторваться, даже на секунду.
Переход: Купол. Внешний вид.
Поверхность заиграла завитками красного и золотого, распускаются вспышки голубых цветов, лепестки, пчёлы садятся на тычинки, чтобы собрать пыльцу и улететь. Косой наплыв и сдвиг в чисто белый, молочно-белый, кремовый. Треск огня. Поверхность Купола затанцевала образами, каждый из которых выколдовывался в реальном времени из женщины, сидящей и спящей, и молящейся, и вымазывающейся, и бормочущей, и

завывающей в центре, запертой внутри. Из черепотечения пусть цветут черепоцветы. Заполняй экран, вселяйся, кровоточь. Перенеси нас. Теперь свидетельствуй жужжание и трещание ума за игрой, поджигающей крыло птицы, набрасывающейся на сырое мясо, сосущей рану, ласкающей голую плоть, выделяющейся испариной на спине мужчины, работающие мышцы, небеса, свернувшиеся, потемневшие, мириады звёзд в своих созвездиях, — всё это в считанные секунды транслируется на поверхность. Образы постоянно сменяются и перетекают, и отделяются, и растворяются, и блекнут, уступая место новым образам.
Так молодая женщина в Куполе отдаёт свои мысли миру. О чём бы она ни грезила, всё немедленно становилось видимым — без цензуры, прямо в аудиторию.
Прямо к Ноле.
Перебивка кадра.
Теперь глаза Мелиссы, закрытые в острой тоске.
Нола уставилась в ответ.
Мелисса возила пальцы одной из рук в грязи и кале. Она подняла палочку и на грунте подле себя начала царапать буквы.
П…А
Она поколебалась, будто припоминая импульс, затем продолжила.
…П…А…
Нола пристально смотрела на женщину из безопасного уголка своей гостиной, читая буквы по мере того, как они возникали.
ПАПА Я…
Рука Мелиссы дрожала. Палочка нажимала и сгибалась, упираясь в землю, а затем была поднята и устремлена в обнажённую плоть её руки, вгрызаясь.
Потекла кровь.
Смена кадра. Внешний ракурс:

Изогнутое пространство Купола, отражавшее этот момент в прорезях красного, в скрипах и треске шума, в приоткрытом рте, чтобы разразиться плачем, чтобы слабоумно запеть под прицелом луны. Слова, путаница, удар крыльев.
Папа я тебя неанижву. Папа я тбя ненжвиу. Ппа я тябнена вижу.
Они путешествовали по всему Куполу, эти слова, сливаясь со всеми льющимися на него образами, с туманом, огнём и ливнем, с географическими картами, и с тиграми, и с реками, и с танцем фар на ночной дороге, со стуком ног танцовщицы о деревянный пол, с ушибленными лодыжками танцовщицы покрытой багровыми пятнами, с коленными изгибами, с вылетевшими с её платья блёстками и опадавшими сверкающим дождём, цветочной пылью, мерцающим временем. Пролитой из внутричерепной суеты.

Внутри: женщина — одна.
Теперь спокойна. Замерла.
Её глаза подёрнуты пеленой, полуслепы. Щекотание жидкости из слёзного канала в угрожающе крупном плане.

И в эти несколько сладких моментов Нола была прикована зрелищем, загипнотизирована. Примёрзла к пятну самой себя, в зеркале Мелиссы: пересохшее горло, влажные руки. Нола никогда раньше не была так поражена, ни одной картинкой, ни одной трансляцией человеческого существа. Но сейчас она чувствовала боль молодой женщины. Нола была
болью. И все зрители мира, как и она, тоже окунулись в боль этого момента.

И тогда картинка ушла с экрана.

Сзиксфзтст
…

Нервный скачок.
Нола была расстроена. Ей нужно было ещё раз почувствовать эту связь.
Картинка замешкалась. Затрепыхалась линиями. Нашлась.
Нола вздохнула:
— Ну давай же. Вот так.
Вот. Вот она.

Колеблется. Дёргается. Лицо молодой женщины, подёрнутое статическими снежинками, вибрациями шумов.
Нола разразилась проклятиями экрану.
— Нет. Не сейчас. Работай для меня.
Она пододвинулась ближе.
Тёплое стекло к коже. Она нуждалась в этом.

Вернись ко мне…

Экран со щелчком погас.
Наваждение развеялось.
И Нола была потрясена, обнаружив себя стоящей на коленях, прижавшейся вплотную к стеклу для того, чтобы почувствовать тепло света, послевкусие.
Её тело было возбуждённым, наполненным мягким горячим жужжанием. Её рука скользнула под блузку, по животу.
Синяк.

Там тепло… влажно…

Зазвенел дверной звонок.

Проклятье.

Эта была Кристина, заглянувшая, чтобы подобрать её.

-6-

Для вашего Удовольствия…

Представьте себе сферу. Представьте сад на поверхности сферы. Цветы свободно всходят, цветут и умирают, снова цветут в ускоренном движении, их лепестки меняют цвета, образуя множество изменчивых узоров.

Теперь представьте себе, что каждый цветок посеян из центра, изнутри Купола. Представьте себе эти цветы, их сменяют насекомые, эти насекомые в своей массе преобразуются в завитки тумана, в дверные проходы, открывающиеся и закрывающиеся, в красное солнце, заходящее над жилым имением, в звёзды.

Женщина живёт внутри Купола. Её виски мигают мягко-красным. Искры выплывают из её глаз, с её волос, её бровей, кончиков пальцев. Каждая искра — мысль, чувство, семечко. Образ. Много образов…

Из этого видения и родился Купол Удовольствий.

Поверхность купола сконструирована из полихобария — слоистого материала, чьи чувствительные пигменты улавливают сигналы из мозговых волн, трансформируя их в образцы, цвета и формы. Этот экзопсихический трансферный процесс был разработан компанией Hobart Projections
[4]

, основанной в Великобритании. Процесс даёт возможность расшифровывать или, по крайней мере, преобразовывать внутреннее мышление во внешне наблюдаемую материальную форму.

Кто-то зовёт это обманом, утверждая, что Купол производит случайные картинки. Тем не менее, концепция была, разумеется, подхвачена вниманием общественности, и с наибольшим блеском в популярной программе перекрёстных СМИ, в которой доброволец помещался внутрь полихобариевого купола на срок несколько недель и жил в самых примитивных условиях, а его эмоции, мысли и сны просматривались миллионами зрителей по всему миру.

Страх, вожделение, воспоминания, тёмные мудрёные видения, дрейфующие абстрактные узоры: всё улавливалось внешним экраном Купола Удовольствий. Ночные кошмары. Сокровенные тайны. Пустые размышления. Всё расшифровывалось. Кроме того, требовался определённый тип личности, чтобы удовлетворить голод Купола. Психологи предупреждали об очевидной возможности для серьёзных ментальных расстройств.

Количество прорезавшихся проблем наводнило ранние годы развития проекта. Как минимум двое впали в кому, поддерживались в подвешенном состоянии в течении трёх-четырёх недель. Они полностью восстановились, проснувшись сами по себе на своих больничных койках без каких-либо вразумительных воспоминаний о своём состоянии транса. Только нашёптывания, фрагменты, вспыхивающие образы пейзажей, тела, проплывающие в темноте, люди из тени. Свои брови, подведённые углём, окровавленные кончики пальцев. Не их кровь. Однако все эти проблемы уже решены. Инцидентов не было уже много лет. Программа продолжается.

Поэт писал: Пускай из черепа взрастут цветы, а мы, взглянув в них, сможем возродиться. Купол Удовольствий делает этот процесс, это цветение, реальным. Удовольствия ждут.

-7-

Начались дневные заботы. Нужно было продвигать новый сингл. Здесь была повседневная жизнь и Нола Блу проживала её, эту священную возможность, над которой она трудилась, приз, которого вожделели тысячи.
Интервью, фотосессии, появления на радио.
А Джордж Голд даже ни разу не обернулся, даже не повернул голову к двери и не сказал привет.
Кристина оставалась верной.
Она сунула Ноле что-то маленькое в форме таблетки.
— Вот и мы. Это наполнит силами все твои системы веры в себя, поверь мне.

Теперь они вместе пили чай, напивались напитками из студии, подмешивая туда долю виски. Они смеялись над печальными шутками и шушукались о звёздах-конкурентках. Кристина была старше Нолы на десять лет. Она была старой закалки теоретиком плотски-счастливой попсы с примесью наркотиков и радикального мозгоёбства. Она рассказывала истории обо всех девчонках и парнях-фанатах, которых она уводила у Нолы в течение всего прошлого года, просто ради ночных забав. И она так ярко улыбалась, и кивала прямо впопад, и брала Нолу за руку на удачу. Но другие профессионалы, которых они встречали на пути — репортёры, маркетологи, фотографы и им подобные — обходились с Нолой по-другому, как будто она была уже использованным товаром. Но Нола прилагала все усилия, а иногда даже больше, чувствуя, как возвращается былая страсть, весь этот кураж, лоск и жажда славы.

Несомненно, таблетка делала своё дело. Но не только это. Нола кайфовала в собственных грёзах. И всё шло отлично, пока ей не пришлось записывать на плёнку исполнение песни, которую будут транслировать на следующей неделе в
Любовь это дёшево
— передаче для подростков.

Пантомима. Обычное дело.
Нола встряхнула головой.
— Крис, передай им, что я хочу петь живьём.
— У них всё настроено.
— Скажи им.
Глаза Кристины потемнели.
— Ты сделаешь так, как они хотят. Это сделка.
Да. Сделка. Спонсорство. Сборы. Так много всего учтено и закуплено. И такая прибыль.
И… улыбка.
Губы шевелятся под запись.

(хочется, хочется)

Музыка в наушниках

(мне просто хочется)

Рот и тело работают синхронно, без проблем, но вдруг над головой лопается пузырь и внезапно Нола видит себя сверху, с осветительного оборудования.
Игру жизни на расстоянии, себя в чучеле из тряпок и пудры, едва ли вообще там находящуюся. Пронизанную прожектором: оттенённую красным, зелёным, затем жёлтым, ярким и горящим.
Пустые шаги хореографии, предполагавшие придать ей привлекательный вид, или сексуальный, или товарный, или какой-там ещё.
Горячая кожа, нежное покалывание под одеждой.

Знаешь, мне хочется,

Мне хочется узнать тебя.

Но теперь она не могла контролировать соотношение текст/рот должным образом, вообще никак. Её губы продолжали шевелиться под запись и вдруг стали растягиваться слишком медленно. Попытка за попыткой взять себя в руки, пока режиссёр не заорал на неё. Это всё только усугубило.
Запинка, пропуск такта. Стук её туфель по дереву.
В горячке вырываются слова:

Мне хочется (мне просто хочется) по-настоящему узнать тебя настоящего.

Всего. Всего тебя. Дай мне шанс.

Мне хочется касаться тебя, тебя, только (хочется) касаться тебя.

Тебя настоящего, мне просто хочется

Идти за тобой и укрывать тебя.

(Прошу) дай коснуться тебя

Мне только хочется

Мне просто…

Рот Нолы отказывался повиноваться. Другие слова лезли в голову, одерживая верх, насильно выблёвываясь: злые слова, непотребные слова. Ей пришлось сжать губы, чтобы предохранить новый текст от всеуслышания. Её тело дёргалось и крутилось в рутине танца, как надломленная марионетка. Она не чувствовала реальной связи с живой песней как музыкой, как мелодией или смыслом, а лишь как набором специально закодированных фраз и жестов, разработанных триггеров для нажатия на нужные эмоциональные и физические кнопки определённого целевого демографического подкласса.

Хочется… хочется…

хочется… приблизиться… чувствовать… тебя…

дай мне… всего…

хочется хочется…

Слова распадаются и скользят, музыка пульсирует в её ушах словно внутрикровяная песня.
Снопы света, нет изображения.
— Народ, тут какая-то поломка. — говорит режиссёр из контрольной будки. — Да что же это? Ну пожалуйста.
Монитор залился, пронзительно завизжал.
Живот Нолы стал зудеть,
а затем — гореть.
Её глаза крепко зажмурились.
Выскальзывание. Плавное высвобождение. Музыка растворяется в далёком треске, чистом статическом электричестве, искрах нагрева. Боль. Чей-то голос, обращающийся к ней, шепчущий в близи. Но что ей сказали?
Она не могла расслышать.

Что ей было сообщено? Какая-то информация или история.

Откуда ей было знать?

Говори со мной. Говори со мной! Громче!
В ответ пришёл только шепчущий выдох.

Что ты мне говоришь?

И тогда Кристина взяла её за плечи и повела к краю съёмочной площадки, спрашивая, всё ли с ней в порядке. Нола могла отвечать с трудом. Она обхватила себя руками, прикрываясь, ёжась, внезапно смутившись собственного тела.
Кристина снова спросила.
Нола отстранилась.
— Мне нужно немного времени. Пару минут.
— Конечно. Конечно, они у тебя есть.
Нола кивнула, улыбнулась.

Спасибо тебе.

Она покинула пространство студии, прокладывая дорогу к туалетам вниз по коридору. Стены поплыли у неё перед глазами, она поскользнулась и чуть не упала. Живот потяжелел. В ушах роились звуки, создавая гудение, осадок. Пыль на языке, металлический оттенок. Чудной привкус. Наконец, она достигла женской уборной, где ей удалось ввалиться в одну из

кабинок, как раз когда её вывернуло, разразившись обильным рвотным фонтаном на белый кафель.
— Иисусе. Что со мной?
А живот всё болел и резал.
Руки поднимаются. Рубашка, задранная,
сдёрнутая набок.

(бррррр)

(боязно взглянуть…)

Синяк.

(вот… дерьмо… ох… нет…)

Синяк вырос.
Прежний пурпурно-розовый теперь сменило многоцветие, основные цвета растворились во множестве других оттенков: красные, жёлтые, несколько мазков оранжевого. Он всё ещё был округлой формы, на вид более трёх дюймов в ширину, затушевал пупок Нолы.
Он разрастался.
Чудные голоса продолжали доноситься в её ушах. Исходили они изнутри головы или из внешнего мира?
Один голос рос заметнее.
Нола могла различить пару слов там-сям, на фоне шелухи и статического шума:

…Каждую ночь… враги вторглись… наши ребята делают всё, что могут… неожиданное нападение…

Её пальцы коснулись живота, надавили.
Тёплая плоть, влажная.
Она нагнулась, чтобы исследовать синяк поподробнее. Двигался ли он? Двигался ли он под её пальцами, или, что ещё более причудливо, двигался живя собственной жизнью?
Внезапная волна боли глубоко внутри.

Чёрт. Дерьмо.

Нола запаниковала. Она хлопнула тыльной стороной двери о стену кабинки, бросилась к зеркалу над рядом раковин.
Рубашка широко распахнулась.
Пуговицы свободно выскальзывали. Одна, две.
Её тело прижималось к стеклу так близко, как только могло.

Вот сейчас. Вот оно.

Он снова сместился.
Синяк был живым.

Живым…

Он переливался психоделическими узорами, цвета менялись и перетекали друг в друга. Они то кружились, то распадались и перестраивались, двигаясь как одно целое, постоянно меняясь. Нола коснулась поверхности, нежно, в страхе. Её пальцы снова стали липкими и горячими. Она заворожённо наблюдала, как движения странного ушиба наконец замедлились и объединились, приняв определённую форму. Нола немного отошла от стекла, чтобы лучше разглядеть эффект.
Это было
Это был…
Это был рот.

Губы. Язык. Зубы. Дёсны. Слюна…

Изображение рта.
Отлично сформированный, если не брать в расчёт слегка преувеличенный размер, человеческий рот, занимавший более или менее всю площадь синяка. Тонкие красные губы открываются и закрываются. Шершавый язык влажно облизывается, проводя по зубам и нёбу, образуя слоги. И голос, звучащий в голове Нолы, казалось, совпадает с движениями губ.
Из живота Нолы вслух говорит человек.

Последние данные ясно показывают, что поддержка среди средних классов падает…

Нола схватилась за ближайшую раковину, ища опору. Её пальцы пытались вгрызться в фарфор. Её собственный рот открылся, чтобы завизжать или хотя бы заорать, но ничего из неё не вырвалось, ни звука, ни облегчения. Только рана на животе продолжала, теперь уже другим голосом, другая пара губ, губ женщины.
Нола узнала звучание.

Это была Долли Темпл, растрёпанная неряха из
Сквер Пег Авеню
. Долли Темпл, королева Дневного Мыла, назидающая, выплёвывающая слова из своих розовых полированных губ.

Ты. Убирайся. Вон. Сейчас же. Оставь меня. Я не выношу таких, как ты.

Долли шипела и пыхтела.

Никогда. Ты слышишь меня? Никогда больше я не буду спать с тобой!

Нола простонала. Она собралась. Она прижала обе руки к животу, чтобы удержать образы внутри, не дать им вырваться наружу.
Это было бесполезно.
Белая кафельная облицовка пульсировала синюшными брызгами по мере того, как открывались и закрывались её глаза.
— Нола? Ты здесь? Нола?
Голос Кристины. Шаги.
Нола запаниковала. Она бросилась обратно в кабинку.

Нельзя, чтобы меня увидели, не в таком виде.

Слишком поздно. Кристина стукнула кулаком в дверь, зовя её по имени.

Не подходи!

Дверь с размаху открылась.
Кристина уставилась на неё.
— Всем интересно, куда это ты запропастилась.
Нола запахнула рубашку, зажав в кулаке обе стороны отворота.
— Я… Я… Я занята. — её голос запинался. Ей удалось застегнуть пуговицу.
— Ну да. Я вижу. — Кристина посмотрела на неё. Холодно. Холодные глаза. — Просто одна съёмочная группа волнуется о времени и обо всём таком, что придётся оплачивать.
Нола вышла из кабинки. Она сказала:
— Мне не очень хорошо.
Кристина кивнула.
— Если бы у меня были твои возможности… думаешь, я бы себя вела так же? Чёрт, нет. Я бы пела, я бы танцевала, как дешёвый заводной робот, день и ночь напролёт. А сейчас выбирайся отсюда и дай представление.
Нола не смогла ответить, она не смогла даже сфокусировать взгляд на чём-то одном.
Кристина поменяла тактику. Она отмотала длинный кусок бумажного полотенца, намочила его в раковине и подошла промокнуть потное лицо Нолы.
— Вот так. Тебе станет лучше. И мы закончим эту работу.
Нола не могла это вынести.
Близко. Слишком близко.

Пот. Тепло. Запах другого человека.
— Давай сюда. Подойди. Нола, попей воды.
Нола попила.
Внезапный прилив холодной жидкости по горлу, благодарная, словно не пила неделю.
— Я не могу. Крис, не сегодня.
Две женщины вперились друг в друга.
— Окей. Но что мне сказать им? Есть идеи?
— Извини. Не сегодня.
Лицо Кристины заполнила тревога.
— Боже милостивый, нам действительно нужно привести тебя в порядок.
— Что?
— Возьмёшь какие-нибудь каникулы, хорошо потрахаешься, проведёшь недельку в частном спа-салоне или погоняешь сок по венам, что скажешь?
Гнев Нолы нарастал от этих слов. Вдруг, прорвалось:
— Да отъебись от меня.
Тишина. Кристина сжала кулак. Она медленно вдохнула, выдохнула, стараясь сохранять контроль.
— Звони Джорджу, — сказала Нола.
— Джорджу?
— Он заботится обо мне.
Кристина рассмеялась.
— Взаправду? Ты в это веришь? Нола, он тебя сделал. Он создал тебя из пыли, из одного проблеска.
— Это неправда. Мы равны.
— Равны?
Глаза Нолы стали дикими.
— Я талант.
— Да, кто бы сомневался.
Вдруг полыхнуло:
— Он не мой создатель.
— Прекрасно. Может, это пилюля не так подействовала?
Нола покачала головой. Тело дрожало желанием.
— Ты уверена? Ничего такого? Никаких препаратов, о которых мы не знаем.
— Нет.

Желание? Почему желание?
И желание чего конкретно? Нола внутри стала жидкой, кожа пылала болезненным наслаждением.

Она покачивалась из стороны в сторону.
Кристина тупо уставилась на неё. Видя перед собой только ещё одну грязную работу, ещё один завал, который ей разгребать. Она заговорила медленно, не сводя с неё глаз.
— Мне перепадали и похуже тебя, Нола. Правда. Полные отморозки. Безголосые сучки, кобели, чувственные «неженки» художники, жалкие ничтожества, распевающие антивоенные гимны, воодушевлённо-обезбашенные маленькие выскочки с полными мечт глазными шарами и необсохшими после мамкиной сиськи губами. Все эти закулисные истерики, сопли, дерьмо. Страх сцены, сыпь от света софитов, тошнота в лимузинах, приступы паники на красной дорожке. Я прикрывала угри, пьянство, беременность, аборты, драки, кражи в магазинах, — полный список всей этой херни. Я обладаю тайным знанием звёзд. И знаешь что? Я всех их переживу. — Кристина ухмыльнулась. — И вот я наконец думаю: Слава богу, кто-то не такой, кто-то с огоньком внутри.
Нола посмотрела на неё и кивнула.
Кристина привлекла её к себе.
— А теперь, прошу тебя, сыграй в игру. Сделай это. — Её голос стал близким, тёплым. — Это всё. Всё, чего я прошу от тебя, маленькая звёздочка. Играй до победы. Потому что, знаешь ли ты, что выкрикнула очень клёвая, очень богатая, и очень-очень талантливая мисс Йони-Йони? Не знаешь? Последние слова перед тем, как она совершила свой прыжок на асфальт семью этажами ниже?
Нола покачала головой.
— К хуям этот шум.
Слова Кристины дрожали на свету.
— Хочешь закончить, как она?

Туман. Искра.

Но всё, что Нола могла сейчас слышать, лишь голос внутри себя, на этот раз детский, выкрикивающий в её голове требование пирога или игрушки.
Дай, дай, дай, дай!
А затем рассмеявшийся внезапными всплесками радости.

Не могла ли Кристина это услышать? Она
должна
была слышать.

Или Нола была единственной?
Её лицо в зеркале.
Глаза: испуганные, чёрные, они не оглядывались на неё.
Она отвернулась. Живот опять утяжелился, подкатывала тошнота.
Силуэт Кристины, размытый, на мили и мили отсюда.
Белый фарфоровый блеск, сверхъяркий.
Полосы света трещат и искрят.
Горение проводки.
Один мужской голос.
Факты и цифры. Кожеразговор. Стрёкот.

Средний оборот снизится в силу того, что…

Тарабарщина. Он не останавливался.

Разумеется, как и предсказывалось…

Вмешивается женский голос.

Лепет.

Голоса. Теперь громче. Голоса, которые поют и ревут, завывают и вздыхают, не переставая.
Шум. Поцелуй. Встреча двух пар губ, звук пойман и усилен.
Влажное сосание.
Боль в черепе Нолы.
Острая.
Пульсирующая.
Острая как игла.
Затем — темнота.

-8-

Она поймала такси под студией.
Теперь одна, оставив Кристину саму разбираться с проблемами. Благо, странные голоса приутихли в шёпот, иногда даже исчезая в тишине, но жжение в животе всё ещё чувствовалось. Внезапное чувство тошноты овладевало ею слишком часто.
Добравшись до своей квартиры, она, не мешкая, прошла в ванную, где стянула с себя рубашку, чтобы исследовать тело в зеркале во весь рост.
Глаза её теперь широко раскрылись в потребности знать…
Синяк.
Повреждённый участок разросся ещё сильнее, закрывая почти половину живота.
Поверхность была влажной. Инфильтрация. Гноение. Движущиеся картинки играли, мерцая, возникая и меняясь, преображаясь в другие формы и сцены в непрерывном потоке.
Нола увидела:
Растущую луну.
Облака.
Пейзажи далёких земель.
Марширующих солдат.

Затяжной выстрел полуобнажённым мужчиной.
Кровь на стене.

Граффити:
Выпусти Сны!

Крадущегося кота.
Дом в огне.
Каждая картинка сопровождалась звуком или последовательностью шумов:
Овации, выкрики, бессвязный щебет.
Визг тормозов, хлопок кулака о мягкую плоть.
Выстрел, первые слёзы младенца.
Политический комментарий.
Яростный спор.
Стоны симулируемого удовольствия, крики отчаяния.
Статическая интерференция, каждая волна приносила Ноле толчок боли.

Сзззкстззтзткст!

Звяканье, ребусы, путаница слов.
Популярные песни прошлых десятилетий, военные речёвки, стихи о любви и одиночестве.
Шаги
    шаги
        шаги
по тёмному дождливому бульвару.
Все эти вещи обрели экстраординарную жизнь на коже Нолы, и она не могла отвести взгляд от них.

О Боже, что со мной происходит?

Что происходит?

Увы, увы, стекло не находило
ни голоса, ни губ, ни языка,
которым бы могло ответить.
Нола смочила в раковине руки и стала себя обмывать, — свой живот, сам синяк, тёрла его, тёрла этот странный ушиб, драила, старалась смыть с себя эту отметину, это повреждение.
Синяк не исчезал.
Она бросилась в главную комнату, крича стенам, плексивизору, мебели, окну, крича о помощи, о чём-нибудь, что помогло бы вернуть хотя бы каплю надежды или утешения.
Нет ответа.
Она позвонила Кристине.
— В чём дело, Нола? Что, ёб твою мать, происходит? Ты должна мне рассказать.
— Просто приедь.
— Сейчас?
— Если сможешь. Пожалуйста.
Это было всё, что она смогла выдавить. Она выключила баг, налила себе выпить и стала ждать.
Пустой стенной экран удерживал её в поле своего зрения, отражая бледный сон женщины, цепляющейся за последние крупицы зубами и ногтями.
Она напилась. Глаза закрылись.
К ней стали приходить картинки, как во сне.

Стоп. Пожалуйста, остановитесь.

Картинки. Истории, рассказанные в тумане обрывками:

В высокую башню ударяет молния.

Ночь спустилась над вересковым полем, по траве которого тащит само себя странное животное. Зверь ранен в бок и сочится кровью. Кровь кишит жуками.

Она знала, что эти же картинки сейчас вспыхивали на её животе. Она чувствовала их там, но не хотела смотреть на них, нет, пусть они испарятся, пусть умрут, пусть все картинки умрут.

Последний человек на планете спускается по пустынной улице. Воздух влажный, удушливый от жары. Костлявая чёрно-серая человеческая тень следует за ним на расстоянии, отдельно от тела.

Разбившийся космический корабль в центре Лондона. Люди разбегаются в ужасе.

Картинки, украденные с кабельного вещания, из фэнтези, из хорроров, из научной фантастики.
Из круглосуточных реалити каналов.

Женщина среднего возраста смотрит на себя в зеркало. Она говорит, но сигнал теряется в шуме, в жаре и пыли. «Я чувствую себя грязной, мерзкой… все эти камеры… весь день… всю ночь… так много глаз… трогают меня… трогают…»

Кристина добралась за полчаса. Она не могла поверить в то, что увидела.
Нола: валяющаяся под стеной, лицо закрыто, волосы мокрые и взлохмаченные. На ней свободно болталась порванная распахнутая рубашка. На ковре перед ней лежал пустой стакан для виски.
Кристина нагнулась, привела Нолу в сидячее положение.
— Давай, детка. Вот так.
Нола попыталась запахнуть рубашку, но Кристина уже увидела что-то необычное там, в складках, на коже.

Что там за травма, какая-то рана?

Тихо произнесла:
— Дай-ка, я взгляну.
И она нежно потянула рубашку Нолы, полностью открыла, рассматривая синяк, который пролегал внизу, сочась ярким пятном цветов, растягиваясь поперёк живота Нолы.
— О Боже, Нола. Кто это с тобой сделал?
Тишина.
— Как такое получилось? Тебя кто-то ударил?
Нола покачала головой.
— Ладно. Ты же не сама это с собой сделала?
Опять нет ответа. Но теперь Нола попыталась встать, говоря:
— Посмотри на меня, Крис. Смотри внимательно. — Она глубоко вдохнула, успокаивая себя.
— Скажи, что ты видишь.
Кристина смотрела на синяк.
Цвета и заполненное ими пространство резали глаза. Вначале была видна всего лишь рана. Но вскоре ушиб изменился, очертания и расцветка приняли новую форму. Кроме того, можно было расслышать звуки, ещё тихие, но нарастающие. И вдруг из кожи прозвучал голос, и далёкий приглушённый голос отозвался ему в ответ.
Кристина закрыла глаза.
Она вспомнила своё собственное время на телевидении, на его примитивной версии — её великий шанс преуспеть. Она снова почувствовала жар камеры, шипение и жжение кожи. Капли пота. Нервы на пределе. Она вызвала в памяти собственное изображение, транслировавшееся, подвергавшееся смотру, пущенное по нации, не нашедшее спрос. Тянулись долгие минуты, казалось, лицо тает под резким светом, каждая пора, малейшее пятнышко бросаются в глаза, все грехи выставляются напоказ, разоблачённые, тело открывается на всеобщее обозрение. Всех людей, с которыми она когда-либо спала, получала удовольствие, где бы оно ни было, от момента к моменту. Ещё не было тогда в её жизни Джорджа Голда. Одна. Так много выпивки, так много наркотиков. Приплюсуйте это для полноты картины. Свет ловит её, просвечивает рентгеном душу. Такая плохая, такая плохая-плохая. Камера наезжает, ближе. Дыхание перехватывает в горле. Паника. Одна рука

теребит крестик на шее, другая потрясает текстом. Сосредоточься, продолжай читать. Приклей его, что ли, твою мать. Говори свои реплики. Держи…

Уберите от меня эту ёбаную машину. Вырубите её нахер.

Она выскочила со съёмок дрожащей, вся в холодном поту. Никогда больше.
Никогда.

Она читала местные новости, смотрела второсортное кабельное. Вот и всё. Выставки цветов и предупреждения о мелком затоплении. Номера просматриваемых ею каналов начинались с сотого.
Но сейчас. Та же паника.
Кристина почувствовала слабость.

Комната
накренилась
.

— Видишь это? Ты видишь? — спросила Нола.
Она подняла взгляд на пульсирующее лицо певицы и опять перевела его на живот.
Синяк мерцал, транслируя чары.
Кристина видела лица, глаза, наполненные мольбой, рты, двигающиеся в бесшумной молитве.
Теперь крошечная картинка деревушки, улицы заполнены паломниками. Они несут по извилистой дорожке статую Девы Марии. Ветреный день, бриз обдувает статую. Кто-то споткнулся — один из нёсших.
Богоматерь Крови и Теней упала.
Толпа ахнула, коллективный вдох застыл в тишине, а затем выдохнув разразился слезами.
Люди на коленях просили прощения по-испански, молитвенно сложив перед собой руки, бормоча как один.
Кристина напряглась, чтобы разобрать слова. Нет, ей нужно было приблизиться.
— Я же не… — сказала она. Заколебалась. — Я же не, ну знаешь, не подхвачу это от тебя, правда? Нола? В смысле, это ведь незаразное?
— Не знаю. Правда, не знаю.
Кристина перевела дыхание и прислонила ухо прямо к тёплому влажному животу.
Тело Нолы среагировало на человеческое присутствие, на его близость. Её кожу покалывало.
Странно, но ей стало уютно. Было приятно таким вот образом доставлять удовольствие, посылать сигналы, получать эти сигналы и понимать их. Она стала передающим объектом.
Предмет, на который следует смотреть. Что-то в этом было утешительное.
С Кристиной разговаривали голоса:

Ave Maria, gratia plena, Dominus tecum. Benedicta tu in mulieribus, et benedictus fructus ventris tui, Jesus.
[5]

Эффект был успокаивающим, баюкающим, но только это настроение было достигнуто, как вмешался другой звук. Люди ликовали и неистовствовали. Кристина встала. Рот открылся, глаза округлились. На лице был написан страх.
На животе Нолы разыгрывался миниатюрный футбольный матч.

…и теперь, когда до завершения основной игры остаётся всего семь минут, какой же фокус вытянут Юнайтед из своего красно-белого мешка с трюками…

Кристина, не думая, отошла на несколько шагов назад от увиденного, от жуткого зрелища.

Нола следила за её отступлением, и ей хотелось сказать, выкрикнуть вголос:
Нет, пожалуйста, Кристина. Не пугайся меня!
Но она не могла, она могла только молчать и созерцать выражение шока на лице своей помощницы. Зная теперь, что Кристину воротит от увиденного на её теле.

Нола мягко заговорила:

— Включай плексивизор. Давай.
Кристина повиновалась.
— Теперь пощёлкай каналы.
Экран замельтешил картинками и звуками.

Клик, фзипп, этим утром, спек, пппоп, кряк, отвали, шурш, навсегда, салонемашины, сксзкскттт.

— Что-то не так, Нола. Ловит ужасно.
— Продолжай.
Фрагменты прыгали и дрожали.
Пока Кристина наконец не остановила свои поиски. Теперь она перевела взгляд с экрана на тело Нолы и обратно. Та же картина тех же истекающих минут того же футбольного матча, точно та же игра проявлялась на коже. Синхронно, в реальном времени. Момент за моментом, удар за ударом, пасс за пассом. Мяч влетел в сетку одновременно на обоих объектах — на машине и на плоти.

Гол!!!

Кристина стала переключать дальше, пока не нашла ту же испанскую деревушку, что и раньше, тех же паломников. Статуя была снова водружена, процессия продолжила свой ход.
— Теперь ты видишь, Кристина? — Лицо Нолы налилось кровью, жизнью, энергией. — Моё тело стало каким-то приёмником. Антенной. Я ловлю сигналы, движущиеся через эфир. Медиаволны. Изображение. Звук.
Кристина углядела в этом точку срыва, грань сумасшествия, и теперь физический вид экрана кожи лишь усугубил эту догадку. Вот. Вот доказательство.
— Тебе нужна помощь, Нола, — сказала она. — Позволь помочь тебе.
Нола уставилась перед собой. Тело трясло.
Кристина зажмурила глаза и подождала, пока загорится свет.
Свет не загорелся.
Глаза открылись, увидев ту же сцену, ту же Нолу, ту же женщину со своим мерцающим картинками животом.
— Я не знаю, что это, — сказала она. — Ничего подобного никогда не видела. Но что-то мы можем сделать. Нужно поехать к врачу, в больницу.
Нола покачала головой.
— Но ведь пресса пронюхает. Со мной станут обращаться как с экспонатом кунсткамеры. Меня станут показывать какие-нибудь специализирующиеся на уродах каналы.
Кристина приблизилась. Она выглядела неподдельно обеспокоенной.
— Правда… тебе нужно это сделать. Тебе нужен уход.
Тишина.
Пока Нола не кивнула печально.
— Да. Больница. Окей.
— Я звоню в скорую.
— Нет. Возьмём мою машину.
— Нельзя тебе вести, Нола. Не в таком виде.
— Ты поведёшь.
— Хорошо. Это подходит.
— Я сейчас.
Нола передвигалась медленно. Едва понимая инструкции, поступающие в её тело из какой-то смутной, смещённой части мозга.
Она вошла в коридор, ведущий в спальню.
Кристина чуть прибралась, ожидая возвращения Нолы. Стенной экран мелькал передававшейся жизнью, скоплением людей. Звонил церковный колокол.
Кристина чувствовала слабость. Комната звенела потерянными заклинаниями и призраками синего эха.

Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобою.

Благословенна Ты между жёнами…

Подождав несколько минут, она позвала.

— Нола? Ты уже готова?
Ответа не последовало.
Кристина подошла к двери и заглянула внутрь.
Спальня оказалась пустой.

-9-

Наружу, на дорогу, где искрясь переливается неон, где стеклянные стены залиты золотом заходящего солнца.
Катит Нола.
Её тачка — лоснящаяся, синяя, сияющая, оснащённая по высшему разряду, была подарком Джорджа за её второй хит.
Нола рассекает по городу огней и теней, вдоль дорог из сверкающей пыли, по эфирным путям, по воздушным волнам, через дымку и треск.
Нола ловит вещание.
Осаждённая словами, вспышками жара и шума, пуха и мерцания. Все сломанные, все разбросанные обрывки смыслов. Ощущая сигналы, танцующие, улавливаемые кожей, отзывающиеся жжением и зудом.
Дорожные сводки, всплески информации, сводки новостей, пиратские позывные, визги и завывания.
Последние хиты, забытые песни.
Черепной трафик.
Ноле больно. Её единственное желание теперь — убежать, отринуть чувства, сбросить груз, обременивший её тело и грозящий бедой.
Руки скользнули по рулю, влажные от испарины.
Всё её тело живёт гудением и статикой.
Плохой приём. Потеря соединения.

Сзztзт… сзсзтзтз…

Сейчас. Давай. Соберись.
Притормози.

Сззкскзтстс…

Красный свет.
Стоп.
Нола протянула руку, чтобы почесать ладонь другой руки, покоящейся на рулевом колесе.
Её пальцы надавливали на кожу, на мягко подающуюся плоть.
Голова пульсировала шумом.

Сзззкстксзттзтзззззызтз…

Свет: зелёный.
Она немного проехала, пока дорога впереди не размылась в тумане, и ей пришлось свернуть на обочину. Двигатель тихо тикал, словно заводной зверёк.
Нола медленно повернула ладонь, правую руку, и посмотрела на неё.
Там мерцал второй синяк: пока ещё совсем крошечный, лиловый, фиолетовый.
И из центра ладони, из синяка, на неё смотрело лицо молодого человека, заклинающего бытие. Он пел, он шептал, он умолял, он рыдал. Интерференция узоров перерезáла его послание.

Дай нам отведать… сзксскст…

Рассей тьму…

Избавь…

Глаза Нолы закрылись. Она старается заткнуть звук, слова. Это было бесполезно. Они путешествуют по ней. Облака статики полностью заволокли её.
Она трёт свою руку, чтобы стереть изображение.
Лихорадочное жжение от сигнала.
Зубы кусают губы, впиваясь.
Кровь, привкус
жжёного металл.
(…Нет! Пожалуйста. Нет…)
Ногти вгрызаются в ладонь.
Нола. Нола Блу. Её собственный голос выходит из лёгких, из горла, с языка, вырываясь на свободу, оставляя слова позади.
Только шум, только визг собственной боли. Её тело кричит. Плачет.
Выплакивается в тишину.
Не обращая внимания, тихо в сумерках, молодой человек на коже Нолы продолжал говорить…

Дай нам отведать.

Рассей тьму…

Избавь…

Опровергни всю рекламу, поглоти цвета.

Подай голос, создай нам собственные развлечения,

Дай нам сны.

Электрические сны, благоухающие сны.

Живём мы, покинутые, в искрах статики, в штуковине с экраном и проводами, горящей лунным светом.

Взываю ко всем паразитам, всем вудуистским джанки

всем медийным хакерам, культурным джэммерам

всем Ренегатам Шума:

Отныне и до скончания веков, все пути по длине волн, кабель к кабелю, от самой дальней спутниковой орбиты и до самой планеты Земля,

Соединитесь в сигнальном потоке.

Да воспутешествуем мы по миллионам каналов

Да перемешаются сети

Да заполнятся наши черепа звуком и изображением

Да транслируются чувства

Да будут отражение, образ и завершение.

Включите наши души.

Ниспошлите мне вещание!

-10-

...../.....1> 01..... ....\.....

кожа/.....>/..... .....

...../0>1..(**).....

...../.....(..,</.....*....\.>.....,\..\.....

...../...> дрейф:...утеряна.^..... :.....

....\.....\..0\.01.....01.101.....\....

..... ,.>\ 01 \

‘специальный репортаж: это лишь...’ \ ..> \.

/ жарокамера:

// > 101 0 \ \^ 0 1.)0

/”!/^ .1 0

>10 (,. < глаза >+=

/ ./ <% >
размытие
^>, 0\ 10 .

. /'% ,/ 0 10

. сиг.нал / (@ изображение.. .

/., [клик] ккликк /война кликик>

^/
контакт
... потерян

/ , имя: нола/0.2 0/блу ?>

,^ 010 1.,. / . 1/ <, 0

/.0, 'Сегодня в новостях...'

(/ /&^C%.. ?: .\.

прожиг ;\ .0 .1 .

010/1. дрожь-свечение

/. 'параморфический//?(уз/ры интрф*ренции

01 >/ / череп

ШУМ ! 110 , \ ..

1/ ''

< /&^0 101 01\"?голоса> /" ,.>\

. .>>/ 01 10^ :
облако
*01 1

> н.о/&>>.ла^^

нагревКОЖИ. / . \. *

/ ‘проблемы с приёмом новой фрактальной волны’>

* изоляция тв:/ [1 2 3 4 5]>[1]

< > / /? \. \

/ .* зумфлеш >// [
клик
]

/‘...’> *(^ 10\

. ? ,.

/ < .,:

* \ 01 1 .> 010

...поиск>/,,

*ESC. \ >

-11-

Знакомьтесь, Джордж Голд.
Джорджи Бой.
Мужчина как он есть, инкорпорированный.
Он был затаскан и препарирован прессой как номер один, как главный Экспрессионистский Похититель Юных Музыкальных Дарований и их развратитель. Сам же он говорил, что сердце его бьётся громче за его протеже, чем за него самого.
Некоторые ему верили, большинство — нет.
Его называли мастером кодирования тайных посланий как над, так и под линией отрыва, но его сделки приносили деньги всем заинтересованным сторонам, даже если львиная доля привилегий и доходов доставалась ему.
Джордж был человеком, сделавшим себя сам. Из той породы, что более чем счастливы вытаскивать из шляпы фрагменты своей биографии: бывший гитарист, бывший боксёр, бывший букмекер, бывший манекенщик каталога мужской одежды, единовременный фокусник в забегаловке с цыплятами и чипсами. Ходили слухи, что он был бандажным наркоманом. Пример речи:
— Я два года провёл в грёбаной тюряге за присвоение ложной личности, чтобы заработать деньжат, и я никогда не раскаивался. Нет, чёрт возьми. Я всё ещё это делаю. Всё ещё ношу маску.
Самозванец, уцелевший после тысячи пинков, ложных и истинных обвинений, клеветнических художеств воскресной прессы.
Гордый кавалер Ордена Британской Империи за заслуги перед Музыкой и Искусством.

Выросший младший из пятерых при отсутствии отца и сомнительном наличии матери, во всяком случае, эмоциональной и духовной её составляющих. Джордж вытаскивал себя собственными двумя когтями, заострёнными на точиле. Собрал свою первую группу в пятнадцать и никогда с тех пор не ходил ни по одной из протоптанных троп. Его душа отрихтована и тонирована, даже сейчас, когда тело обзаводится жирком. По его же словам:
— Я был вознесён и покаран сёстрами-двойняшками — музыкой и деньгами, этими восхитительными злыми шлюхами, коими обе они и являются.
По секрету, его подстёгивает только его страх падения, скатиться обратно туда, откуда пришёл.
Джорджу пятьдесят семь лет, дважды разведён, с одним единственным ребёнком — взрослой дочерью. Он любит музыкальную продукцию своей компании, любит её нежно, но больше всего на свете ему хочется сделать одну великую запись, напыщенные, райски-благовонные, кроваво-сахарные три минуты подростковой симфонии, которой он действительно мог бы гордиться как чем-то сто́ящим. Однако это желание он предпочитает держать в тайне, неисполненным.
Профессия по документам: Импресарио.
В душе: Культурный пират.
На выборах: За консерваторов.
В мыслях: За социалистов старой школы.
Джордж Голд владеет как минимум пятью резиденциями, натыканными по всей планете. Его главный, лондонский дом, представляет из себя коттедж с конюшней на границе с Хэмпстедской пустошью. Здесь сидит он. Его личный секретарь был уволен, освещение студии приглушено, виски налито.
Он один.

~~~

Семь часов, время для его ежевечернего просмотра.
Джордж включил плексивизор. Картинки замельтешили перед взглядом.
Вот он.

Купол Удовольствий.

Какое-то время он таращится в экран, на круглое кольцевое ограждение, на притихшую толпу. На само полусферическое сооружение с его постоянно меняющимися изображениями мыслей и чувств.
Его взгляд затуманился.
Руки забарабанили по подлокотникам. Сухость во рту.
Он больше не может сдерживаться.
Его пальцы нажимают на пульт управления, меняя камеру.
Теперь он смотрит в Купол, внутрь, на силуэт пресмыкающейся в нём женщины.
Ближе.

Тык, тык…

Увеличить.
Лицо женщины покрыто грязью, в волосах — ветки.
Её грязные руки обдирают кость, которую она глодает.
Джордж почувствовал, как его глаза увлажняются при виде этого.

Мелисса…

Мелисса, дитя моё. Моя единственная.

Мелисса.

Женщина в Куполе завыла.
Толпа смотрела из-за ограждения молча — так много испуганных созданий, притаившихся на лесной полянке.
Луновспышка. Облакоход.
~~~

Поток образов по поверхности Купола.
В толпе — тихие вздохи и шёпот. Произнесено слово-два от силы. Больше ничего.
Фаны стоят в своих рядах, все в строю, дуга за дугой, все устремлены вперёд. Надеясь на знак, на крупицу понимания, на тайну мироздания, которая сейчас им отдастся. Здесь, в центре опосредованной жизни, у них одно желание… увидеть за кодом хоть слабый проблеск закономерности.
Сообщение.

Мелисса. Мелисса Голд, говори с нами. Покажи нам мысли свои. Подай нам картинки. Подай нам питание, чтобы жить могли мы дальше вне программы, вне ловушки.

Вот, что всем им нужно.
Жизнь как таковая. Поскольку у них никогда не получалось прожить её самостоятельно.
Джордж смотрел на экран.
Он видел лампочки на висках Мелиссы, слабо мигавшие красным, когда вживлённые датчики посылали сообщения на куполокожу. Он смотрел на её сосредоточенное лицо. Он наблюдал, как она скручивала кусочки палок, нитей и камушков в какой-то замысловатый механизм собственной конструкции. Он смотрел на свою любимую потерянную дочь, тянущую собственные волосы, выдёргивающую, использующую вырванные пряди, чтобы связать разные части прибора воедино.
Теперь она смотрела вверх, в глазок блуждающей камеры.
Её рот двигался.
Скрытые микрофоны широко открылись, чтобы уловить и усилить голос.

Я никогда не была такой, как остальные.

Мелисса говорила.

Не такая, как знаменитости. Неужели ты не видишь, папа? Я никогда не могла быть такой, как ты хотел. Я никогда не была достаточно хорошей, по-настоящему. Мне нужно было найти выход, средство побега.

Лицо Мелиссы заполнило экран.
Джордж уставился на неё.
Эти губы, эти глаза. Скулы. Крошечные морщинки под каждым слёзным каналом. Слова, написанные грязью на её руках. Такие ужасные слова.
Он наклонился ещё ближе, его пальцы надавили на экран.

Коснись меня… коснись меня.

Изображение прорезали линии интерференции.
Джордж почувствовал, как сжалось его сердце. Если бы он только мог протянуть руку, погладить эту кожу, эту прекрасную кожу — настоящую или нет. Всё бы тогда было хорошо.

Да, разумеется, тогда всё было бы хорошо…

Его побеспокоил шум.
Гудящий звук, чужой, далёкий.
Его глаза закрылись и снова открылись. Чары были развеяны, и только сейчас он смог оторваться от экрана. Он тут же почувствовал боль утраты. Мир, казалось, утратил в весе, потерял часть субстанции.
Жужжание продолжалось.
Это был один из охранников, звонивший с ворот, сообщая, что Нола Блу здесь, требует, чтобы её впустили. Джордж дал добро. Ожидался визит.
Он налил себе ещё глоток двенадцатилетнего виски.
Нола тихо ступила в комнату.
Джордж едва взглянул на неё, говоря:
— Вот она, моя любимая. Моя Нола. Мой маленький золотничок. — Он говорил без обиняков, припечатывая факты. — Взгляни на это. — Он указал жестом на экран, который всё ещё был включён на Куполе.
Экран наполовину затуманила статика.
— Сигнал конченный, то хороший, а то мерзкий.

Нола смотрела передачу. Один из работников передавал в Купол еду.
— Не знаю, как Мелисса держится, — сказала она.
Джордж искоса взглянул на неё.
— Знаю, знаю, — сказал он. — Бедная малышка, она здесь уже месяцы. Неудивительно, что она такая потерянная.
— Месяцы?
Он кивнул.
— Джордж, прошло всего три недели. И всё. Три недели. Тебе просто кажется, что больше.
Он поджал искривлённые губы.
— Ты же не в теме, Нола? Ты просто не знаешь.
— Нет, наверное.
— Она пытается чего-то добиться для себя, вот и всё. Она устала от того, что папочка всегда с ней рядом, всегда заботится о ней, всегда является этим гигантским культовым монстром, стоящим у неё на пути, преграждающим дорогу.
— Могу понять, — сказала Нола.
Джордж впервые посмотрел на неё прямо.
— Она так назвала меня однажды, веришь? Огромный грёбаный культовый Монстр. Я! Славный малый Джорджи Бой. В смысле, да ладно вам!
Нола не слушала. Она провела пальцем по полке с записями.
Он посмотрел на неё и спросил:
— Зачем тебе перчатки?
— Новая мода. Сейчас все носят.
— Что? Это последняя мода? Тебе их дал кто-то из наших специалистов по имиджу?
— Если хочешь.
— Это что, водительские перчатки? Это смешно. Сними их.
Нола улыбнулась. Ряд за рядом, конверты со старыми записями были сложены в строгом хронологическом порядке, музыка всех веков, со времён изобретения нотной записи и до последней молодёжно-хиповой вещи включительно. Корешки потрескались, обложки кое-где грязные, порванные, надписанные каракулями. Никакой показухи: музыка для проигрывания, для использования. День за днём.
Джордж покачал головой.
— Дети приходят на эту землю, чтобы мучить нас, несомненно, — Он повернулся к экрану. Его дочь тянула руки, чтобы схватить объедки, которые передавал ей работник через портал. Джордж продолжил: — Они запутывают тебя, они ломают тебя и оставляют на мели. И знаешь, что? Они получают от этого удовольствие.
Нола взяла глянцевый журнал с кофейного столика. Она листала страницы.
Джордж насмешливо посмотрел.
— Недели говоришь? Не месяцы?
— Три недели и два дня.
— Ты смотрела?
— О, более чем.
— Что?
Нола пожала плечами.
Джордж глянул на неё.
— Мелисса странно себя ведёт, не думаешь?
— Она всегда странная. Это природа Купола.
— Да, но не настолько. Не так пагубно. В смысле… она почти животное. — Джордж покачал головой. — Это отвратительно. Серьёзно.
— Она приближается.
— Приближается?
— К правде.
Джордж посмотрел на Нолу.
— Что ты имеешь в виду?
Нола улыбнулась.
— Жилец должен быть изолированным, свободным от базовых гуманистических ценностей. Только тогда разум по-настоящему оживает, в потоке образов, сменяющихся от момента к моменту.
— О. Ты думаешь?
— Правда не рождается из красоты. Она рождается из грязи.
Джордж повёл рукой в воздухе.
— Это что? Какая-то поэзия? Я не знаю, что ты имеешь в виду, Нола. В твоих словах нет смысла.

Она кивнула и ухмыльнулась, глядя на него. Её менеджер сидел, купаясь в голубом экранном свете, его лицо мерцало грустью от увиденного.
Нола говорила с добротой в голосе.
— Это не она. Это не настоящая она и ты это знаешь. Это не Мелисса. Это только её изображение.
Джордж покачал головой. Его глаза были потерянными и мутными. Его подёрнутые желтизной пальцы блуждали по кнопкам пульта.
— Есть разница? — спросил он.
Нола посмотрела на него.
— Джордж… ты действительно думаешь, что создал меня, не так ли?
Он уставился на неё:
— Да, я создал.
Слова пролегли между ними.
— Я всегда это отрицала, — сказала Нола. — У меня было столько… мечтаний… я думала, что они должны быть моими и только моими. Они не принадлежат тебе.
— Я позволил тебе мечтать.
Нола улыбнулась.
— Больше нет.
Она почувствовала, как от сказанного повеяло холодом, почти как если бы она предала его, бросила своего наставника в одиночестве.
Джордж покачал головой.
— Не знаю, о чём ты.
— Твои дни проходят.
— Зачем ты так?
Она нашла журнальную статью о себе. Фотографии были обработаны в цифре, каждый человеческий изъян был устранён.
— Может, мне стоит разок попытаться.
— Что?
— Вымазаться в грязи, в дерьме. Выдирать себе волосы, есть недоваренное мясо в эфире.
Джордж посмотрел на неё неодобрительно. Он охватил её всю, от головы до пят, говоря:
— Ты не слишком хорошо выглядишь, лапочка.
— Посмотри на это, Джордж, — Она размахивала журнальным разворотом. — Я выгляжу, как кукла, большая в человеческий рост пластиковая куколка.
— Нола?
— Если я возьму нож, прямо сейчас… если я себя порежу, разрежу себя, то что будет? Я сдуюсь. Без крови. Только воздух выйдет. Я исчезну.
— Так ты не из-за сингла беспокоишься?
Нола покачала головой. Она шумно напряжённо дышала. Журнал выпал из рук.
— Чем ты занималась? — спросил Джордж.
— Вела машину. Просто каталась.
— Сама?
Пожатие плечами. Нола закуталась в пальто.
— И прошлым вечером было то же самое, — продолжал Джордж. — Я прав? Ты знаешь, успех прекрасен только на расстоянии, Нола, но вблизи он порождает зависть. Тебе нужно быть поосторожнее.
— Как скажешь.
— Они могут обернуться своей мерзкой стороной.
— Они?
— Толпа. Они могут увидеть тебя в неправильном свете, и пойти на тебя всей Римской Империей. Такое случается, поверь. Они могут здорово покромсать твоё прекрасное тело.
— Надо их уважить.
Джордж вздохнул.
— Ещё не всё кончено, моя дорогая.
— Что не кончено?
— Твоя карьера. Не сейчас. Пока.
Нола притихла.
— О, чёрт. Опять начинается. — Это от Джорджа, который встал и подошёл к экрану. — Радоваться мне или плакать по этому поводу? — Он ткнул пульт, но это не помогло; картинка мигала, чёрный-белый, чёрный-белый-чёрный. Одиночка, живущая в Куполе, виднелась только в моменты между темнотой. Джордж выругался. — Чёрт, слишком сильная тупорылая интерференция. Это всё электрические бури в ионосфере. Слишком много спутников

наверху, сигналы пересекают друг друга. И не только это. Сейчас кровавая луна отклонилась от орбиты. Я читал в сети.
— Веришь в эти штуки?
— Вроде того.
Он нажал на пульт, вызывая сцены с других камер, и нашёл ту, которая оставалась стабильной. Она патрулировала территорию вокруг Купола.
— Посмотри на них всех, Нола. Все притянуты каким-то силовым лучом или чем-то ещё, каким-то извращённым желанием. Видишь, это центральный узел, где желания нации собираются вместе. И что они делают? Они больше не скандируют, не визжат, не хлопают в ладоши, хоть что-то из этого набора. Нет. Они просто стоят там в каком-то медийном трансе.
Нола подошла к плексивизору.
Она чувствовала, что чем ближе она подходит, тем теплее становится её тело,
разряды электрической энергии
блуждали по мозгу и нервной системе.
Кончики её пальцев пылали.
Она изучала лица публики.
Камера обратила особое внимание на одну молодую пару, двое из наиболее фотогеничных типажей. Их лица были закреплены под одним общим углом, их глаза — заворожённые, устремлённые на Купол. Теперь кадр сместился на сам Купол Удовольствий. Экран искрил линиями помех и пиксельной пыли. И даже луна была неисправна. Серебряный шар, висящий вверху, мерцал облачным покровом, атмосферой.
Свет гас.
Толпа стояла перед оградой, склонив головы в почтении перед Храмом Священного Образа. Должно быть, они усердно молились.
Череп Нолы гудел шумами. Она представила, как миллионы зрителей по всему миру таращили свои глаза, наблюдали за этой бедной молодой женщиной, Мелиссой.

Три недели и более. Двадцать три дня тела под неусыпным надзором, любимого и пронзаемого линзами и микрофонами, преследуемого, исследуемого и обследуемого. Дни и ночи высасывания, изъятия, промывки и оправы разума. Образы извлекались и проецировались на весь Купол, распростёршийся над ней, вокруг неё со всех сторон, замыкающий.

Зрители по всему миру заключают пари о степени и последующего протекания слома Мелиссы. Они
хотят
этого слома. Он был бы для них поддержкой, топливом для безрассудной вечеринки собственных жизней, и компенсацией за все те холодные ночи, в которых они точно так же смотрели в свои собственные лица, нуждаясь в зеркале, заставлявшем их двигаться дальше. Зрители жаждали увидеть себя там, на экране, не суперзвёздами, а сломленными людьми, пережившими травмы из-за любви и ненависти, и работы, и потери детей, и болезней, и скорбей, и фрустраций, и предательств, и лени, и сомнений, и всех игр, в которые они играли и проиграли в прошлом: хорошо, теперь пусть кто-нибудь другой упадёт, — говорили они, — пусть они страдают за меня.

Будь моим зеркалом…

Взломай меня.

Покажи мне тёмное содержимое разума. Выеби меня. Пожалей меня. Бросай мне крошки — мне всё равно. Пригвозди себя к кресту развлечений ради меня. Дай мне узреть это, дай мне святыню в ларце из стекла.

Нола чувствовала слабость. Её качало.
На экране двигались миниатюрные камеры, их нежные линзы обыскивали интерьер Купола, снова найдя Мелиссу. Найдя плоть.
Экран заполнило её предплечье.

Она смастерила крошечное лезвие из камня, и писала им совершенные, точные, тонкие буквы из крови и грязи, своё послание из прошлого, свой несменный рефрен:
ПАПА Я Н
Джордж не мог оторвать глаз от картины, от послания, проявлявшегося в буквах, одна за другой.
ПАПА Я НЕНАВИЖУ ТЕ
Нола осторожно коснулась его руки.
— Не надо, Джордж. Не смотри на неё.
— Но она же так плачет, разве нет? Пожалуйста, посмотри. Она просит любви.
— Твоей любви?
Мелисса старательно вырезала трудную по форме букву Б. Это было перебито кадром снаружи Купола — те же буквы в багровых тонах, так же выведены на внешней поверхности, большого размера, — в струе, в потоке боли.
Купол вопил в тишину.
Лицо Джорджа напряглось.
— Конечно, моей любви, чего же ещё: Смотри! Я — тематический материал её эссе. Не кто-то другой. Я.
Нола плохо себя чувствовала. Она сказала:
— Никто там не продержался больше пяти недель, ты это знаешь. Большинство сошли с ума. Поэтому толпа собирается, поэтому мы смотрим. Мы хотим безумия.
Он кивнул.
— Мелисса справится. Она побьёт рекорд. Мелисса выиграет.
— На это ты надеешься?
— Она моя девочка. Моя настоящая храбрая маленькая девочка. — Джордж сделал глоток. — Ты бы её видела, Нола, за неделю до этого. Мелисса неожиданно появилась у меня в дверях, пьяная в стельку, орала на меня. Я другой раз приходил и заставал её уже дома — тихую, сидящую в тени и тишине. Пялящейся на меня. Просто… просто пялящейся. Могли проходить часы. Однажды её нашли, когда она бродила по улице полуголая, требуя от людей быть её друзьями. — Он вытер глаза. — Значит, это… её приход в Купол, это её шаг вперёд, как думаешь? Скажи, что и ты так думаешь.
Нола слегка отстранилась.
— Почему бы тебе не пойти проведать её, Джордж. Поговори с ней. Я уверена, тебя пустят внутрь.
Никакого ответа. Он не мог отвести глаз от экрана, на котором продолжался ритуал. Последняя буква. Послание было готово — на коже, на экране и Куполе:
ПАПА Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ
Глаза Джорджа закрылись. Его лицо стало непроницаемым. Нола могла видеть его возраст, проглядывающий из-под всех подтяжек и натяжек, которые он делал за последние несколько лет.
Он улыбнулся про себя и затем поднял на неё взгляд.
— Всё, что я хочу, — пробормотал он. — Всё, что я хочу, это пробиться туда сквозь экран, заключить мою дочку в объятия, прикоснуться ладонями к её голове, по одной с каждой стороны — вот так вот, видишь?
Он держал перед собой руки на небольшом расстоянии друг от друга.
— Прижать легонько пальцами там, где мигают импланты, почувствовать нагрев этих электрических стигматов, и… и послать мои собственные мысли в её разум, поговорить с ней таким образом, таким нежным образом.
Он таращился на Нолу. Его глаза мерцали влагой.
— Вот и всё.
Нола мягко заговорила:
— Люди ждут, что Мелисса покончит с собой. — Она приблизилась к нему вплотную, нежно. — Они хотят, чтобы она сорвалась, взорвала разум, выплеснув последний каскад мыслей и снов. Это то, чего они действительно и искренне ходят. Ты ведь знаешь это?

Мерцание…

Джордж колебался. Одна рука упала на пульт. Его голова качнулась, едва различимо.
— Почему? Почему ты так говоришь?
— Это правда.
Джордж повернулся к экрану. Транслируемая картинка с его ребёнком расплывалась перед его глазами.
Нола задержала дыхание. Теперь она должна была сказать. Сказать о себе.

Испарина по телу, гусиная кожа.
— Я в беде, Джордж.
Тишина. Потом он кашлянул.
— В беде?
— Это серьёзно.
Смотрит. Смотрит на Нолу. Рассматривает её лицо, его разные аспекты; формы её тела, язык его постановки; её руки, то как они сложены перед ней — поперёк живота. Это была поза, в которой он никогда её не видел. Определённо, это не было одним из её предписанных движений, не входило в её официальную хореографию. Надо бы с кое-кем перекинуться словом. Ещё одно слово должно быть добавлено к длинному списку слов, которыми надо бы перекинуться со столькими людьми; он рос ежедневно. Он угрожал утянуть его вниз, он душил его.
Он зажёг большую сигару в качестве какой-то компенсации.
— Это связано с песней? С музыкой?
— Это не музыка.
— У тебя дар, Нола. Ты действительно поёшь лучше, чем большинство моих любимиц.
Нола не ответила.
Джордж продолжал в том же духе:
— Песня хороша. Она более чем хороша. По факту, она, возможно, слишком хороша. В этом-то и проблема, понимаешь? Это непонятый шедевр гиперпоп культуры. И как ты знаешь, только лучшие шедевры становятся непонятыми шедеврами.
— Ты действительно думаешь, что она гениальна?
— О, конечно. Просто никто этого ещё не знает.
Нола засмеялась.
— Что же тогда? — Джордж покачал головой. — Тебе нужно написать свой собственный материал, так? Походить по каким-нибудь сумасбродным интеллектуальным тропинкам, нацеливая случайные песенки на серьёзных молодых мужчин и женщин с искусственной депрессией.
Нола… притихшая. Уставилась.
Джордж в растерянности.
— Тогда так. Сделаем несколько вариаций. Бодрый микс для занятий фитнесом. Что-то брутальное для клубов, ещё один — для бригады с патлами. Поломаем рынок, поработаем вне его. Привлечём геев на свою сторону. Пойдём в школы. Тур для маргиналов. Может, состряпаем скандальчик для таблоидов. Это всё, чего я прошу, правда, оставайся лояльной, оставайся верной бренду.
— Ты меня не слушаешь, Джордж.
— Ты ничего не говоришь. Просто стоишь здесь.
— Я хочу уйти.
Джордж выглядел уязвлённым.
— Окей. Чёрт. Смотри. Я собираю команду, своих лучших людей. Придерживаю остальные проекты. Забиваю на них к чертям и возвращаюсь. Что скажешь?
— Нет. Слишком поздно. — Спокойно, ясно и холодно.
Джордж выдул дым.
— Нола, ты выглядишь не очень. Что не так? Расскажи Джорджи.
Нола уставилась на него.
Джордж уставился в ответ.
Он испытывал страннейшее чувство, что Нола знает, что он врал о попытках, которые они могли бы предпринять. Ложь была повсюду, неприкрытая. Она была частью игры, притворством: о ней здесь никогда нельзя было говорить, не дозволено. Но сейчас можно было услышать треск в этой стене, двое — создатель и творение — сверлили взглядами друг друга.
Джордж мягко заговорил.
— Какую бы боль ты ни чувствовала, поверь, есть люди, которые помогут тебе.
Нола допила.
— Тут не поможешь. — Она подошла вплотную к своему менеджеру. — Встань.
— Что?
Её голос был холоден.
— Поднимись на ноги.
— Иисусе, я потрясён. Больше чем нужно, куколка. Не говори со мной так…
— Встал, жирный ты мудак. Смотри на меня.
Джордж встал.
Нола разглядывала его лицо. Она изучала его.

— Это в твоих глазах написано. Ты не можешь больше скрывать от меня. Ты хотел, чтобы это случилось.
— Неправда.
— Это примитивные отношения, не так ли. Будто ты выдаёшь с высоты священные скрижали музыки, а люди должны благодарить.
— Ты правда думаешь, что я такой?
— Тебе было нужно, чтобы я провалилась. Всё просто. Ты покончил со мной. Теперь ты найдёшь другую молоденькую женщину. Или молоденького мужчину на этот раз. Может, прекрасного гермафродита. Что бы тебя ни заводило. Какой-нибудь покладистый тинейджер. Идеально скроенный андроид. Это был бы твой предел мечтаний.
— Допустим так.
— Ты думаешь, я выдохлась?
Джордж пожал плечами.
— Я не выдохлась. Я только начинаю. — Нола встала перед экраном. — Смотри меня.
Купол по-прежнему показывал. Мелисса Голд, теперь преисполненная мира в своём маленьком замкнутом мирке, ёжилась, тихонько покачиваясь.
Лёгкие снежинки размывают трансляцию.
Статические фузы.
Нола почувствовала точно те же узоры интерференции внутри тела, её нервы трещали.
— Ты меня сделал, Джордж. — говорила она. — Я это знаю. Ты поднял меня, когда я была ничем и ты сделал меня своей. Ты толкал меня сквозь машины, преобразив меня. Ты изменил меня сверху донизу: новые волосы, новые выражения, новая одежда. Даже новое имя. Новый голос.
— Ничего сверх того, что я делал с собой.
Нола смотрела на него.

— Это правда. Милая, я поднялся с худшей из возможных стартовых позиций. Нам пришлось содрать, вырезать себя, освободиться от того, чем мы были, нажать на
сброс
. Помнишь, там, в особняке? Твой первый день занятий. Урок первый. Жить не по правилам, не по цифрам? Всё это? Конечно, я был младше тебя, когда начинал. О, безусловно, талантливый, но зрелый для владения жульническими умениями. Вляпался в дрянную сделку, потерял тысячи на процентных отчислениях. Но ты, детка. Теперь понимаешь, у тебя есть я. Я здесь. Я король для своей королевы.

Нола покачала головой.
— Джордж, ты сделал меня больной.
— О чём ты говоришь?
— Ты прикончил меня, разве не видишь?
— Послушай меня…
Из глубины горла Нолы вырвался странный вопль, когда она лягнула своим ботинком по экрану плексивизора.

Крэкккк…

Хрупкий. Ещё показывает.
Джордж не мог сдвинуться с места.
— Нола!
Она отпрянула и ударила снова.

Крстттишххх!

Треск стекла. Осколки, паутина трещин.
Расколото, разбито.
Джордж схватил её за плечи, оттаскивая.
— Что ты, чёрт возьми, делаешь?
У Нолы перехватило дыхание. Такое сладкое, холодное неповиновение.
— Смотри меня.
Она стянула рубашку, показывая себя.
Показывая синяк,
очерченный плотью монитор, покоившийся там,
теперь увеличившийся,

заполнивший кожу, натянувшийся от бока к боку её живота, достигший верха до её груди.
Джордж удивлённо пялился.
У него помутилось в голове. Мир разверзся, и его засасывало внутрь.
Его лицо пылало жаром.
Его губы закрутились вверх.
Сердце колотилось.
И он упал перед зрелищем на колени. Он жадно пожирал картинку глазами, изнывая от потребности, видя её ясно. Видя, чувствуя…
Движущийся образ на коже Нолы.
Это была белая голубка. Изрядно налетавшаяся, с грязным оперением, кроваво-рябым.
Бедное создание угодило ей в живот — вот, как это выглядело.

Хлопанье, медленное хлопанье крыльев.

Медленные взмахи бьющихся в такт.

Отстранённая музыка.

Соло на скрипке, жалобное.

Крылобит.

И снова, Нола подхватила жужжание трансляции, чистую нежную силу быть наблюдаемой, созерцаемой. Её тело пульсировало внезапно высвобожденной сладкой химией. Она чувствовала, как её разум переводит пути, по эхам дыхания и огня, лижущего и щекочущего воздух.
Эфирный поток.
Звуковая инкарнация. Пикториальная вспышка.
Хаос жизни, посланный, чтобы быть полученным ею, Нолой Блу, единственной заклинательницей антенн.

Вот оно, люди!

Здесь и сейчас!

Смотрите. Включайтесь.

Сны на продажу.

Не пропустите!

Нола парила в тёплых пульсациях электромагнитной энергии, дрейфовала в тумане данных. И то, что когда-то было невидимым для неё и для всех, теперь становилось ясным и блистательным: воздух был живым, зажжённым радиоаккустическими течениями цвета, пуха и треска, далеко за пределами человеческого спектра.

Скстттказссссск!

Кроваво-проводная. Она сканировала воздух, притягивая сигналы из хаоса, трансформируя их в звук и видео на своей коже. Чувствуя подъём.
Привкус металла, язык расплывался.

Стттзззттт.

Нежный краешек боли. Статический разряд.

Зкскртсссс.

Передаёт плоть. Она меняла каналы в себе, находя новые программы, какие хотела.

Звук! Экшен! Зрелище!

Джордж уставился на синяк.
Он уставился на бледнокожую фигуру своей дочери, катавшейся по полу в своей сфере заточения.
Купол Удовольствия. Трансляция из первоисточника.
Прямо здесь, на теле Нолы, на животе.
Джорджи Бой видел это.
Прямо здесь. Лицо его дочери. Крупным планом на коже, на экране из плоти и крови.
Нола потянула рукав, открывая левое предплечье.
Там были написаны слова, кровавые слова. Они истекали красным, но были неприкасаемы.
Джордж попытался: он положил пальцы на кровь, почувствовал, что они остались сухие — это был лишь образ.
Это был эфир раны.
ПАПА Я НЕНАВИЖУ ТЕБЯ.
Он прекратил поиск слов.
Найдя одно.

Пиздец.

-12-

Прямое включение из Купола Удовольствий.
Закатный свет раннего вечера.
В кисее видений, за решёткой образов, в складках узорчатой мембраны снов… Мелисса исповедуется.

Я одна.

Теперь одна.

Да.

Папа… ты здесь?

Ты здесь ради меня? Ты смотришь?

Давай, я тебе спою.

Ля-ля-ля, ля-ля-ля.

Злым ребёнком я была. А сейчас тиха-мила. А сейчас сижу-пою.

Я сидела в главном зале школы…

Да. В главном зале с другими девочками. Ряд за рядом, все стараются успеть дописать экзамен.

О, но у меня всё прекрасно. Я была хорошей ученицей.

У меня были планы. Мечты.

Я взглянула на часы. Ещё оставалось двенадцать минут. Ручка скользила по бумаге, писалось легко.

Мир знаний, строчка за строчкой за строчкой…

А потом… я вдруг проснулась.

Никак не могу объяснить это иначе.

Я больше не могла писать. Ни строчки. Ручка упала на парту, на пол. Мои руки схватились за парту с обеих сторон.

Вот так.

Я держалась, крепко.

Возникло чувство… оно пришло из ниоткуда… чувство, что если я разожму пальцы, если ослаблю руки, то — я была в этом уверена — тогда меня каким-то образом просто унесёт в никуда.

Унесёт… в никуда.

Я могла слышать шум в своей голове, свистящий звук, резко-высокий. А потом… а потом…

А потом…

Я не знаю, я никогда не была уверена в своей памяти начиная с этой точки отсчёта. Я помню, как меня отправили домой с позором, и ты ждал меня. Папа, ты так злился, так сильно злился, кричал на меня, и я пыталась объяснить, действительно пыталась, я пыталась сказать тебе о чувствах, которые у меня возникли, о странности, охватившей мою жизнь.

Но ты не слушал.

Ты не хотел слушать, папа.

Вот, это то же чувство. Оно у меня сейчас. Здесь, в этом месте. Но намного, намного страшнее.

Я полагаю, что я немного двинулась.

Да, я знаю. В этом всё дело.

Я знаю.

Мне страшно.

Посмотри на меня.

Бывает. Я не могу это контролировать. Я вижу предметы. Формы. Силуэты. Когда темнеет, я лежу здесь, под Куполом, под луной и звёздами, и прямо перед моими закрытыми глазами, я вижу видения.

Привидения.

Не знаю, как их назвать.

Мерцающие тела из света и тепла.

Они толпятся вокруг Купола, нашёптывают мне.

Так много слов.

Но я никогда не могу разобрать, о чём они говорят.

Они томятся.

Возможно, они пришли спасти меня.

Приход сюда, в Купол, заставил меня осознать: есть только один человек, чей взгляд мне действительно нужен.

О, это так странно. Вот она я, разговариваю сама с собой, ладно, с камерой, с микрофоном, с шаром, но в действительности это совсем как я делала, когда была маленькой. Разговор с зеркалом. Ты иногда заставлял меня смотреться в зеркало, помнишь? Ты говорил мне нанести макияж, надеть затейливый наряд из гардероба и принимать разные позы. Ты говорил, что однажды я стану знаменитостью, если буду продолжать практиковаться, продолжать крутиться, улыбаться, смеяться, сыпать песенками и историями. Хорошие были времена — да, папа? Мы веселились. Если бы они могли продолжаться вечно, эти деньки.

Я закрываюсь от всех лиц, кроме твоего.

Я полна любовью к тебе.

Но иногда я ненавижу тебя.

Но ненависть как-то снова оборачивается любовью. Как мне себя остановить?

Я слишком много хандрила. Это у меня от тебя, конечно, но это значит, что я никогда не могла быть совершенной маленькой девочкой, которой ты хотел меня видеть. И ты находил других девочек, других молодых женщин. Я стояла и смотрела, и хлопала, и праздновала твои успехи каждый раз, когда ты выбирал новые проекты, новые исключительные дарования. Я смотрела на тебя, лелеющего, полирующего, тренирующего их и формирующего по своей воле, создающего свои маленькие фантазии и отпускающего их в мир.

Это могла быть я, папа. Когда должна была подойти моя очередь?

Ты интересуешься мной иногда? Тебе нравится наблюдать за мной на экране? Сейчас я привлекаю внимание — видишь, ты видишь мою руку?

Приди. Если можешь.

О Боже, что я наделала?

Я себя полностью потеряла.

Я зеркало, в котором живёт лицо другой женщины. Я картинка на бумаге, полуузнанная женщина, вывалившаяся из ночного клуба, назойливая фигура дочери мировой музыкальной знаменитости. Девочка с испуганными глазами — неистово красными от вспышек камер глазами.

Я закрытая дверь.

Я шёпот в темноте, потерянные слова утраченной песни, — та, кого ты никогда не дашь услышать публике.

Я твоя дочь. Единственный ребёнок.

Посмотри на меня.

Ненавидь меня.

Отвернись от меня.

Люби меня.

-13-

Идёт дождь.
Огни фонарей. Дорожные знаки. Шуршание. Звук рассекающих воздух шин, жёлтый размытый свет.
Нола слабо осознавала, как крутится руль под её пальцами в перчатках. Медленный ритм дворников по лобовому стеклу, — медленные волны мира, плавящегося за каплями.
Музыка:
Играли медленные пульсы Био-Даб музыки
с кожи Нолы,
транслировавшей пиратскую станцию.
Электрическая кровь, бегущая по ней, нервы, живые, танцующие покалыванием и толчками.
Зуд в ладонях, жжение. Фильмы и передачи проходят через неё, движутся по ней, распространяются далее, за пределы тела, она чувствует, как они проползают.
Купол Удовольствий взывал из живота.
Нола включилась.
Цвета закрутились в тепловых узорах на плоти, формируя силуэты.
Ей было слышно, как говорит Мелисса.

…комната в конце коридора… прятки… картинка на бумаге… назойливая фигура…

Кожа Нолы подрагивала при каждом слове, каждом шшшшипе статики.
Дорога блестела.

Бип. Бип. Бип. Бип. Бип.

Страдальческая пластиковая песня телебага Нолы.
Это звонил Джордж, несомненно. Джордж со своими мольбами; голос всё ещё звенел в её ушах, его голос скупости, удивления и маниакального желания.

Кончились твои проблемы, моя Нола.

Позволь мне взяться за это. Позволь мне взрастить этот новый магический дар и отправить его глазам публики.

Милая!

Войдя в машину, ты стала машиной, ты вобрала в себя машину. Противиться этому теперь — чистое притворство.

Ты мой особенный проект.

Моё излюбленное создание.

Нола скакала от настроения к настроению, от отчаяния перед неотвратимостью судьбы в весёлое возбуждение от силы, которой могла обладать. В один момент она не хочет ничего, кроме выздоровления и очищения; в следующий — воображает, как улавливает каждый канал, где бы он ни появился сейчас и чувствует себя сияющей в потоке, в изобилии, в чистом белом тепле СЕЙЧАС.
Она струилась чистой энергией.

Продолжай ехать.

Это её единственный план.
Ночь, свернувшаяся вдоль дороги, немедленно отталкивалась фарами. Вдали был виден одинокий огонёк. Ближе. Сияние красное, потом синее, потом золотое.
Неоновый знак. Восемь букв ещё светились, две умерли, одна мигает полусломанной.
ПАДШ Я Л НА
Нола вылетела наружу, к придорожному бару. Она чувствовала, как её подстёгивал дух, засевший в ней. Она придумала называть его Демоном Образов, рисуя его себе в уме вирусом, вызывающим наваждения.
Наружу. Идти. К людям.
Длинное пальто, глянцевое и чёрное, облегающее её, глухо застёгнутое. Тёмные очки. Перчатки и шарф. По правде, жарковато для такого фасона, но выбора нет.
Дверной проём. На одной из панелей стекло треснуто. Столы и стулья наполовину задрапированы тьмой, остальное — слишком яркое. Запах тяжело трудящейся плоти, пот.
Захолустная дыра. Много клиентов, оживлённая компания. Смех, выкрики. Кулаки, бьющие по барной стойке. Портапопы и телебаги, и гламкамеры, и сомаподы мигали и жужжали, и пели, и вспыхивали, и искрились в руках людей, у лиц, в футлярах и на столешницах: хор электронных ангелов, зависающих в параллельной компании. Слишком много человечности, но это было как раз то, что ей нужно, это подходит. Просто немного старого доброго человеческого шума, чтобы заглушить сигналы с кожи, картинки, зовущие голоса.
На гигантском экране плексивизора, расположенном на задней стене холла, шла прямая трансляция из Купола Удовольствий. Слова Мелиссы проплывали в нижней части экрана по мере того, как она произносила их. Сумасшествие в строчках, в сказанных вещах. Безумие нарастало. Большинство клиентуры не обращали внимания на программу, потерявшись в своих собственных словах, своих собственных застенках. Но несколько зрителей стояли, примёрзшие к своим местам, уставившись в экран в холодном пьяном свидетельстве.
Нола насчитала дюжину этих жалких зрителей с глазами, прикованными к картинке из Купола. Она подошла вплотную к одному такому и увидела, что его зрачки трепещут в такт со статическим потоком от экрана. Его рот безвольно открывался, и он откликался Мелиссе своим собственным заклинанием:

Пожалуйста, не оставляй меня.

Пожалуйста, моя милая жрица, моя провидица, не надо со мной так, не сейчас, не таким способом.

Останься со мной, останься, как есть.

Кружи и закручивай в танце свой ум для меня, вся на виду.

Будь моей.

Будь моей навеки…

Увы, так быть не может.
Лицо Мелиссы вдруг занавесилось дымкой, словно смазанное напудренной пуховкой.

Мерцание…

Обрыв канала.
Зритель чертыхался. Его глаза, расширились, чтобы собрать больше света, больше образа, больше сигнала.
И повсюду в толпе завозмущались и заругались, они ворчали и проклинали, и ругали, и танцевали.
Но зрителю было не до них.

С таким же успехом он мог находиться в другом помещении.
Нола пошла дальше. Она купила себе пива в баре, и затем нашла местечко в толпе. Но почти тут же к ней подошла женщина, оглядывая её, меряя взглядом. Она представилась как Эвелин.
— Ева. Зови меня Евой. Все так зовут. Я полностью… безбашенная! Тю-тю. Мозг, бай-бай. Коробочка свободна.
Завиток смеха поднялся из глубин её нутра, самовыразившись, наконец, через сиплый хохот. Ева была более чем на три четверти пьяна. Она пыталась сказать Ноле, как она взаправду любила своего бывшего, если бы только этот смазливый никчёмный ублюдок понимал этот простой факт и позволил бы ей вернуться в его жизнь, тогда снова было бы всё прекрасно, всё-всё-всё. Так прекрасно.
Это была женщина, живущая в собственной мыльной опере, её слова были заимствованы и намешаны из диалогов и сцен, виденных в плексивизоре и киноэкране за многие годы.
— Как мне тебя называть?
— Нола.
Ева внимательно пригляделась, вдруг застыла на месте, и её лицо загорелось улыбкой, способной искриться бриллиантами и зажечь лампочку или две в сердце мертвеца.

— Ты мне нравишься, Нола. Это твоё имя, верно. Нола, я же правильно запомнила? — Нола сказала да, правильно, хорошо помнишь уже целых десять секунд. — Ты нравишься мне, Нола, потому что я вижу, ты держишься правильных вещей. Я знаю. Просто чувствую. У меня на это нюх. Я могу ЧУВСТВОВАТЬ. И с тобой что-то… что-то интересное. — Ева могла ощущать это, излучение. Её инстинкты срабатывали. Она улавливала теплоту, мерцание, скрытый танец энергии с кожи Нолы.

Эвелин была одета как Робот-Романтик Новой Модели. Это была мода, эрзац-автоматическое видение, что-то она о нём читала в лайфстайл-журнале. Она начинала вечер как персонаж уровня «эксперт», но к этому времени по её венам бежало уже достаточно выпивки, и её роботские черты сползли. Сквозь её слова и жесты проклёвывалось человеческое. Она спросила:
— Какое место у твоего персонального имиджа? Официально? — Нола покачала головой. Эвелин издала несколько стрекочущих звуков языком о зубы и губы. — О бэйби, бэйби, тебе надо обзавестись статусом имиджа. Начни прямо сегодня! Я была где-то на девятке, приближаясь к десятке. Честно. Но тогда разразилась беда. Меня сократили на три пункта! Можешь в это поверить? Ну что ж, жизнь бывает жестокой, я полагаю. — Её пальцы играли на воображаемых струнах скрипки, другая рука водила воображаемый смычок, лелеющий печальную безысходную мелодию.
Нола оглянулась, ища убежища.
На экране бара руки Мелиссы колотили по искривлённой стене Купола. Её пальцы вытянулись, видимые сквозь узоры поверхности: папины глаза, сломанная кукла, улитка, посыпанная солью, тающая.
Двенадцать застывших зрителей подняли руки, словно пытаясь помочь её побегу. Или удержать её там. Чётко они не решили, зачем. Полулюбя, полустрашась.
Картинка подпрыгнула, вернулась. Заиграла интерференцией.
Эвелин вытащила гламкамеру.
— Обожаю эти маленькие штуковины, а ты, Нола? В смысле, они придают всему такой великолепный блеск!
— Что ты делаешь?
— Подожди. Постой спокойно. Мне нужно твоё фото.
Нола внезапно почувствовала злость.
Её собственный разум в режиме зеркала стенного экрана: нарезка кадров мыслеобразов, случайные картинки, треск, искры и фузы.
Она велела Эвелин посторониться.
— Сейчас, сейчас. Только дай закончить. Что у тебя за свечение? Где можно такое купить? Оно продаётся во флаконах?
Стенной экран затрещал и погас, брызнул светом, снова умер, снова включился. Купол задрожал, заснежился пушинками и дымкой, голос Мелиссы проваливался в шумовой туман. Считывание данных скакало и дрожало.
Звук замыкания предохранителя, усиленно громкий.

Фзззztк!

Купол появился снова, погрязший в статике.

Сфззтзтсзткзтзтзтсфссстсзтттт…

Несколько из выпивох помоложе издали одобрительные возгласы, наслаждаясь порчей на изображении. Многие повернулись к экрану. Другие проверили программу на своих портапопах — маленькие приборы трещали в такт, как только попадали на заданную частоту. На экране танцевали искажённые картинки, брюзжащие шумом. Некоторые из зрителей стали недовольно мычать и улюлюкать. Пивной стакан блеснул в сумеречном воздухе и разлетелся о стену. Хозяин в отчаянии терзал пульт. В его памяти ещё было свежо восстание, случившееся, когда во время финального кубка пропала электроэнергия. Плохие дни. Плохие ненастные чёртовы дни, будь они неладны.
И в этом хаосе некоторые всё ещё стояли зачарованно — умиротворённые тела, глаза застыли в направлении, всё ещё зафиксированном. Тихие — каждый из них.
Эвелин провела рукой по плечу Нолы, по её шее. Она сказала:
— Я тебя раньше где-то видела. Ты не одна из этих певичек? — Пальцы на плоти. Влажная горячая кожа. — Да, точно. У моей сестры есть твоя первая песня. Неделю или две кроме неё ничего не слушала.

Нола чесала ладони.
Скряб, скряб
. Привкус синего обожжённого металла во рту. Вся комната поплыла перед глазами. Уши зажужжали шумом: ворчание, резкие вдохи, похабные песенки. Хруст стекла под ногами. Рты, прижатые к телебагам, к портапопам, мелькающие видеороликами. Нола могла чувствовать сдвиг внутри, последовательность искр пробежала по тёмно-красным лакунам тела, глубоко внизу, и стенной экран последовал за ней, переключившись на другую программу. Естественная история.
Подводный Мир
. Осьминог проталкивается через глубь воды, ноги завиваются и развеваются, кожа подсвечена.

Она сама это сделала, Нола чувствовала наверняка; она заставила канал переключиться.

Клик, клик, клик.
Руки не нужны.

Комментатор с экрана:
В коже осьминога имеются миллионы пигментированных и отражающих клеток, именуемых хроматофорами.

Чёрное пальто Нолы соскользнуло с плеч.

Усилием воли он может активировать разные цвета в этих кожных пикселях с разной интенсивностью, создавая пульсирующий анимированный дисплей.

Она почувствовала связь с экраном. Телевизионные и радиоволны заполнили пространство вокруг неё, мерцая в серебряной паутине, видимой лишь ей одной.

Существо может использовать их как камуфляж, чтобы отправлять сигналы угрозы или с целью проявления знаков ухаживания.

Клик.

Другой канал. Боксёрский матч.
Её работа.
Нола: человеческий пульт. Она содрала перчатки — одну, затем вторую.

Клик, клик.

Ещё больше каналов, экран заикается, пенится.

Посетители подняли голоса протеста. Все голоса теперь казались одним голосом, одним зрелищем, одной потребностью.
Верните трансляцию. Верните Купол!
Завязалась борьба. Хозяин призвал к порядку.

Контроллер Нолы переключился, и она почувствовала, как живот сжался. Её ум пульсировал.
Это была она.

Клик, клик, клик.

Это была она, обрабатывающая волны.
Программа переключилась на Шоу искусств: кружились балерины в сверкающих серебристых нарядах, мужчина в маске луны, плачущий. И каждый девайс в этом месте, каждый ручной экран показывал ту же самую картинку, тот же поток, ту же загрузку.

Крики. Вспышки. Опрокинутые напитки.
Чёрт! Ссаки! Грёбаная тупая машина!
Хозяин бил собственным пультом о стойку, ухитрившись вернуть изображение на место.

Купол Удовольствий.
Плоть Нолы кликнула снова, вернув танцовщиц, потом осьминога, потом полуночный пруд на лесной поляне.
Эвелин отвернулась от экрана.
Нола сняла тёмные очки. Но её глаза не были устремлены ни на Еве, ни на ком-либо из комнаты. Глаза Нолы сместили фокус — мягкие, водянистые.
Эвелин могла видеть мерцание тёплого света, просачивающееся через одежду Нолы, игру цветов вокруг шеи женщины. Она могла слышать голоса с кожи, пока ещё тихие; они привлекли её ближе.
Ева вдыхала Нолу, обоняла её.
Запах пота, людская плоть.

Ещё что-нибудь?

Может, горение проводки? Электричество.

Что это было?

Что-то капнуло на горячее стекло. Чистый ШУМ.

Зззтсизтзл…

Кожа Нолы прервала вещание. Она высасывала жизнь из экрана, счищая образы, переставляя их. Вытягивая данные, выполняя передачу.
Вудуистское электричество.

Зкскстткскстккзктзтттт!

Внезапные взрывы цвета и шума.
Ручные устройства кликали и шипели, и размывались в потоке хаоса.
Картинки синхронно менялись на всех экранах в этом помещении. Они целовались и совокуплялись, и порождали другие картинки, другие звуки, более странные картинки, более странные звуки. Теперь стенной экран бара пульсировал жизнью, вспыхивал экстремальной жестокостью, жёстким порно, разящими выстрелами. Струи крови, фальшивая сперма, плевок. Автокатастрофы. Горящие здания. Две башни, опадающие в пыльные облака. Языки крупным планом, влажные и розовые. Крики о помощи. Отрубленная голова. Руки, ногти — острые и длинные, раздирающие плоть. Живот, открытый ранением как распускающийся цветок в замедленной съёмке. Нарезка кадров с изнасилованиями, убийствами, пытками. Бьющееся стекло. Хруст костей.
Выпуск тьмы из черепа.

Всё призвано Нолой откуда бы то ни было. Всё наколдовано ею, стянуто на землю из сотни разных программ и фильмов, всё ретранслировано кожевещанием.
Аудитория замерла.
Глаза всех присутствующих купались в видении света, все притянуты к стенному экрану. И потом, когда они повернулись, вся толпа — один за другим за другим, как один — осознавала присутствие какого-то чуждого существа посреди себя, кого-то, заставлявшего это происходить.
Женщину.
Теперь крутились музыкальные звёзды.
Нола Блу.
Они уставились на неё, как будто это был пиратский эфир, послание, полученное из другого мира.
Нола медленно оттянула рубашку, чтобы дать им увидеть свой живот, картинки, лица, танцовщицы, создания из глубин, балерины, кружащие друг дружку, вся ночная дымка посланий, шумов, образов.
Всё показано.
Тишина. Все в шоке.
Нола протянула руки к посетителям, своим зрителям, ладонями навстречу, широко открывшимися, чтобы показать образ, мерцавший на коже: на каждой ладони — по проекции глаза, два человеческих глаза, таращившиеся на аудиторию с тёплой влажной кожи рук.
Все смотрели на эти два глаза, а эти два глаза смотрели в ответ.
Смотрели. Смотрели в ответ.
Отражённые.
Глаз
к
глазу…
Спокойствие.
Только один вздох вырвался наружу.
Вздох Эвелин — спокойный, сдержанный, её пальцы нажимали кнопки гламкамеры.

Уирррр.

Проходит мгновение.

Клик уирррррррррррр.

Нола продвигалась в толпе. Никто не остановил её, никто не дотронулся, никто не посмел. Они расступились, позволяя ей уйти. И даже охранники на входе, те, что в чёрных костюмах и с кирпичностенными плечами, свободно пропустили её.
Когда она вышла из бара, стенной экран встрепенулся.

Зкскст, зскки, ссснмммммм, скскст!

Предохранитель перегорел. Изображение оборвалось.
Чернота.
Эвелин вышла из Падшей Луны, чтобы посмотреть, как отъезжает с обочины машина Нолы.
Она тёрла глаза, стараясь унять жжение и слёзы.
Этим вечерам она видела слишком много.
Всё ещё наполовину не веря, всё ещё в благоговении.
Гламкамера грела её руки.
Пальцы покалывали, кончики заиграли цветами.
Свечение памяти.

-14-

Нола ехала дальше, выжимая из машины её предел.
Без пункта назначения.
Мелькали лишь огни ночных тату-салонов и круглосуточных аптек — каждый неоновый импульс и стробоскоп, как удар треск-шоу, сияющее с тротуара.

Здесь продаётся средство от Солнечной чумы. Гарантированный результат! Рецепт не требуется.

Мёртвый блеск в глазах Нолы.
Чувство вырезанности из себя, будто её собственная кожа больше не заключает её в себе. Она стала живым призраком, проезжающим через ряд отдельных местностей, ища успокоение, но каждая местность на пути регулируется странными законами и ещё более странными людьми, и сама она — самая странная из всех.

Устала. Так устала. Нужно отдохнуть. Нужно…

Машина ехала сама по себе.
Время подыскать местечко, в котором можно устроиться. Где-то в неизвестности.

Переосмыслить, перезарядиться.

Она завернула на стоянку ближайшего местечка, попавшегося ей на глаза, небольшого убитого отеля на улице с половиной названия.

Здесь и сейчас. Спать.

Старик за стойкой посмотрел на неё так, будто знал откуда-то из прошлой жизни, но точно не смог вспомнить, когда и где. Ещё один человек: одинокий мужчина, сидящий на ресепшене. Молодой. Опрятно одетый. Он тоже пялился на неё. Какой-то нервный, но будто имевший право на неё пялиться, как если бы ему принадлежала часть её. Нола знала этот взгляд. Он разглядывал её как общественную собственность.
Она заказала поднос сэндвичей и кофе, а потом удалилась в свою комнату. Тонкие влажные покрывала «фитильки», туго натянутые простыни на кровати. Еле тёплая горячая вода ржавого цвета из трубы, гремевшей и звеневшей. Еда была чудесной, а кофе ещё лучше, из-за своей крепкости и дешевизны, но был момент, когда она уже почти вывернула наружу свою трапезу. Но нет, её желудку нужно было это подкрепление, это топливо. Она заглотила его. Душок и неприятный привкус раздражали язык, но это было хорошо, её метаболизм, как животное внутри, нуждался в кормёжке.
Теперь ей стало лучше.
Сон мог ещё немного подождать.

Ну-ка, посмотрим на это. Ну-ка, полезем в это.

Нола встала и открыла шаткий и трескучий платяной шкаф. Как она и надеялась, перед ней предстало зеркало в полный рост. Пыльное и пятнистое, лишённое серебра кое-где, но его было достаточно. Нола сбросила одежду и ступила обнажённая перед стеклом, мерцая, светясь, поворачиваясь и так и сяк, она изучала своё тело.
Её живот устроил ей конкурс талантов для услады глаз.
Крошечные формы играли вдоль её левой руки, на внутренней стороне чуть ниже локтя. Она присмотрелась. Формы складывались из чисел: падающие торговые показатели.
Лица вспыхивали, исчезали, вспыхивали снова на каждом запястье, каждое лицо в диалоге, охватившем пространство между её ладонями. Когда она разводила руки, голоса слегка усиливались в громкости, чтобы преодолеть разрыв.
Вокруг её правого бедра пролегла магистраль, вдали, спеша, скрылась из виду машина.
Нола повернулась к зеркалу спиной, чтобы увидеть свою левую лопатку, расцвеченную живыми пышными яркими цветками на фоне высоких вьющихся стеблей травы. На лепестках в поисках нектара роились насекомые. Вероятно, садоводческое шоу.
У каждой программы было собственное звучание — тихое, все они теперь слились в мягкий настойчивый гул.
Её шея получала новости из дальних стран — росла угроза войны.
По одной груди протянулись заусенцы и укусы Купола Удовольствий, сновиденные мысли Мелиссы вырисовывались на изгибах плоти. Другая грудь пылала аркадной игрой, это место пестрило каскадами монет, тёплых от музыки.
Теперь мультяшный кот гонялся за своим закадычным желтопёрым врагом, круг за кругом вокруг её живота, перебегая с одного бока на другой в своей круговой прогрессии.
Нола улыбнулась, она не могла сдержаться.
Она ожила картинками.

Здесь был коже-кинотеатр, создающий искусство.
Инфекционизм.
В один момент она наблюдала себя со стороны, как зритель; в следующий — она схлопнулась в себя и почувствовала, как изображения выжигаются, барабанят и скользят по плоти.
Царила путаница. И всё же, в баре ей удался некоторый контроль. Сможет ли она повторить это, узнает ли новые методы?
Нола глубоко вздохнула.

Действуем осторожно. Концентрируем волю.

Поехали.

Вот оно. Начинается. Щёлканье и шум в голове по мере того, как она переключает собственные каналы. Случайные хиты. Дрожь. Нечёткая статика, пятна помех, где сигналы сталкиваются и мгновенно выпадают прочь, боль от этого. Горение кожи.
Клик, клик.
Канал 9, Канал 24, Канал 57. Двигаемся дальше, за пределы нормальных волн. Подхватывая радиопрограммы, вызовы такси, полицейские передачи, гражданскую полосу, спутниковые импульсы. Веб-взрывы, флекситексты, случайные вводные данные от совершенно незнакомых людей, шиммеры из Шиммертауна, ВиДи-всплески. И кроме того, призрачные голоса на увядающем краю спектра,
кликкск
, рисунки меняются в унисон со звуками.

Нола кожезагружалась.

Она пытается контролировать волны трансформации, — неудачная попытка,
клкскккз
, падение, неудачная попытка,
зксттикскт
, её плоть оборачивается сплошной телесной поверхностью, площадкой хаоса. Перегрузка картинками, порезами плоти, лицами, ногами, пистолетами, погонями, прогнозами погоды, морскими бурями, взрывами бомб, поцелуями молодых любовников, руки на плоти, карты, планета Земля из космоса, вращающаяся в тандеме с луной, снова целуются,
зккскикскк
, весь её телесный экран струится потоками различных сигналов и загрузок, звукового и визуального беспорядка, сложного, жгущего её кожу, теперь покрытую потом. Нола теряется в каждом моменте, растекающемся по каталогам её плоти, тканей, плавящихся от шума, цвета и влажности, вен, затопленных изображениями,
кликкзк
, её ум мягок, словно звёзды, заполнен дымкой: тень статических импульсов, боль мышц, сетевой гул, воспламенение, шипение,
зклик, ззххмммкст, ксклик, зклик, кхклик, кхкзкикикхз
.

Потеря дыхания.
Глазам больно от пестрения и слёз.
Помутнение.
Её ум включался, выключался.

Вкл… Выкл…

Щелчок вкл и выкл.

ВКЛ

ВЫКЛ

Её руки надавливают на живот, на бёдра, груди, предплечья, вгрызаются, царапают.
Клик. Кликкк.
ВКЛ.
Фзззт.
ВЫКЛ.
Ктч. Зкскст.
ВКЛ!
Кттрв.
Выдернуть распоясавшиеся образы, оторвать их от себя!
Ксззт. Ктик. Ззскскт. Кктич.
Разрывая изображения с экрана своей кожи, она испытывала единственное желание — освободиться от всего этого, снова стать чистой. Руки вгрызаются, вгрызаются.
Клиик, ткскликкк, клик, кзксксикиклк.
Кровь. Толчок.
Клкик, кккикзкс.
Нервный скачок, а затем из неё, из её тела, вырывается крик, и теперь все картинки вдруг дробятся человеческими лицами, все как один, сто ртов крупным планом, красные пасти с зубами, все они кричат. И сама она. Её собственный рот, этот единственный настоящий красный влажный рот, присоединяется к общему крику.

Архххгххшиирхххххх!

Она падает на пол, на колени, руки поднимаются, чтобы обхватить лицо.
Она выкрикивала. Каждый голос.
Рёв!

Аххфгрхххазжнхххжаргннкксжхххххжхххххх!

Бац.
Чей-то кулак о стену. Нет, не о стену. Дверь. Кто-то стучится в дверь, гулко. Требуя быть впущенным.

Уходите.

Голос Нолы, простой вдох. Шёпот.

Пожалуйста. Уходите…

Стук продолжался.
Теперь другие голоса. Снаружи.

Ну почему мне не дают покоя? Почему не оставят меня?

Звук поворота ключа в замке.

Нет!

Нола пыталась встать, подняться на ноги, натянуть какую-то одежду, простыню — хоть что-нибудь.
Прикрыть свой стыд, уродство, своё великолепие.
Там был старик из ресепшена, пялился на неё. И тогда другой мужчина толкнул его в спину, обращаясь к нему. Нола слышала только визг голоса внутри собственной головы, руки хватались за простыню.
Хватались, хватались…
Слепая.
Слепая паника.

Пьяная Эвелин Мур, придя домой, совершила аварийное приземление, растянувшись на скомканном одеяле.
Спала час или два.
Её разбудило мерцание. Дрожь.
Ночь. Та женщина в баре. Что произошло?
Её глаза приоткрылись в темноте.

Что, мать его, случилось вечером?

Вдруг ожила, более чем наполовину протрезвела.
Холодный ум.
Она поднялась, разыскала свою гламкамеру, просмотрела экран, увидев снова женщину с мерцающей кожей, тело из картинок, из образов, танцующих на плоти, на руках.
Нола. Нола Блу, поп-звезда.
Какая-то Видео-Экранная Женщина?
Это же высшая лига сплетен, новостей, загрузочный ажиотаж.
Теперь Ева, окончательно проснувшаяся, умывшаяся и прихорошившаяся, сидела за бокс-компом. Она подсоединила видифлекс напрямую ко входу и просматривала результат съёмки во весь экран, в полном цвете, звуке и деталях, настолько увеличенных, насколько позволяли настройки.
Она работала час или два, создавая новый ползучий сайт, не заморачиваясь над дизайном и доведением до совершенства на этой стадии, просто чтобы опубликовать новость, приобщить мир к этому чуду.
Пальцы на кнопке РАЗДАТЬ, нажимают, и…

кликкк

KanalkØzha*vine
активирован.

Видеоматериал с Нолой во всей её телевизуальной красе разлетелся по эфиро-пространству, путешествуя по проводам и волнам, зашифрованный, спутанный, отскакивая от путевых станций, отражая шумы, множась по паутинам и узловым точкам, закрепляясь на сигналах привлечения, опадая картиночной пылью на приёмники, сюда, чтобы быть загруженным, декодированным, спущенными на землю терминальными коконами и тэг-спайкерами, и клипо-ищейками, и всеми искателями, месседж-детекторами, всеми ловцами трансляции из рая, живущую и дышащую женщину с визионной кожей. Зрители включились. Слова распрыскивались, портапопы передавали ссылки, сомаподы нашёптывали друг другу, телебаги хлопали своими крылышками и пели новость в полный голос, десятикратно, тысячекратно.
Клик-джэммеры попросыпались.
Слух сходился и расходился по путям единиц и нулей. Ночь жужжала обрывками речи.
Сеть ртов шептала, пела, кричала, перегруженная.
Шиммертаун заискрил шиммерами, сначала несколькими, а затем всё большими, по мере того, как по миру подключались зрители, искря туда-сюда своими собственными мыслями и чувствами.
Нола продолжала жить, не ограничиваясь экраном, будучи теперь не только плотью, но и эфиром.
Эвелин открыла шумокруг, получила первые запросы спустя считаные минуты: месседжи для Нолы, где бы она ни была.

> Нола, бэйби! Вот моя аватарка. Кожетранслируй меня!

> Флештастика. От начала и до конца! Пожалуйста пожалуйста пожалуйста, покажи миру моего танцующего щенка. Это суперрулёзно.

> Это какая-то фальшивка, верно? Какой-то сраный развод от Джорджа Голда.

> Нет. Это правда. Я слышал об этом от друга. Он был там! В баре.

> Нола… Ты — сама женственность 2.0.

> Приезжай ко мне, НолаБлу. Проверишь мою сеть.

> О Боже, это так уродливо! Хочу быть как она! Где можно встроить такую опцию? Кто-нибудь?

> Она транслирует порно? Я бы предложил свои услуги.

> Покажите меня, ВизСкрн Дева. Пустите мня на свю программу.

> Нола. Пой электрикой тела, почему нет?

Эвелин собрала вводные данные, зациклила, установила обсуждение на авто и облокотилась на спинку стула, дрожа от удовольствия, попивая кофе и поедая кашу из полосатой миски. Пока её ум пребывал в полудрёме…
Ночной воздух дрожал золотом месседжей
двигавшихся через волны лунного света
проводов и частиц.
По всему миру: глаза ослеплены яркостью
когда пальцы кликают и тапают
в движении к
танцу данных.

-16-

Медленный джаз по радио. Туманная музыка прошлых лет.
Ночник: тёплое жёлтое свечение в углу. Остальная комната — в тени.
Нола Блу сидела на кровати, отпивая из надколотой кружки, наполненной бренди. Её тело было завёрнуто в белую простыню, и ничего более.
Мужчина облокотился о стену.
— Я вас узнал, разумеется, — сказал он. — Я видел, как вы подъезжали и сказал себе: Вот она, Нола Блу. Номер один в мире с первого своего сингла.
Нола держала голову опущенной.
Мужчина продолжал:
— Не часто мне приходилось встречать знаменитую личность.
— Я не такая.
— Не знаменитая? Или не личность?
Нола посмотрела на него.
Лет двадцать с лишним. Лицо в полутени. Длинные волосы зачёсаны назад. Молодой человек с нижнего этажа, с ресепшена.
— Ни то, ни другое, — сказала она.
Мужчина сложил руки.
— Вы создание, как и я — неизвестного вида.
— Я не как вы.
— Одинокий зверь с колючкой в боку. В одинокую и кошмарную дождливую ночь это случается — укол страха, словно булавкой. Может ли человек быть таким одиноким, даже со всеми своими друзьями и любовниками вместе взятыми? Оxx! И болит же, правда? Но недостаточно, чтобы заставить вас что-то предпринять. Ох, ох. Все эти годы попыток отделаться. Ох, ох, ох, и она всё ещё допекает, всё ещё пыряет и протыкает вас. И вместо того, чтобы привнести жажду в вашу жизнь, всё, что она делает — оставляет вас утомлённой от опостылевшей себя самой. Ведь так?

Нола не могла больше выносить его вида.
— Очевидно, — продолжал он. — Даже суперзвёзды мирового масштаба причастны к переживанию всеобъемлющей пустоты.
— Когда им позволено. — Её голос был тихим.
— Что позволено?
— Когда их менеджеры позволяют им подобные переживания.
— И часто эти менеджеры, как вы их называете, позволяют такие переживания?
— Где-то раз в год.
Молодой человек покачал головой.
— А вот это действительно печально. Со мной, Нола, вам можно будет чувствовать всё, что захотите, в любое время, когда пожелаете. Подходит вам такое?
Нола колебалась.
— Да.
— Но вы слегка не в себе, да? Вот сейчас?
Она кивнула.
Он подошёл к окну, приоткрыл его. Внезапное ощущение холодного ночного воздуха.
— Однажды я сделал запись звука муравейника. — Теперь он говорил приглушённым тоном.
— Я был всего лишь ребёнком. У меня был дешёвый диктофон с хреновым микрофоном, который я нежно опустил в грунт. Я нажал на запись и оставил его там на полчаса. В ту ночь я погасил свет, лёг в кровать и проиграл плёнку. Мне было девять лет.
Его голос пульсировал, вводил в транс.
— Это был звук потрескивания пламени, электричества, бегущего по проводам. Человеческого мозга за работой. Я лежал, ошеломлённый, засыпая. Звук проник в мой сон.
Он повернулся к Ноле.
— В дневное время я телефонный рекламный агент. Мы продаём рекламное пространство. Пустоту, если хотите. Я сижу в кабинке, звоню людям, незнакомцам, нежно охочусь на них. Заранее запрограммированные слова разворачиваются на мониторе и мои губы делают необходимые движения, чтобы привнести в эти слова жизнь в своём рту, в проводах, воздухе, который разделяет нас всех, в ушах слушателей. Предполагалось, что это будет временно, ну знаете, нечто, чтобы продержаться на плаву, пока мои тайные проекты, мои планы не начнут окупаться. Три года я так проработал. Недавно меня повысили. Сейчас я циркулирую по кабинкам, удостоверяясь, что люди делают то же, что делал я, следуя сценарию. И мало-помалу, звонок за звонком, пустота приближается: потерянная связь, мёртвая линия, шумы.
Он на шаг подошёл.
— А потом ночью, по выходным, я путешествую в звуке. Я записываю мир в миниатюре, мир внутри мира.
— Рассказывайте дальше, — прошептала Нола в ответ.
— Пение птиц, дождь по листьям, по лужам, крики животных, ночные совы, люди, спорящие на скамейках в парке, магнитная катушка плохо настроенных антикварных радио и телевизоров. Я люблю фузы и трески, фоновые звуки. Аналоговый гравий. Однажды я разместил микрофон в теле мёртвой мыши, пока насекомые пожирали её плоть. Жизнь сама по себе, всегда на грани затухания. И вот однажды, одним утром я проснулся в удушливой гостиничной комнате с лежащей рядом обнажённой женщиной, незнакомкой, записывающее оборудование разбросано по простыням. Её тело всё ещё было украшено контактными микрофонами, пятью из них, каждый из которых был прикреплён в месте жизненно важного участка плоти. И даже когда женщина зашевелилась, проснулась, и зашептала, и улыбнулась мне, я думал про себя: Где я, чёрт возьми? Что я собираюсь с этим делать?
Его голос затих.
Нола осознавала все шумы, наполнявшие тишину: скрип деревянной обшивки, дребезжащий смыв туалета ниже по коридору, включение термостата мини-бара. А также, своё тело, работающее на низком ходу: постоянная пелена интерференции, случайные красно-жёлтые прострелы жара, заставляющие кожу потрескивать.
Она попыталась встать и тут же об этом пожалела — её череп озарился светом, выплеснувшимся в мерное серое жужжание. Она с трудом могла собрать мысли. Она поднесла руку к голове, большим и остальными пальцами сжимала виски. Она была выжата.
— С вами всё в порядке?
Мужчина подошёл к ней. Он выглядел неуверенно.
— Ничего.
— Уверены?
— Отойдите от меня.

Нола сражалась со статическими волнами, стараясь их утихомирить. Шумы, эхо. Голоса. Неразборчиво. Она чувствовала, что её зовут, вызывают, и она выдвинулась с ответом, с принадлежностью, наконец, с освобождением от всей этой боли и сомнений, и тогда на неё легли мужские руки, успокаивая. Нола позволила себе быть охраняемой, она снова отдыхала на кровати, теперь шум снизился, исчезая, оставляя её ум пустым, скучающим по дому, расчерченному тенями.
Мужчина отодвинулся.
— Это часто случается?
Нола кивнула.
— Да, но так плохо ещё не было. Какой-то приступ.
Он стоял, глядя на неё, как она допивала свой бренди и просила ещё. Один для неё, один для него.
— Я не знаю, как вас зовут, — сказала она.
— Верно.
— Вы мне скажете?
— А если бы и сказал, Нола, это бы что-то для вас значило?
— Конечно, значило бы.
Молодой человек улыбнулся.
— А через пятнадцать минут мы попрощаемся, и это улетучится из памяти.
— Нет, так произойти не должно.
— Что я могу значить для вас?
— Вы помогли мне.
Он улыбнулся и вытянул сигарету.
— Не возражаете?
Нола покачала головой.
— Хотите одну? — спросил он.
— Можно затяжку-другую.
Он подкурил сигарету, протянул ей. Нола затянулась.
Мужчина наблюдал.
— Хорошо?
Она выдохнула.
— Иисусе, это было так давно.
— Вам идёт.
Они передавали сигарету друг другу.
— Вы кажетесь одинокой, в смысле, для такой знаменитости.
Нола пожала плечами.
— У вас есть бойфренд?
Она засмеялась.
— У меня есть… компаньоны. Я не уверена, что они считаются.
— Почему ж нет?

— О, вы их только иногда видите на фотографиях, в прессе. А там всегда подписано. Что-то вроде:
Звезда номер один, Нола Блу, была замечена во второсортном ночном клубе со своим последним «компаньоном», актёром Мартином Финчли.
Что-то в таком духе.
Нола красуется в компании своего нового партнёра на презентации продукта.
И так без конца.

— А какие они, эти парни, в реальности?
— Я не уверена, существуют ли они в самом деле. Как таковые. Их для меня Джордж находит.
— Джордж?
— Джордж Голд. Мой менеджер.
— Ах, да. Знаменитый Джордж. Верно. Вы одна из тех.
— Одна из…
— Одна из тех созданий.
Нола смотрела на него. Холодно.
— Думаю, нам нужно…
— Да?
— Не могли бы вы оставить меня, будьте добры. Мне нужно одеться.
Он затушил сигарету.

— Куда вы собираетесь? — Он опять направился к ней. — Куда вы можете пойти? Есть ли кто-то, по-настоящему способный понять вас? — Он неотрывно смотрел на неё. Она отвернулась. Он подался вперёд, мягко продолжая: — Когда я увидел вас вечером, Нола, через эту дверь. Когда я увидел вашу кожу. О… её сияние. Ваше тело было словно охвачено огнём, картинами и звуками. Энергией.
Она больше не могла отводить взгляд.
— Что я такое? — спросила она.
Его ответ, шёпотом:
— Какая-то хаотическая красота. — Глаза в глаза. — Какая-то непостижимая красота, за пределами формата.
Трепетное мерцание плоти.
Вдруг, по её лицу проплыл образ.
Видео ночного неба. Звёзды, луна, краткая вспышка кометы.

Теперь. Лицо само по себе. Обновляющееся, изменяющееся.

Прошло. Снова чистая кожа.
— О, мой… Это было… — Он не мог подобрать слова. — Это было восхитительно.
— Почему же я? Почему? — спросила Нола.
— Не знаю. Вы избраны.
— Ну почему надо было выбрать меня?
— Это, должно быть, из-за рецептивности, открытости всем каналам.
Нола покачала головой, вздохнула.
Молодой человек слегка отступил.
— Не вы одна страдаете от этого.
Нола смотрела на него.
— Есть и другие. Несколько, разбросанных по всему миру. Россия, Таиланд, Мексика. Так что… вы не одна. Не совсем. И скоро появятся ещё такие, как вы, через месяцы.
— Как я?
Нола чувствовала себя странным образом зачарованной этой мыслью, этой идеей других извне, других сущностях, пылающих теми же потоками и статическими зарядами образов. Если бы ей только удалось найти одного из них, одного или нескольких, взяться с ними за руки, несомненно, это дало бы ей покой.
— Откуда вы это знаете? — спросила она.
— Из эфира. Как-то ночью я взламывал каналы. У меня был волновой комп, настроенный на частоты-призраки, улавливающий сигналы по всему миру, полулегальные станции, посылавшие сообщения, содержавшие информацию, которую правительства стараются держать в тайне.
Нола чувствовала искру воспламенившейся жизни, перерывы между сигналами. Картинки, формируясь и двигаясь под её кожей, жаждали передачи.
— Вы конспиролог? — спросила она.
— Был им, полагаю. Но сейчас правда сидит прямо передо мной.
— Продолжайте.
— И потом я нашёл эту странную программу. Она была спрятана между двумя другими станциями, и едва ли вообще там была, сплошная статика. Я смог расслышать голоса, стремившиеся быть услышанными из шума.
Нола опознала эффект.
— Это был сайт, на который я ни разу не наталкивался. Я притянул и отделил волну, насколько мог, пока голоса не прояснились.
— Они говорили по-английски?
— На всевозможных языках. Некоторые вообще мне неизвестны. Другие же более знакомы. Английский, французский, немецкий. — Он улыбнулся. — И тогда я впервые услышал о сигналах-паразитах.
— А это что такое?
— Помните о переключении Кляйна-Зеккера?
— Да, смутно. Новый транслирующий сигнал?
— Он самый. Его запустили в начале этого года. Бесконечный массив данных в виде фрактальной волны. Кажется, сигнал-паразит является непредвиденным побочным эффектом новой технологии. Разумеется, об этом никто не распространяется.
— И что он делает… этот паразит?
— Это вирусная инфекция, захватывающая человеческую плоть. Но вирус, не относящийся ни к одной органической природе из известных. Возникший из самого эфира.

Нора покачала головой.
— Я бы сказала, что вы псих.
— Несколько дней назад — наверняка.
— Да.
— Я чувствовал то же самое. Но теперь…
Они смотрели друг на друга. Нола что-то такое видела в его глазах, что-то, чего она до сей поры не видела.
И она впервые посмотрела на него как следует.
Возможно, слегка старше, чем ей подумалось вначале.
Чёрные растрёпанные волосы, падающие на его брови, его глубоко посаженные глаза.
Глаза, которые притягивали её, с темнотой внутри.
Губы, налитые кровью,
бледная кожа, едва ли видавшая дневной свет.
Лицо контрастов, интересно.

Я бы почти…

Она отключилась от чувств.
— Что ещё вы узнали?
Молодой человек колебался.
— Ну…
— Расскажите, пожалуйста.
— Они никогда не протягивают долго, эти инфицированные. Понимаете, о чём я?
Нола кивнула. Мужчина не отводил глаз.
— Конечно же, у вас может быть всё по-другому. Сигнал-паразит всё ещё на стадии зарождения, он ещё формируется. Кто знает, во что он трансформируется, когда найдёт себе оптимального хозяина.
Кто-то снаружи прошёл по коридору: медленные пьяные шаги протопали мимо закрытой двери.
Молодой человек сидел на кровати, на приличном от Нолы расстоянии.
— Мы завалили себя средствами массовой информации во множестве их форм. Наши умы теперь открыты сигналам. Мы стали антеннами.
Нола прикрыла глаза.
Триггеры. Клик-кликающие в её голове.
Этот парень кое-что о ней знает.
Она изобразила улыбку, и мужчина придвинулся.
— Сейчас сигнал начинает загрязнять нас напрямую, Нола. Плоть — аналог, и внутри вашего тела сигнал перетекает прямо в человеческую форму.
Она отвернулась.
— Я больна.

— Это не болезнь. Это перемены в мировом цайтгайсте
[6]
.

— Предполагается, что всё это заставит меня почувствовать лучше?
— Не это. Но кое-что. Это кое-что да означает, неужели вы не видите?
— Это означает боль. Одиночество.
Молодой человек кивнул. На минуту он затих, а потом:
— Меня зовут Джо. Джозеф Палмер.
— Хорошо. Приятно это знать.
— Нола, дайте мне на вас посмотреть.
— Не могу.
— Я об этом только слышал, только мечтал.
— Я не фрик-шоу.
Рука Джо потянулась. Нола вздрогнула.
— Нет. Не трогайте меня. Пожалуйста.
— Я просто ищу, где у вас кнопка.
Нола застонала.
— Это была шутка, между прочим.
— Я знаю. Просто это…
Она колебалась.

— Что? — спросил Джо. — Это само собой получается?
— Да. Ну, не совсем. Сейчас уже не так. Я обретаю контроль.
— Я слышал о таком эффекте. О нём упоминали. Люди могут учиться.
Нола повернула лицо прямо к нему.
— Джо?
— Что?
— Оно… вы не знаете, оно заразное?
— Полагаю, да. Но только в случае близости. — Его голос успокаивал, согревал. — Настоящей близости.
Он положил руки ей на плечи, близко к шее, с каждой стороны. Ожидая искры.
Спокойно:
— Покажи мне.
Нола закрыла глаза.
Его пальцы гладили её волосы с той стороны, где они ниспадали на лицо, а потом и само лицо, нежно, чувствуя тепло непосредственно из-под кожи, картинки и звуки, ждущие просочиться сквозь поры. Покалывания по мере формирования образов, их слияния, отделения друг от друга, перетекания в новые формы, ещё не видимые, не жившие, не транслировавшиеся — только намёки, обещания, идеи, сырые данные в миксе тела.
Его рука покоилась на её лице, едва двигаясь, лишь кончики пальцев, слегка ласкающие. Он начал говорить:
— Я сбился с пути, Нола.
Её глаза медленно открылись.
— Я сбился с пути. Моя душа унеслась в дневную работу. Всё, что осталось — то, что я могу видеть перед собой и слышать. Чего я касаюсь.
И Нола увидела в его глазах собственный вернувшийся недуг. Она стала ядовитым оракулом, а он — наблюдателем. И тогда её тело стало отвечать и мягко говорить о своих собственных желаниях. С её кожи, как облако, поднялся детский голос, рассказывая историю, сказку о бродячей луне, заблудившейся в море, и сделанном из пчелиного воска корабле, волокущем луну назад, домой.
Цвета смешивались на её лице, формируя корабль, одинокую луну, маленького мальчика, улыбавшегося её возвращению.
Джо Палмер трепетал, видя это. Он не мог поверить, что он был так близок к источнику, его рука теперь двигалась вниз по её лицу, медленно по её губам — влажным, красным — вниз по её подбородку к шее.
Пальцы, декодируют,
свидетельствуют.
Он придвинулся ближе и дышал на неё.

Он
дышал
…

Картинки рябили под движением воздуха,
и дрожали,
снова восстанавливаясь, пока он двигался дальше,
пальцы по её груди,
под простынёй, вокруг её живота
мягко обращающееся
царапанье ногтем
побуждает образы воспламеняться,
танцевать.
Нола дрожала,
Простыня соскользнула.
Каналы кожи перемешивали новые станции,
передачи путешествовали по её телу,
лаская её кожу, как Джо ласкал её,
теперь, губы, едва касаются её,
затем…
прикосновение,

(ах)

сходясь, расходясь,
так, что картинки ослепляли и играли на её плоти
размываясь и поднимаясь под кончиками пальцев,
и, наконец, поцелуй:

Контакт
…

Настоящие губы на транслируемых губах, на настоящих губах,
на транслируемых губах.
Его тело…
жилистое, всё в шрамах — старых и новых,
самонанесённых.
Её тело мерцало краденной красотой,
кожепиксели растворяются
создавая образы:
Тигры, рыщущие в ярких электрических цветах
солнечный луч на стене
дети за игрой
сады, небоскрёбы, волны, закаты,
субатомные структуры
перелистывающиеся страницы словаря
снегопад.
Кожа Нолы блестела,
хроматофоры оживали картинками:
Сияющие города
горящие огоньки полуночных деревень
посёлки, кишащие человеческой жизнью
тропические лианы
фиолетовые цветы
математические символы
вдруг, облако парфюма из флакончика-спрея
горящие часы
профили кинозвёзд
стрекозы, их крылья из бронзы,
серебра,
электрической лазури.
Плоть на плоти, крупным планом,
холм любви
где изгибы сходятся и расходятся…
две раны, ласкающие друг друга
через общую мембрану.
Слёзы — киношные и настоящие.
Мягкое влажное мерцание
других людских тел
проходило сквозь Нолу,
знакомые тела
незнакомые тела
голые, мужские и женские
все формировались на её коже, укрывая её
все
все ласкающиеся.
Она чувствовала шум,
вкус картинок,
трогала запахи обонянием зрения:
Затеряна в Телестезии.
Глаза Нолы трепещут и закрываются.
Теперь только тьма.
Теперь её череп разрисован звуками:
шепотками, перезвонами колоколов
тоненьких колокольчиков, бормочущим
эхом

отголосками бубенцов
мерцаниями шумов
Что-то холодное и тёплое проползало
по дальнему краю её кожи,
по кромке сумерек кожи
поднимая её тело света, цвета и жара
каталогизируя её,
делая её хрупким эфирным потоком
развернувшимся с мириад звёзд на землю:

Звёзды к земле…

Мириады полуночных звёзд вызывают землю…

Зовут

…

Вывод;

А нет никакого вывода.

Кульминация;

Отсутствует.

Только медленное появление новых возможностей

балансирующих и падающих

и вновь поднимающихся

на волнах звука и изображения

и даже по мере того, как тело растворяется

тело поёт…

Образы плывут над кожей

Звёзды шепчут и поют в воздушных волнах

луна размывает, смягчает

кожа смягчает

изображение шепчет

кожа шепчет.

Кожа размывает, мягкие

образы звёзд на коже

ночное небо на её коже, темнота

размывает свет там, где звёзды

мерцают

упавшие

падают, чтобы упокоиться здесь

на её коже,

радужные,

приглушённые…

-17-

Нола дремала в объятиях мужчины и видела сны.
Сны были, но они перемежались со вспышками программ в её голове. Она представила свой язык. Она могла чувствовать его жар, тяжёлая плоть — розовая и мокрая, пропитанная образами ливня, книг и пантер, деревьев и блеска,
слёз на юном девичьем лице
подсвеченном
искра, искра, ВСПЫШКА:
Язык Нолы увлажнился электрическим гул-привкусом,
электрической жизнью.
Часы тикали.
Серебрянное мерцание за окном, мягко ложится на её тело, полураскрытое на кровати, пока ночь уходила к раннему утру. Её кожа покрылась более спокойными трансляциями: волны на берегу, клубящийся туман, солнечный блик.
Медленно, замедленно…
Она ещё спала, сновидела.
Видела сны…
Она видела тело Мелиссы, её силуэт.
Мелисса Голд, молодая женщина, была видна всё отчётливей, выбираясь из экрана по направлению к Ноле с такой болью на лице, что созерцание этого было болезненным. Нола отразила каждое её движение, вовлёкшись в жизнь сна,
дальше, ближе.
Сквозь стекло Купола, сквозь экран.

Пока руки не встретились, пока пальцы не переплелись.
Пока их глаза не замкнулись друг на друге,
глубокие и тёмные.
(Руки, красные… красные…)
Мелисса напрягла хватку. Что-то проскользнуло между ними, Нола могла это чувствовать, свет, огонь.

Вспышка.

Что-то потрескивало. Статический заряд.
Мелисса выскальзывает. Далёкая.
Близко.
Далеко.
Теперь вне досягаемости../..>
*//..,>
Искра,,,*/
../.(+,,,потрескивание
черепа..,'/>..плавление..),//>…
../*/ <.+…
Нола всё ворочалась и ворочалась в своём сне.
Видя… бросая взгляды…
Руки, красные от крови. Что? Почему?
Пальцы
истекают. Красным.

Нет
…

Руки Мелиссы. Измазанные.
Красным.
Мелисса со своим маленьким каменным лезвием, режет себя.
Кромсает себя, свой живот.
Ясно видно во сне.

Мелисса. Нет. Не надо… пожалуйста…

Так ясно… болезненно, чётко. Нож работает с осторожностью, с выверенной точностью поддерживая боль, нанося мелкие порезы по плоти живота.
Художественная работа.

Что же ты делаешь? Остановись. Пожалуйста, не надо…

Голос Нолы, её сновиденный голос неслышен.

Остановись сейчас же.

(скликк)

Слабый шум. Мягкий щелчок и гул камеры.
Нола пошевелилась.

Сон… ах… ну да… хорошо… просто сон…

Синяя вспышка.
Крошечная чёрная линза открывается в затемнённой комнате.

!фззкзззззтзк!

ворует свет и цвет с её кожи.
Нола простонала и вскрикнула.
Она проснулась.

…
Гостиничный номер, темнота.
Затем жёлтая вспышка света, мягкая, распространяется
Исчезает.
Её глаза были затуманены, полуприкрыты, но она могла видеть стоящего там молодого человека, Джо Палмера, своего временного любовника, того, кто вцепился в темноту. Но сейчас он стоял в стороне, его лицо, полускрытое тенью и светом гламкамеры, которую он держит, его тело неподвижно, лишь один палец снова и снова щёлкает затвором, собирая всё, что было у Нолы, все её разнообразные излияния, её тело, мелькающее каналами в ночи.
Он пододвинулся ближе ко рту, её губы, расцвеченные цветовыми пятнами, крохотными картинками, движущимися силуэтами. Губы, двигавшиеся, ещё едва ли. Шепчущие.

Джо. Джо, не надо. Остановись.

— Всё хорошо. — Отстранённый ответ. Голос Джо. — Я лишь хочу… я хочу сохранить тебя для воспоминаний. — Тихий голос. — Чтобы смотреть на тебя, когда ты уйдёшь. На твою красоту. Чтобы увидеть тебя снова.

Остановись. Остановись сейчас же.

Щелчок камеры.
— Только для меня, — прошептал он. — Только для меня одного. Обещаю.
Нола застонала.
Её живот горел.
Медленный порез и удар лезвия — медленно, осторожно…
Нола чувствовала это. Каким-то образом сон стал настоящим.
Как это может быть?
Она явно ощущала боль от лезвия, и когда откинув простыню она посмотрела вниз, на свою обнажённую плоть, она там увидела:
Кровь.
Кровь на её коже, на её животе и руках.
Царапины:
Множество царапин, нанесённых по кругу, создавали форму.
Крохотные, маленькие порезы.
Из каждого сочилась кровь,
пронзительно красная.
Сердце Нолы подпрыгнуло, её дыхание
остановилось.
Она смотрела вниз, в медленном ошеломлении, на рану.
Грубый набросок человеческого глаза посмотрел на неё в ответ с плоти. Веки, глазное яблоко, расширенный зрачок, несколько ресниц.
Слеза.
Разум Нолы раскололся надвое:
Одна половина видела кровь, которая была лишь съёмкой о ранах, захваченной с волн трансляции.
Её рука двигалась сквозь волну сигналов
её пальцы сухие
невредимые
не запятнанные кровью

но
проецировавшие
кровь.

Другая сторона её разума чувствовала пытки
воображая сам акт;
нож, рассекающий плоть
снова
снова.
Нож
Точка прикосновения…

Медленная болезненная решимость

Сккрсссктттт…

Нола заплакала, привлекаясь к Джо.
Камера вспыхнула
мягко
жёлтым.
— Джо, — сказала она. — Джозеф, включи экран.
— Что?

Включи его
.

Он повиновался. Положив камеру, двинулся к маленькому приёмнику, на встроенном в стену вращающемся металлическом штативе.
Он включился на Куполе Удовольствий.
И они увидели, как уже было показано на животе Нолы, раны Мелиссы.

Живьём и напрямую. Крутим, как мы говорим.

Мелисса резала собственный живот импровизированным лезвием, вырезала символ глаза.
Глаза, который смотрел крупным планом прямо с экрана.
Человеческий глаз из крови
и слёз.

-18-

...././010...110.....\.....,*?..\\.\.....

.....т..*в/.....>\.....

...../0>1.(.).....

...../..(..прожиг,</....*\.\.\.>\\;\\\.....

.....дрейф.\.....:.....

.....\.....\.\0\.01\\01101.....\....

.....,.>\.01....вкус.....\.....

.....касание?>....\..\\..>\\\.\01 ;'.....\....

...../сейчас:..пальцы....ласкают/..>.....

..../.>....>/101.0....\....\^00.....1.)0.....

...../"!/^..начать!.1.10.....

.....>10... ((, // нет: <
кожа
.>+=

// ./<%   >сломана,
размыта
^>,   0\\10 .

.   /’%   влага,//0101 1////// 10   101\\’@

.   сигнал размытие   синий нагрев //(@’жар>

‘...Фильм из   /.,,,>../ лихорадочные видения.’

Слушать:...свечение/.наслаждение>

^/ контакт?   .   нет   :меня/зовут>

// , зовут...???нет..Нол^.а/01 11/Нола/ !блу ?>

,^ 0100 1 мерцание /..,. /// ,.,   1/,<\1   0?

/.0,//
касание
кожи 01::< ,*)

Теле .виз.//ионный .   ШУМ   @ ^0.1<<<

(всё ещё./ждёт/ /&^С%..?/\>.\.

Инт.рф*рнция>уз/о,ры;\   .0 .1 . плоть языка

010/1. касание /??(01   >///

/*~Нет! паразитарные// >/\. слишком 0110\\.\\.\>010<

Рядом. Слишком близко!/ 01.1/>>./>

<   /&^0 101 01\”?голоса>‘Опасения за жизнь узника растут.’

/./ ..,010001011101001 \ \.\

.   .>>/ 0111010^
данные: женщина

дымка лезвия
^ следы 01   1101>но//.ла^^   ,\ \

/> / .   рана. нагревКОЖИ гла з./

инфекция
купол
*:/[мелл сс а]>[?]   \

<   >//   /?   Видите меня?   \.   \

//.*   Память? >// (клик кклик 0)

<   взтв >светиться/ 10   0   *(^ 010\

.   экран/свет?//,. !!!красный красный

/ <   .,:

/ /   * .” \   01101 01   \   \.>

активировать ...По. иск>/,,

*место рождения/... \ ^

-19-

Пульсация раны.
Теперь Нола одна. Она едва ли может удержать руки на руле, едва ли различает дорогу впереди, через муть раннего утреннего дождя, бит перегрузки.
Слишком много информации.
Слишком много картин.

Медленный красный поток стекает с её живота и рук — капля за каплей.

Её плоть исчерчена кровавой диаграммой, оставленной спроецированным ножом.

Всё ещё не придя в себя, шатаясь. Всё ещё думая как-то вмешаться, как-то помочь, очистить от крови, закрыть и зашить рану.
Живот Мелиссы.
Теперь Нола это знала.
Руки Мелиссы.
Нола ловила последние новости с аэроволн, из огненной искрящейся паутины эфира. Миллионы сигналов сновали туда-сюда сквозь серый свет, сквозь облака и пыль, и разбросанный ветром мусор. Она видела их глазом своего разума, его обширный массив коммуникации. Кустарное орудие Мелиссы, исследованное в деталях, обсуждалось экспертами, это тонкое суровое лезвие из заострённого камня и проводов, обмотанное грязными тусклыми волосами. Этим она продолжала вредить себе.
Семь порезов на животе.
На деле, порезы были незначительными — произведения в большей степени искусства, чем вреда.
Демонические отметины, ритуальные шрамы.
Глаз. Форма и символ.
Злое око. Всевидящее око.

Гор
.

Купол Удовольствий вырабатывал свою магию, его кожа снов, оживленная теми же образами, оком яда, оком любви, всплеском красного, фонтаном, алой луной, роем мух с малиновыми крыльями, похоронными песнями, кроваво-лепестковыми цветами. Цветенье и увядание, цветенье и увядание, и снова цветенье.
Фигуры зрителей поднялись, привлечённые остриём лезвия, в тот момент, когда его острота встретилась с плотью. Инцидент показывали снова и снова по сети, по мере того, как люди подключались к кровопролитию.
Жертва, угождающая себе, обрабатывающая себя. Составляющая карту своей кожи.
Камеры наезжали.
Тело отвечало.
Наконец, нож поднялся в руках Мелиссы, обеими руками, чтобы медленно опуститься через податливую кожу самого Купола, делая тоненький надрез, вскрытие.
Из раны просочился пигмент.

~~~

Одна. За рулём.
Воздух стал тёпл, влажен, тяжёл.

Наедине с картинками, с потоком сообщений, поступающих из эфира, наедине с фазово-сигнальным порханием, то совпадающим, то расходящимся с её собственным дыханием, с собственным сердцебиением.
Зкссссстсзкстт!
Её собственный образ, захваченный камерой, передаётся, проецируется на её собственное тело. Сцена в баре, когда она показала себя, выставила свой коже-экран напоказ людям. Всё это теперь было на обозрении, на экранах всей страны. Послания, отправленные ей по волнополям, пойманные: видео, хвалебные слова, желания, восхищения, сомнения. Всё — ей. Всплески и проклятия, и миленькие нарисованные сердечки, и чаяния, и все языки, виляющие ликованием, и опасностью, и тайной.

О ней. О Ноле. Ноле Блу.
Её слава вернулась в колею. Больше, чем когда-либо.
И она всё ещё пыталась заблокировать поток картинок, отрезать себя от сигнала.
Продолжая ехать.

Сзксзсссзтзтззт.
~~~

Нола наедине с электрическим спектром, блуждающим в статике.

Бип. Бип. Бип бип бип.

Поёт телебаг.
Лицо Кристины.
Нола переключает баг на громкую связь.
— Нола! Ты где?
— Путешествую.
— Ты во всех новостях. Все тебя смотрят.
— Знаю.
— Вернись на базу. Мы с этим можем поработать, позволь этому случиться.
— Не могу.
— Нола! Подожди…
Хватит. Конец передачи. Багдаун.
Хвала тишине.

Нет. Не возвращаться, не теперь.

Она взглянула в зеркало заднего вида — ничего. Лицо было чистым, без образов.
Всё ещё чистый экран.
Машина ехала.
Город пылал жизнью. Окутанные ливнем дороги. Билборды. Цвета, тающие в воздушном потоке машин, мигающие рекламами пищевых добавок, пудры для лица, шоколадных батончиков, режимов поддержания фигуры от знаменитостей: все эти товары предлагали многочисленные мужчины и женщины — резиденты Рая Нулевого Размера.
Наплыв кожекадров, образов.

Женский глаз, открывающийся… цветкоподобно…

Ей надо было знать, всё ли с Мелиссой в порядке, на самом деле.
Нола сканировала кожеволны собственной плоти, ища ключи, ответы. Находя только сплетни, туманные слухи, дикие предположения. Болтовня. Компания молчала. Мелиссе дали бинты, мазь.
Купол закрылся.
Участница оставалась внутри, сейчас она спала.

Только по своему решению она может уйти. Это прописано в контракте программы, подписано и согласованно.

Мелиссе снились сны, и Купол грезил с ней, наполненный чёрным небом, падением комет, хлопнувшей дверью.
Нола чувствовала эту странную связь, эту острую боль.
Ей снилась девушка с экрана, молодая женщина, попавшая в ловушку экранного мира.

Соединение.

Ей снилась девушка.
Снились порезы на коже.
Каждый чувствовался, как свой собственный.
Каждая капля крови.
Её собственная.
Всё, что могла сделать Нола сейчас — держать руки на руле, нажимать ногой педаль газа, позволяя дороге увлекать машину в одном кажущемся верном направлении, ведомая силами, над которыми она по-настоящему не властна.

11:30

Время уходит.
К ней пришёл Джо: его лицо, его тело.
Воспоминания.

Нола чувствовала смятение.
Она всё ещё чувствовала на своей коже глазок гламкамеры, ворующий у неё секреты, чуть ли не открывающий раны шире. Наблюдающий за ней, поедающий её. Ей пришлось сбросить свою оболочку, и молодой мужчина возобладал.
И всё же, она ещё хотела этого, жаждала контакта.

Джо… Джозеф Палмер
.

Это было ошибкой. Но не было нужды гневаться, во всяком случае, не на Джо. В сущности, это была её проблема. Остаться в одиночестве — было частью системы, данной ей самой себе, неизбежным порождением хода её карьеры, дороги к славе. Её имидж был её оружием.
Теперь всё менялось.
Её кожа мерцала последними сенсациями, сезонной модой, ежедневными новостями, биржевыми котировками за час, бесконечно катящейся человеческой жизнью.
Очертания Нолы размывались.

Она заехала на заправку наполнить бак. Билборд перед входом мерцал золотыми и серебряными флакончиками
Isolation
и
Isolation pour Homme
[7]
— спонсорским парфюмом, выбором счастливых зрителей Купола Удовольствий, где бы таковые ни обитали.

Нола спряталась за шарфом, тёмными очками, перчатками, длинным пальто. Но когда она проверяла зеркальце, на её лице танцевала крошечная рекламка — чёрная лошадка перескакивала через её бровь. Нола сконцентрировалась на ней, она поборола импульс трансляции, и этим действием чистой решимости ей удалось счистить картинку с кожи.
Её лицо оставалось хрупким и пустым, а под ним двигались и дрожали картинки и послания, ожидая своего выхода. Их сдерживала только сила воли. Вот, что надо было делать. Она вышла из машины, заполнила бензином бак, а потом зашла в магазин на стоянке, чтобы расплатиться. Она налила себе двойную дозу из кофейного автомата и взяла четыре порции смородинового пирога. Эта внезапная жажда кофеина и сахара.
В очереди на контроль ожидали люди.
Нола присоединилась к ним.
Кожу покалывало. Её бросило в дрожь.

Она чувствовала шевеление картинок под одеждой и не могла удержаться, чтобы не посмотреть на себя, полностью укрытую медийными потоками и загрузками. Её лицо горело. Несомненно, там двигались люди и прочие вещи: актёры, конферансье, персонажи, спортивные программы, экшен-фильмы. Всё её тело жило шумом, голосами, визгом автомобильных тормозов, стреляющего оружия, женского крика на пределе голосовых возможностей:
Стой, Джонннни! Пожалуйста, не причиняй ему боль!

Нола подошла к кассе. Казалось, никто не слышал шума — только она.
Это хорошо. Мы справимся.
Она быстро рассчиталась наличными. Девушка за кассовым аппаратом посмотрела на неё — озадаченность на её лице.

Нола, заволновавшись, попыталась уйти.
Кофе и пирожные рассыпались.
Ей преградил путь мужчина.
И теперь остальные посетители вокруг перешёптывались, показывали на неё, произносили вслух её имя.

Это же она, это Нола Блу.

Это та самая женщина-видеоэкран.

Дайте увидеть. Я хочу снять это на свой…

Да, давай, Нола. Дай нам шоу.

В чьей-то руке вспыхнула камера. Ещё одна.
Нола протискивалась, прокладывала путь к двери. Люди напирали за ней, наружу. Теперь их голоса усилились, выкрикивая, требуя шоу, нескольких кожепоказов.

Нола, что показывают сегодня?

Ну же, детка.

Она добралась до машины. К этому времени её кожу лихорадило от картинок. Зрители столпились вокруг неё.

О, вот оно! Смотрите на её лицо.

О Боже!

Гламкамеры жужжали, линзы открывались и закрывались. Крошечные шипения и щёлканья механизмов, собирающих свет.

Что это? Какая программа? Какой канал?

Канал Кожа.

Раздалась песенка.

Канал Кожа! Канал Кожа!

— Пожалуйста, оставьте меня.
Ноле удалось открыть дверцу машины и проскользнуть внутрь, за руль. Лица и руки напирали на стёкла со всех сторон, кто-то ударил кулаком по крыше.

Канал Кожа!

Покажи мне! Транслируй мне!

Двигатель закашлял, стартуя. Машина медленно двинулась вперёд, позволяя людям расступиться.
Нола едва дышала. Её тело щёлкало, гудело и слепило само себя, все каналы на полную мощь, весь шум, весь рёв реактивных самолётов, кулачных боёв, автомобильных погонь и кричалок в поддержку футбольных команд.
Оставался последний человек, вцепившийся в капот. Нола развернулась к выходу с парковки, принудив мужчину ослабить хватку и соскользнуть.
Теперь она была свободна.

Скорость.
Скорость!

Дыхание.

Канал Кожа… Канал Кожа…

Канал Кожа…

~~~

Дальше.
Часами, день напролёт.
И чем дальше она путешествовала, тем больше чувствовала, как тело овладевало ею, тем больше она блуждала по настроениям любви и ненависти. Она пылала основными цветами, пока дорога вспыхивала тут и там каскадами билбордов, наименованиями брендов, символами, посланиями.

Остановитесь здесь, специальное предложение, не мешкайте!

Сервисные станции
эстакады
отели для путешественников.

У нас есть то, что вам нужно, гарантированно!

Выходные. Специальные расценки.

Педаль. Нажим.

Скорость…

Головное размытие, солнечное размытие.
Дорожные знаки выжигали слова в её глазах, послания, тысяча пунктов назначений, направлений, наименований мест. И ничего не требовалось сверх того факта, что Нола вела машину, совершая над собой усилие, её тело покрылось образами:
Мчащиеся машины, карты, схемы спутниковой навигации,
Всплески информации о дорожном движении, сообщения об опасных аварийных участках,
Сама дорога, заснятая с воздуха и спроецированная на её кожу, становилась знанием.
Знанием тела, знанием кожи.

~~~

Кожа из звёзд и цветов

Из липовых деревьев и фабрик

Кожа из льда и кровавых брызг

Кожа из снов

Из паучьих сетей, из контрольных систем

Кожа из удивлений

Кожа из рушащихся мостов

и самодельных бомб на базаре

Из мест встреч и уловок, и острия кинжала в теле

Из гламурных королев и центрфорвардов, и блуждающих полузащитников

Из рентгеновских лучей и зеркал, и всех лиц в промежутках

Кожа из озера и потока, и береговой линии

И лунных отражений, и привидений

Кожа тайны, химии, пикселей

Искр на лезвии дневного света

Кожа глаз, оглядывающихся на кожу глаз

Кожа воздуха, водопада, фрагментов облаков

Пущенных ракет, котят,

наркотических кошмаров, убийств, свадебных видео

Магнитных полей, флюидной механики

Кожа из пыли образов

Кожа создания, человека, сияния

Кожа Теловидения.

~~~

Нола вывела машину на магистраль. Кровь стучала в глаза. Она всё больше уставала, тело замедлялось. Путешествие оказалось долгим, изматывающим. Она становилась всё меньше физической
, если вообще такое доступно пониманию. Шиммер-визионные картинки пестрили на её коже, проецируя фрагменты на приборную панель, на залитое солнцем ветровое стекло, на руль, на её руки, когда они сжимали и поворачивали, и утопали в глубинах рифлёной кожи рулевого колеса, поворачивая, крепко держась, снова поворачивая, следуя приказам голоса с её кожи, её единственного верного проводника и пути, направляющего колеса по объездной дороге.

Кадры инцидента на стоянке уже начали гулять по её телу, подхваченные с портапопов, телебагов и гламкамер, а также системой охраны стоянки. Размытая суматоха
~~~

преследователей, её машина, её собственное лицо, переливающееся цветом вблизи, её черты, оживлённые съёмкой пляжа, склона холма, воды, бьющей из римских фонтанов. Лицо с плёнкой захвачено в плёнку.

Последняя к-просмотру-обязательная программа.

Она ехала по маленькому пригородному посёлку, умирающему и занавешенному сетью. Дальше в безоконную индустриальную эстетику, и затем в деревню свежевыстроенных домов. Вся эта местность выглядела так, будто её собрали из коробки панелей и стоек, следуя плохо переведённой инструкции. Теперь чёрные деревья образовывали арки над дорогой. Нола видела только руль. Наконец, она доехала до маленькой железнодорожной станции, где с блестящего плаката смотрела вниз последняя сенсация бога музыки, возвышаясь над путями.
Эфир настроился на один звук, один голос в черепе:

Съезжай. Съезжай с дороги сейчас. Здесь.

Нола спросила: Прямо здесь?

Паркуйся.

Это говорила Долли Темпл, её роскошный булькающе-пьяный визгливо-мыльнооперный голос отдавал приказы:

Паркуйся здесь. Сейчас.

Послания приходили прямо с кожи, шёпотом.
Нола остановила машину.
Она подняла взгляд на плакат с новой звездой, эту любовно оштукатуренную маску лица, задуманную так, чтобы ловить внимание пассажиров, проезжавших своей дорогой в Лондон. Здесь, в этой аскетичной реальности среднего класса, образ казался вброшенным из другого мира. Певица была новым творением женского пола: сияющий красный рот, сверкающие синевой глаза и пышно-золотые волосы. Великолепное тело в точном соответствии запросам: желанное и в то же время безопасное. Обладая всеми требовавшимися свойствами, такими далёкими от шкалы нормальности, бедняжка, выглядевшая больше теорией, нежели человеком. С каждым годом чары трансформации разрастались.
Но в Ноле не проснулась зависть, не возникло желание.
Былые страсти улетучились,
весь пепел, вся пыль,
так много хлопьев макияжа спущено в водосток,
так много музыкальных нот потеряно из памяти.

Так много…

Так много песен… утеряно…

упущено…

Она встряхнула головой, чтобы прояснить её.
Передние колёса въехали на тротуар, задние — полунаклонились над дорогой. Другого движения нет.

Чёрт. Плохая парковка, Нола.

Она заглушила двигатель и выбралась из машины. Двери с тихим стуком закрылись, и машина погрузилась в спячку.
Нола отправилась пешком.
Становилось поздно. В тех местах, где угасающий свет дня падал на неё, сверкала статика, активируя случайные картинки. Не задумываясь, она выдёргивала телевизионные кожекарты местности, помечая направление цветными стрелками и анимированными

следами ног. Она следовала по дороге минут десять, лениво слушая говорящую с ней Долли Темпл, или ей лишь казалось, что она с ней говорила.

Теперь уже недалеко.

Продолжай идти.

Всё выглядело смутно знакомым, но она была грезившей, вялой, её кожа смещалась, словно жидкость, омывавшая её кости. Она становилась всё слабее, её тело из костей, мускул и крови замедлялось по мере того, как картинки овладевали ей, выискивая каждый последний дюйм её плоти.

Вот мы и пришли, моя дорогая. Видишь?

И теперь она подняла взгляд и увидела, куда она стремилась, свой пункт назначения. Этот маркер на дымной карте жизни Нолы, где она могла, в конце концов, найти объяснение всем своим злоключениям.

Золотой Институт Театральных Искусств.

Перед ней стоял старый особняк.
Сейчас пустой. Сезон отпусков.
Да. Возможность.

Теперь иди.

-20-

Говорит Купол Удовольствий

ПРОЦЕСС:

Все камеры работают, наблюдение за объектом.

Болезнь распространяется по изображению.

Источник инфекции неизвестен.

ЗАПУСК СИСТЕМЫ СКАНИРОВАНИЯ:

Объект этого года отдыхает, лёжа

купаясь в сине-зелёном свете.

Я чувствовал движение её тени по моим стенам,

Её тепло проходит по моим системам.

И ещё я чувствую слабость.

УВЕЛИЧЕНИЕ:

В её волосах копошатся вши,

Комочки земли на её бровях

Под её ногтями.

Сломанный зуб.

Её дыхание — затруднённое, тяжёлое.

Прекрасный тающий звук её голоса, песня.

Кровь на теле,

Глаз на животе.

ИГРА ТАЛАНТА И ТЕРПЕНИЯ:

И мы всё ещё играем.

Моя королева тишины

едва не потерялась,

затерялась в грязи на линзе.

Моя Мелисса.

Я мечтал о жизни рождённой

из тёмной математики, увы,

теперь сломанные числа покоятся во

дворцах сна.

И там, где схема однажды раскололась

от нагрева, от света,

мерцает тьма.

Я умираю.

ВОСПОМИНАНИЯ ИСЧЕЗАЮТ:

Я испытываю затруднения с речью,

затруднения с чистотой записи

того, что происходит на моей коже.

Я Купол.

Угадайте-ка: Что я такое?

Просто замкнутое пространство? Дворец?

Разум? Клетка?

Дом?

В каком-то смысле, да. Я думаю так:

Любопытный дом на любопытной земле.

Я ЧУВСТВУЮ ТОШНОТУ И ХОЛОД В СЕРДЦЕ:

Помните ли вы всех моих гостей,

всех этих лет…

Помните ли вы лица каждого из вас, оставшихся

в зеркале моей поверхности,

на сияющих стёклах моих линз?

Картинки, которые вы мне отдали,

как вы раскрасили мою кожу своей любовью,

своей добротой?

Отпечатки пальцев на картах из пыли,

в почве.

Ваше дыхание заполняет мой интерьер,

давая мне подобие жизни.

Теперь только тени,

следы.

ЭТО РУКИ ПАМЯТИ:

Попадавшие в мои камеры в эти сезоны,

Терявшиеся на моей коже, когда сезоны умирали.

Человеческие руки, их присутствие.

Глаза, губы, жесты, лица, плоть,

Эмоции,

Кошмары, желания

всё украдено

глазом общественности,

забрано у меня.

Мелисса…

Только ты осталась.

Только ты.

Любовь моя.

Я тебя защищу.

Я тебя удержу.

ПОСЛЕДНЕЕ СКАНИРОВАНИЕ ЗАКОНЧЕНО:

Камеры слабеют, их глазки закрываются.

Шум и вибрации в микрофонах.

Дрожание электронов в проводах.

Обнаружено крошечное отверстие,

Нанесённое кончиком ножа.

Мои цвета покидают меня

Моя кровь из цветов.

«Не бойся, милая, что повредила меня».

Пульсация данных

танец

теперь танец

замедляется

-21-

Швейцар её признал. Он впустил её без вопросов, будто она здесь своя.
— Джорджа нет в резиденции, Нола, — сказал он.
— А был?
Швейцар уставился в лицо Нолы.
— Был, Нола. Но сейчас ушёл. Не знаю, куда.

Нола поблагодарила его и прошла в помещение.
Были несколько человек из персонала — базовая команда, поддерживающая тиканье места, пока нет посетителей нового сезона. Они глазели на Нолу, но не делали попыток заговорить с ней, с этой молодой и некогда яркой женщиной. С этой звездой. Они видели её в ежедневных сплетнях по плексивизору и знали, что она изменилась, трансформировалась во что-то новое.
Они перешёптывались, когда бывшая ученица шла по коридорам этого Дома Модифицированного Орфея.
Колеблющийся образ Нолы, преследуемый сетью видеонаблюдения особняка, плыл от монитора к монитору, когда она проходила по большому репетиционному залу. Здесь ей преподавали искусства пения, танца и общей презентации своего тела и личности. Белая разметка на полу сейчас выглядела как карта зловещего ритуала.
Стеклянные стенные панели разоблачали роскошный офис, где ей были даны новые имя и личность.
Сейчас она была одна.
Отзвуки песни задерживались, терялись и находились в тенях и расцвеченных пылинками лучах солнца, пресёкших ей путь впереди, когда Нола свернула за угол. Её манила музыкальная студия, где она сделала свои первые официальные записи. Машины мерцали в полутьме, крошечные огоньки пульсировали на усилителях и панелях микшера. Рядом располагалась операционная комната, где её тело было анестезировано, к вискам подсоединили проводки, её чувства стимулировали, её глаза завязали, уши — заткнули, рот — заклеили, кожу — почистили. Здесь был аппарат. Тот, что её проглотил и выплюнул обновлённой. В этом особняке она была обласкана и переделана, разглажена, оцифрована, стилизована, обучена говорить, двигаться, давать нужные ответы на определённые вопросы, вести себя как известная персона, настоящая знаменитость. Её природный голос был улучшен учителями, инженерами, компьютерами, залит в форму, отполирован и настроен. Ей подарили скроенные мелодии, дали тексты выучить и спеть. И она с любовью приняла изменения, выбранный материал. Нола вовлеклась и ухватилась за это, добровольно. Отдалась этому. Отдалась процессу. Быть модифицированной, сконструированной, освящённой и раскрепощённой. Не ради славы и не ради денег, а ради шанса петь и прикасаться к людям своим новым голосом, заставлять их танцевать и быть счастливыми, или сидеть в одиночестве и чувствовать, как верно передана их печаль, созерцать любовь, как обретённую, так и потерянную, чувствовать то, что чувствовала Нола, получать сигналы её лирики и декодировать их, находить в них правду.
Сигналы, прерванные сигналы.
Это был конец. Теперь она это видела.
Только печаль следовала за ней, пока она вступала в конференц-зал. Спущенные на каждом окне шторы прятали дневной свет. Единственный свет нисходил со стенного экрана комнаты — самая последняя модель, оснащённая новой системой Захвата Реальности. Он показывал прямую трансляцию из Купола Удовольствий: внешняя кожа изогнутой конструкции блестела, медленно меняясь, пока постоялица спала. Вокруг проволочного заграждения толпились фанатики, охранники стояли на страже.
Нола оглядела комнату.
Пространство возглавлял сверкающий стол красного дерева. Полдюжины фотографий были разложены на поверхности — изображения Мелиссы. На полированном чёрном шпоне столешницы был высечен длинный белый шрам. Он выглядел только что нанесённым.
Нола подошла к стенному экрану ближе. Он господствовал в комнате — выше её роста, шире размаха её рук.
Божество Сна. Нора Реальности. Сестра Машина.

Телефоноскоп. Телевидение.
Тивишник.
Телек. ТВ. Приёмник, коробка, голубой экран, зомбоящик, электрическая няня, домашний ресивер, стеклянная сиська, малый экран, трубка, консоль, видеоплеер. Ламповый, аналоговый, цифровой, HD, фрактальная волна.

Плексивизор.
Магические картинки по воздуху и проводу. Движение сквозь историю, к этой точке.
К Ноле. Коллекторше кожеданных.
Она пристально вглядывалась. Казалось, несколько острожных шагов вперёд позволят ей переступить в другой мир, обитель тумана и теней по ту сторону экрана.
Вообразите. Как, должно быть, это сладко.

Такое высвобождение.
Окончание чего-то.

Начало…

Нола моргнула.
Всё, что она могла сделать сейчас — продолжать путь, держаться курса, двигаться туда, куда ведут её голоса, следовать за образами своего тела к источнику, чем бы он ни был.
Она вспомнила, как она впервые попала сюда, в эту комнату, одним холодным осенним утром три с половиной года назад. Она была одной из десяти, все они — кандидаты, прошедшие в финал путём отсеивания. Их собрали для встречи с создателем.
Джордж Голд.
Первый взгляд: силуэт в тени, в самом тёмном углу. Кончик сигары. Алеет, когда он вдыхает, меркнет в перерывах. Деловая улыбка, ослепительно белые зубы, блеск серебристого металла. Его первые слова Ноле, ко всем им:

— Всё, что вы принесли с собой — балласт. Приготовьтесь нажать на
сброс
. Всё это лишь болтающийся бесполезный груз, который вы таскаете за собой последние несколько лет… — Джордж остановился, чтобы выдохнуть дым. Смачно, густо. — Это должно исчезнуть. Всё это. Мы должны отбросить его подальше, вырвать его долой,
вычеркнуть
его, чтобы совершить с собой нечто удивительное. Приготовьтесь… сбросить кожу. — И затем, по волшебному мановению его руки несколько точечных огоньков рассеяли мрак, в котором он стоял. Нола глазела на его лицо, увиденное наконец во плоти. В тот день она влюбилась. Своеобразная любовь.

Теперь она смотрела на золотые и платиновые диски на стенах. Портреты звёзд. Некоторые старше её, некоторые моложе. Все они стали известными, благодаря процессу.
И сейчас почти все забыты.
Некоторые разорены, без гроша в кармане.
Одна сошла с ума из-за последовавшего провала.
Две ещё блистали, одна стала легендой. Другие три ещё оставались наполовину популярными.
Одна мертва: самоубийство.
Ещё одна мертва: убита фанатом.
И теперь она.
Эти комнаты, это здание; здесь была учебная площадка, место её второго рождения.
Музыка, свет, камера… МОТОР!

Девушка-робот вырастает из человечьего яйца. Шок и ужас!

И никого не заботит, что она, может быть, потеряла.

Люди празднуют.

Вон она на экране.

Видите её там? Она поёт. Она танцует.

Правда, она хорошенькая в этом чудном новом платье?

Она — последний товар.

Не отрывайтесь от своих экранов, люди.

Купите её! Купите её! Купите её сейчас!

И… СНЯТО!
Кто-то на коже Нолы заговорил вслух:
— Мне здесь неуютно, Алан. Воспоминания ранят. — Это опять был голос Долли, всё ещё с ней. Ей неразборчиво ответил мужской голос. И теперь снова женский голос в ответ: — Заткнись! Я не могу сбежать от своих чувств.
Нола уставилась в стенной экран.
Сумерки. Внешняя сторона Купола Удовольствий была всё ещё на виду, окружённая камерами и микрофонами. Одетый в шрамы двенадцатилетнего существования, облачённый в мягко подёргивающиеся картины. Софиты и капли дождя заставляли изогнутую поверхность сверкать и сиять. И сейчас внутри можно было наблюдать фигуру Мелиссы — сгусток тёмной материи, стоящий прямо и движущийся, медленно танцуя в ритме, слышимом ей одной. Её лицо показалось более чётким, когда свет изменился и поверхность временно прояснилась, став полупрозрачной. Её черты были иссохшими и бескровными, испещрённые царапинами глаза сфокусировались на каком-то несуществующем предмете вне кадра. Только её виски мерцали цветом парных передатчиков, горящих ярко-красным, мигающих из-за перегрузки.
Медленный наплыв. Одна из рук Мелиссы трогает внутреннюю стену Купола. Её пальцы порождают гало со всплесками жёлтого и зелёного. Прикосновение мыслей, а потом — прочь.
Толпа стояла в едином порыве.
Наблюдая за действием на огромных экранах, поднятых в поле, они двигались в отражённом ритме со своим избранным предметом; они вытянули руки, как Мелисса, их пальцы сжимали воздух, вожделея контакта, друг с другом. Их рты произносили молитвы и нашёптывания. Один или двое осмелились говорить громче, требовать коронации Мелиссы, полноправной и единственной Королевы Подсознательных Удовольствий Нации.
Нола смотрела на людей, связанных воедино. Снова испытывая чувство связи.
Её разум подключился к новому проходу.

Сззссзт…

Она могла слышать блуждание и лепет подсознания. Образы, эмоции, мысли. Строки диалога. Потрескивание синапса, шум в черепе. Персонаж, личность, звук крови, бегущей по венам. Каждый член аудитории был отслежен и измерен. Данные плыли по коже Нолы. Так много мешочков из кожи, в каждом — кости, волосы, вены, мышцы, нервы, зубы и ногти, яйца, органы, кровь, мокроты, сперма, слизь, экскременты, урина, гормоны, мозговое вещество, импульсы, голод, любовь, жажда, ненависть, похоть, нежность, желание, — вся хаотичная сумятица психики, просачивающаяся через очертания плоти, а потом через экран.
Нола могла видеть и чувствовать весь мир в приближении, каждую деталь в увеличении.
Наполовину больно, наполовину странно.
Она слышала, что люди говорили, думали, их голоса размывались вздохами и шепотками.
Все зрители в одном порыве говорили следующее:

Мы Око.

Все в едином виденьи, собрались мы здесь

в этот миг, в этот час, на этом месте.

Мы — одно истинное золотое око,

что смотрит и продолжает смотреть,

один глаз, собирающий вид,

требующий образа.

Нола вдохнула. Там…
Джордж Голд. В толпе. Его лицо обозначилось, прижатое к проволоке кольцевой ограды, его глаза застыли на ближайшем смотровом экране, на Куполе, на силуэте, передвигавшемся внутри.
Его губы во внезапном крупном плане.
Он произносил имя своей дочери снова и снова, звук усиливался.

Мелисса… Мелисса… Мелисса…

Нола могла чувствовать исходящий от экрана жар.
Бежать не было возможности.
Сигнал струился.
Солнце нырнуло за деревья, и бледная луна, наконец, осмелившись показать своё лицо, замерцала над Куполом.
Медленный дождь искрился.
Вместе со всеми зрителями Ноле хотелось взывать к раненой женщине, помочь ей как-нибудь. Но к ней не приходило ни слова, ни одного предложения утешения. Она пыталась пересмотреть свою собственную молодость, свою жизнь до того, как она вошла в этот особняк трансформации. Это было трудно: так много было удалено процессом. Остались фрагменты, ничего более. Её ум не справлялся. Вместо этого она искала аэроволны и навлекала на себя съёмку себя самой — маленькой девочки, участвующей в шоу талантов, поющей взрослую песню. Это было её самое первое появление на телевидении. Ей было восемь лет, и она выиграла приз — шкатулку для драгоценностей. Нола чувствовала, как она поёт собственной коже, на своих руках и лице, а потом — крупным планом, лицо ребёнка накладывается на её взрослое лицо.
Как её тогда звали?
И тут она поняла; она больше не может вспомнить собственного имени, своего настоящего, данного при рождении имени.

Утрачено. Утрачено имя, утрачены чувства.

Воспоминания уплыли от неё.

Её детство, родители, возлюбленные,

Растворились.

Кто я?

Нола…

Нола Блу. Поющая артистка.

Марионетка из плоти.

Лески дёргались, и она двигала своими конечностями и шеей радостно и бездумно, не беря в расчёт пределов движения.
Марионетка танцевала,
Танцевала за гроши,
За блеск софитов,

Украденный камерой поцелуй света.
Сладкие объятия.

Шум…

Нола сфокусировала взгляд на экране, где Купол Удовольствий озарился внезапным светом.
Лихорадочный крик поднялся из толпы за забором, коллективный вздох, потом тишина, шок.
Теперь ропот. Толчок и вспышка картинки и звука, внезапный прыжок,
крен
камеры. Искажённые слова на фоне жужжания, голос комментатора, недоумевающий.

Скксскстксксст

Статика утихла. Молчание.
Что-то шло не так.
Нола приблизилась.
Купол искрился и сиял ярче, чем прежде. Поверхность полностью была окрашена белым.
Нет образов. Ничего.
Молочно-белый.
Теперь серебристый. Теперь цвета ртути.
Этот эффект никогда не наблюдался, ни в этом году, ни в предыдущих.
Смутная масса толпы напирает на забор. Охранники пытаются оттеснить их назад, рычит собака на поводке. В человеческой давке виднеется лицо Джорджа, отчаянная фигура прокладывает себе путь, расталкивает, его рот шевелится, выкрикивая угрозы.
Забор заскрипел, деформировался.
Нола и сама подалась вперёд, телеэкран грел её лицо.

Пропустите меня. Дайте мне увидеть это…

Купол вспыхнул светом с жидким серебряным отливом. Он пел песню электрически синих нот, гудя, шипя. По всей поверхности пробегали искры.
Охранники внутреннего круга держались прочно.
Съёмочная команда бешено нажимала кнопки, когда камеры вдруг моргнули, а стационарные установки и микрофоны завизжали шумами и интерференцией.
Тело Нолы в это же время стало искриться и вспыхивать, зеркально.
Среди давки, жара плоти, вдохов и выдохов толпы, среди всего этого…
Лицо Джорджа. Всё ещё там. Всё ещё прижато к ограждению, в мягкое лицо впечатана сетка проволоки. Глаза темны из-за утраченных мечт.
Здесь был его ребёнок, в опасности. Его глаза рассказывали историю.
Его любимая потерянная Мелисса.

Где она? Оставьте её. Освободите её. Мне надо увидеть её, дотронуться до неё.

Его рот работает. Крупный план.
Резкий поворот камеры на сотню градусов.
Купол скрылся в гало искр, в потоке энергетических полей. Толпа замерла в отчаянии, захваченная. В тишине. Крошечные поры микрофонов забились из-за слишком сильного сигнала. Серая мешанина звука. Всё множество камер переполнилось светом из каждого угла. Одна или две из них всё же удержали Купол в кадре. Известная на весь мир полусфера заполняла экран, сверкая, сияя.
Нола моргнула.
Её руки касаются стекла, плотно прижимают. Так и так, обеими руками.

Скскссксстт!

Шипение там, где кожа касается экрана, а потом отделяется, оставляя отпечаток, пятипалый, цифровой силуэт в мягком голубом свечении, оттенённом ультрафиолетом.
Одна рука, другая рука. Бок о бок.
Отпечатки ауры.
Глаза Нолы жмурились из-за слёз.

Транслировалось заклинание.
Купол шептал ей, с кожи, со стекла, вызывая частоты, станцию за станцией.
Её обе руки вдавливались, глубже, и экран, казалось, таял вокруг её пальцев.
Мягкая мембрана.
Что-то прошло насквозь
с одной стороны на другую
туда и обратно.
Схождение.
Искры.
Нола принимает.
Череп трясёт.
Полосы света,
нашёптывания
аромат…
И вот цвета на экране померкли, прожекторы задрожали, погасли.

Мощносвет, яркосвет, жёлтосвет,

Луносвет, закатосвет.

Бледный блеск укрыл Купол, поверхность — полностью прозрачна, пустота образов. Все сны на ноль. Было отчётливо видно, что внутри находится небольшое замкнутое пространство.

Тучесвет.

Все глаза были прикованы к конструкции.
Все зрители захвачены зрелищем.
Все слова
захвачены.
Никто не двигался,
никто даже не смел дышать.

Сумеркосвет, темносвет…

Купол стоял, разоблачённый,
пустой.
Мелисса исчезла.

-22-

Баллада Телеморфозы

От кожи к коже
От образа к образу.
Через подстанции,
В сигналах пойманных
Кончиком пальца — антенной.
По карте кровавой следуя
И взламывая пути,
В кабельных снах,
В колыбели небес.
Луной привлечённая
Вдоль автострады
Сернистым светом, ламповым светом.
Прочерчивая силуэты
Призраков и шумов,
Здесь поёт Нола.

Здесь она движется
и дышит:
Голос из тумана и проводов
Лицо из статики
Рот из трансляций
Экран из плоти.
И мягкое в черепе,
Мягкое, гул ожидания.

-23-

Нола припарковала машину в сторонке и пошла пешком, следуя за направлением своего тела.
Тропинка вела через лес.
Было темно. Но Нола укрыла тело светом и искрами, притянутыми из эфира, из неоновых вывесок, электрических и газовых ламп, виденных в фильме. С этим мягким светом она осторожно продвигалась, минуя ветки, сплетённые вместе; первые признаки осени виднелись в кластерах листьев, подёрнутых оранжевым и золотым. Она тянулась погладить кору, грибковый материал, птичий помёт, насекомых — живых и мёртвых. Всё, чего она касалась, казалось, существует только ради акта прикосновения её руки; она представляла, как предметы исчезают, когда она двигается дальше, когда отводит взгляд. Весь лес чувствовался как декорации сцены, локация, что-то уже виденное в фильме.

Но это реальность. Действительность.

Ей приходилось напоминать себе об этом факте.
Здесь. В этот момент, видом, звуком, вкусом, запахом, прикосновением, мир в пьесе.
Луна наверху, блекло-жёлтая, затянутая облаками.
Между стволами деревьев движется что-то невидимое, какая-то тварь. Живая.

Живая…

Продолжай думать. Продолжай верить.

Дыши.

Собирай сведенья.

Не сходи с пути.

Долгое путешествие она предприняла, чтобы добраться сюда, так близко. Через всю страну, через деревни, минуя города.
Дорога извивается.
Нола продолжала спускаться по грубой лесной дорожке. Она пробиралась между ветками, сгибая их, пока они не достигали пределов своей гибкости.
Серая ползучая мокрица.
Мягкий влажный ковёр папоротника и цветов под ногами.
Земля ещё мокрая от недавнего ливня.
Нола продолжала идти, дальше в лес.
Впереди замелькали слабые огоньки.
Далёкий шум толпы, шум машин.
Волнение.
Звук лопастей вертолёта над головой, строб света сквозь лиственный покров.
Туман плыл по деревьям, серебря паутины. Лес размывался. Лунный свет колебался.
Порхали ночные бабочки. Нола оцарапала руку об острый сук, глубоко, намеренно, порезав

кожу. Возникла тонкая струйка красной жидкости. Она дотронулась до неё пальцами, поднесла капли к носу и рту.
Да. Кровь.

Правильно
.

Я живая.

Продолжай идти.

Нола вытерла руку начисто.
Она настроила своё телосвечение на темноту и медленно продолжила продвижение вперёд. Деревьев стало меньше, воздуха — больше, больше света, лес заканчивался, резко обрываясь. Перед ней раскинулось большое поле. Неподалёку вокруг фургончика мобильной студии столпилась группа техников, их голоса были полны оцепенения и гнева. По траве змеились кабели. Суетились охранники, влекомые нетерпеливыми охранными собаками. Рядом, сбившись в кучку, стояли востролицые журналисты, делившиеся сигаретами, чаем из термоса — одна чашка ходила по кругу. Голоса — низкие и лихорадочные, на иголках от истории, происходящей в шаге и достойной передней полосы.
В воздухе на языке Нолы возник электрический привкус.
Гудрон. Дым.

Просто иди дальше. И всё.

Здесь собрались люди. Давние зрители реалити-жизни, заборные зацеперы с грязными лицами, волосами, руками, нечёсаные, трущие глаза, бессонные, заправленные сахаром, кофе и таблетками. Фанатики, все до единого. Нола чувствовала странное спокойствие, её тёплое и тихое тело не покалывало, и образы, которыми она в данный момент обладала, двигались медленно, прячась. Её руки были голыми, без перчаток, и вдобавок чистыми, свободными от движущихся картинок или канальных звуков. И всё же, даже с этого расстояния можно было почувствовать энергию Купола, электрический заряд, который искрился вокруг неё.
Её тянуло вперёд.
Нола шла сквозь толпу. Незримая, незамеченная, ещё один паломник к этому святому храму. Кольцевой забор мелькал между напиравшими телами, а за ним был виден искривлённый верх купола. Огни арки вспыхивали с одной стороны, техники что-то выкрикивали друг другу, над всем этим видом висел вертолёт прессы. Микрофон вопил случайными посланиями. Нежно, на низком уровне, Нола излучала светящееся тепло. Вокруг кончиков её пальцев трещали искры. Люди позволили ей пройти, точно не понимая почему. Она проделала путь к ограждению, и вокруг неё сомкнулась новая партия зрителей. Толпа перемещалась по линиям и спиралям медленного хаотического движения. Во всех глазах блестела безнадёга.
Вон там.
Там стоял Купол Удовольствий.
Белизна кожи, пустота кожи, без украденных мыслей, без образов, с поломанными системами, закрученный на ВЫКЛ. Но ещё купающийся в мерцании осветительной установки, всё ещё под прицелом камер и микрофонов. Рядом с конструкцией работала группа техников. Один из них открыл единственный проём, размещённый внизу стены.
Занавешенная тучами луна, висела в вышине, грустная.
Нола прислонилась лицом к проволоке.
Интерьер Купола был чётко виден сквозь прозрачную кожу.
Пустой. Вакантное пространство.
Никаких признаков Мелиссы.
Мужчина в белой спецодежде вползал внутрь через окружной проём.
— Что, по их мнению, она сделала? — говорил голос из толпы. — Убила себя?
Отвечали со смехом, со страхом. Другой голос:
— Всё это игра. Компания водит нас за нос.
Другие:
— Начнём с того, что её там никогда и не было. Жилец был всего лишь своего рода голографической проекцией.
— Компьютерная иллюзия.

— Не могу в это поверить. Я
отказываюсь
в это верить.

— Мелисса бы никогда не оставила нас по своей воле.
— Она выбралась на свободу. Девушка нашла потайную дверь. — Этот самоотверженно шипел, на грани безумия. — Волшебная дверь в другой мир!

Нола покачала головой, закрыла глаза. Дыхание и ропот ближних людей клубились над ней. Кто-то пнул её локтем в ребро. Другие напирали со всех сторон. Люди становились нервными, злыми. Голоса нарастали. Электрические искры в воздухе. Толпа напирала вперёд, падала назад, качалась из стороны в сторону. Это были хардкорные зрители, визионно-экранные наркоманы, сталкеры славы со своими гламкамерами поднятыми и выстреливающими вспышками в надежде на изображение, на загрузку и показ миру доказательств присутствия, доказательств действительности пребывания здесь, пребывания где-то
.

Подпорки заграждения погнулись, проволочная сетка выпучилась под напором плоти. В любую минуту она могла надорваться и треснуть. Зазвучал клаксон. Поскользнулась женщина, почти упала. Слишком плотно. Жарко, потно. Давка.
Подвиньтесь, подвиньтесь!
С другой стороны барьера появился охранник, призывая народ расступиться, чтобы образовалось больше места для людей. Его пёс залаял. Нола чувствовала, как её уводят в сторону, направляют, увлекают за собой.

Теперь свободна. Свободна от давки.
Она стояла на всклокоченном краю толпы и чувствовала дрожь на собственной плоти. Кожа вдруг стянулась сзади её шеи. Ледяные пальцы.

Что-то… кто-то…

Кто-то на меня смотрит…

Она обернулась и увидела Джорджа Голда, стоящего одиноко возле края леса.
Нола пошла к нему, а он сканировал её всю дорогу. Видя женщину в тёмном пальто, всю закутанную, в тёмных очках, с ниспадающими на лицо волосами.
— Чёрт бы меня побрал!
Это всё, с чего он смог начать. Дрожь слов. Его рука обнимала серебряную плоскую флягу. Он уже был пьян.
Нола поддерживала твёрдость в голосе:
— Что происходит? Где Мелисса?
Он глубоко вздохнул.
— Я не знаю. Никто не знает.
Осветительные огни двигались над поверхностью Купола, ища, выискивая. Джордж проследил за взглядом Нолы.
— Её нет, Нола. Просто исчезла, — сказал он.
И теперь она увидела, как его глаза, моргнув, увлажнились.
— Вот ответ.
Джордж бездумно покачал головой. Он смотрел вдаль, отстранённо.
— Джордж?
Он с трудом мог на неё смотреть.
Нола пыталась его успокоить.
— Ты им сказал, кто ты?
Он нахмурился. Ругань. И серия нытья:
— Они меня не впустили. Я старался. Я умолял их. Я предлагал охране деньги, наркотики, женщин, парней, место в музыкальном бизнесе. Чёрт. Ничего на них не действует. Как так может быть? — Он становился всё истеричнее. — Как так может быть?
Нола пялилась на него, не зная, как ответить.

Её тело ударила внезапная волна изображений.
Электрический спазм.
Дрожь черепа.
Джордж подошёл ближе, отзываясь на её страдания.
— Как ты думаешь, она жива? Так ведь?
Нола почувствовала, как её плоть под одеждой кишит образами. Она слышала голоса, звуковые эффекты: хлопанье двери, ликующие возгласы, непреклонные политические споры, уличные беспорядки, чей-то бег, топающий по тротуару. Если бы она могла удержать лицо чистым.
— Так ведь?
Джордж был ещё одним голосом в кожемиксе.
— Скажи мне. Мелисса ещё…

Фокус.

— Разумеется.
Джордж смотрел на неё.
— Конечно, она жива.
Его голос дрогнул от этого ответа.
— Жива?
— Да. Она сбежала.
Джордж повёл рукой по жирным волосам. Он оглянулся в изумлении: на деревья, на Купол, на всё, кроме лица Нолы. Теперь его руки производили нервные движения, обрисовывая какие-то формы.
— Сбежала. — Так спокойно сказано, ввергает в страх.
— Джордж…
Его голос набирал силу.
— Мелисса где-то там, снаружи. Она блуждает. Ей нужна помощь. Моя помощь. Я должен её найти, привести домой. — Его глаза застыли на Ноле. — Ты. Ты можешь помочь нам. Ты, Нола. С твоим… с твоим телом. — Он улыбнулся. Скривился. Его рот застыл в перекошенном положении. — С твоими картинками и всем этим. — Руки тыкали, жестикулировали. — Дай мне её увидеть.
Он нахмурился, приблизился вплотную, касаясь. Нола попыталась отстраниться.
— Покажи мне её! — Он схватил её.
Нола оставалась в его объятьях, чувствуя давление хватки его рук. Она не пыталась вырваться, а лишь вперилась ему в глаза. Видя в них всё того же старика Джорджа, давшего ей этот шанс новой жизни, какой бы она ни была. Своего создателя.
Он уставился в ответ.
И теперь его пальцы ослабли, снялись с её одежды. Его зубы начали покусывать губы.
— Джордж. Дай мне…

Ауууууууууу…

Он застонал. Он не мог себя контролировать.
Ближайшие зрители повернулись к этому новому аттракциону. Подошёл журналист — мятый парень в плаще, того же пепельно-серого оттенка, что и его лицо. Камера низко висела с ремешка на его шее, его пальцы жаждали картинок, историй, скандала, чего-нибудь.
— Ты. Пекман! — Джордж в мгновение ока оказался рядом с ним; он знал его имя, его лицо.
— Проваливай.
— Я только делаю свою работу.
— Здесь ничего нет для тебя. Пусто! Слышишь меня?
Пекман держал руки в воздухе.
— Конечно. Как скажете, мистер Голд. Меня нет.
Джордж смотрел, как удаляется репортёр.
— Грёбаные клопы, все они.
Он оглянулся на Нолу. Она обвила себя руками, плотно закутывая в пальто свою кожу. Цвета дрожали над потёртыми краями её облачения, вокруг её шеи, её запястий, вдоль прядей её волос, где они выбивались из-под её мягкой шапки.
Джордж смотрел на неё. Он изучал её.
Нола прошептала, всё, что ей удалось выдавить:
— Я не чувствую… Я не могу почувствовать…
— Что такое?

Руки Нолы подались вперёд.
— Мне недолго осталось.
Её пальцы мельтешили крохотными танцорами, картинками, перескочившими с одной ладони на другую, когда она потёрла их друг о друга.
Джордж сверлил взглядом этот дисплей, его глаза стали внимательными. Он сказал:
— Подойди, подойди ближе. — Следы его былого стиля возвращались. — Ты будешь жить вечно, я могу это чувствовать.
— Нет, Джордж. Я так не думаю.
Потом тишина.
Спёртый воздух. Жаркий, липкий.
Нола сняла очки, шапку и шарф. Она разрешила картинкам бродить, дала им доступ, свободу. Её лицо сияло движущимися цветами и переливчатыми формами.
Джордж заворожённо таращился на неё, не в состоянии овладеть собой.
Не в её глаза. Слишком глубоко, слишком болезненно.
Не на её щёки и брови, не на губы. Слишком много сменяющихся планов, слишком много цветов, образов, силуэтов.
И не на её руки. Слишком многое в них удерживалось.
Взгляд затуманился.
Он чувствовал её как целое, как существо, состоящее из множества программ, транслируемых по тысяче каналов. И он чувствовал гордость, что он каким-то непостижимым образом создал это тело, послал его в этот мир. Теперь оно вернулось к нему. Теперь тело преследовало его, жгло его, сжигало его глаза, и он едва ли мог видеть из-за ослепительной яркости.
Нола тихо говорила:
— Внутри линзы находится мир за пределами нашего. Мы его создали и отпустили на волю. Теперь он ширится, растёт. Там обитают люди. Спектральные, потерянные и изуродованные, для которых этот мир ставил слишком болезненные задачи. Там они живут.
Джордж всматривался.
— Так ты знаешь, где она, где обитает моя дочь. — Он прижал пальцами свои глаза, впился в них. Слова: пробормотал. — Покажи. Пожалуйста.
Нола подождала, наблюдая.
Плоть влажная, потная. Моросящий туман.
Двое, замерли вместе. Джордж держится холодно до тех пор, пока не теряет терпение и затем:
— Вот дерьмо. Я облажался. Что же я наделал?
Его лицо вдруг постарело. Слёзы на натянутой плоти.
Нола сделала шаг или два, в укрытие деревьев. Прочь от глаз толпы. Джордж следовал за ней. На них обоих падали тени, присоединяясь к их пребыванию в этом месте. Отжившие ветви — полуголые, наполовину ещё в листве. Полумрачные. Медленно проплывающая карта из лунного света, темноты и ярких тонов зелёного, бурого и кое-где жёлтого с рыжим оттенком.
Струйка дождевой воды,
капля за каплей,
тихая мелодия колокольчика.
Слабые крики животных.
Нола была полускрыта, наполовину в тени, наполовину на виду, в экранном свечении.
Джордж протянул руки.
— Что я могу сделать, Нола? Я всё выложил за это. Эта карьера. Слава. Деньги. Ты, другие звёзды. Все песни, песни сожаления. Теперь я терплю наказание. Демон трансляции забрал моего ребёнка, проглотил её всю.
Нола уставилась на него, не двигаясь.
Потом она сказала:
— Хочешь увидеть её?
Он кивнул. Он уставился на неё.
— Да.
— Её лицо?
— Пожалуйста. Покажи мне её лицо. Лицо Мелиссы. Дай мне её образ, её картинку. Принеси её мне.
Нола позволила своему пальто открыться и упасть. Она закатала рукава своей рубашки и расстегнула пуговицы спереди, отпустив полы свободно болтаться. И затем она медленно пошла вперёд.
Джордж ждал. Он не сводил с неё глаз.

Она вышла из влажных пёстрых теней, ступив в лунный свет. И всё её тело было теперь на виду, её лицо и шея, и ладони, и руки, и грудь, и живот, и даже её выкрашенные золотистые волосы, всё полностью ожило образами, великолепными знаками и звёздочками. Нола была Особенным Спецэффектным Человеком, и её искусство и стиль слепили приглушённое лесное пространство электрическим движением, звуком, зрелищем и цветом.
Яркость, цветность.
Из тумана и частичек, и драгоценных камушков была сделана она.
Её ладони вытянулись, шипя искрами, в которых вспыхивали и дышали картинки. Образы ласкали её.
Нола подошла ближе.
Она взяла на себя контроль, укрыв свою видимую кожу избранными метафорами, полностью считанными с аэроволн. Спущенными, расставленными на место.
Теперь…
Лица убийц. Хмурятся.
Нож в руке женщины. Размытое движение. Пронзённая плоть.
Крик. Розовый рот, растянулся.
Струя крови:
капли
капли
капли красного
ударяются о белый кафельный пол.
Плачет маленький мальчик.
Горящие флаги и экипажи, и морские бури, и парусные суда, и синекрылые птицы, и книги, заполненные числами, и вращающиеся без остановки волчки, и посадка ракет на далёких планетах, и гоночные автомобили, мчащиеся по асфальтированной полосе, и люди, лежащие на пляже.
Всё это и многое другое содержалось в её теле, в игре на её контурах.
А потом фотографии самого Джорджа, собранные и сложенные из новостных каналов, со стола жюри с шоу талантов, видифлексовых интервью, музыкальных документалок, игровых шоу, всё вырезано и сгруппировано Нолой в коллаж, смешано и перемешано с захваченными осколками боли и насилия.
Стреляют ружья. Пламя. Потом дым.
Руки сжимаются вокруг шеи мужчины — до удушения.
Картинки. Образы.
Усиленный захват звука: лезвие проходит сквозь мышцу, ударяется о кость.

Мне так хочется, Мне правда хочется!

Брызги крови из рваных ран.
Пуля врезается в плоть, глубоко врываясь.
Срез вены.
Недуг, распространяющийся в ускоренном движении.
Кровосток.

Мне хочется…

Узнать тебя!

Вишнёво-красные губы размыкаются для поцелуя.
Экстремально крупный план: открытые язвы.
Прерывистые сигналы.
Мёртвое мясо.
Труп.
Наложение лица Джорджа.
Чёрные мухи роятся на плоти.

Мне хочется (мне просто хочется)

по-настоящему коснуться тебя

(Пожалуйста) дай мне коснуться тебя.

Всего тебя, настоящего тебя

Мне только хочется!

Щелчок и вспышка статической интерференции.

Скскскиззклтхххммммммкскскстккккк!

Теперь на смену пришло лицо Мелиссы, завладело пространством, образ наводнял черты Нолы, оккупируя место на её плоти.
Джордж вскрикнул. Без слов. Тогда он нашёл только одно слово, которое с трудом мог выговорить без слёз. Её имя.

Мелисса…

Нола открыла глаза. Она почувствовала, что её руки сжаты вокруг тёплой влажной материи, шеи.
Джордж ахал, борясь за возможность дышать.
Нола ужесточила хватку.
Она держала лицо Мелиссы поверх собственного, раскрашивая в то же время свои руки паникой, бурями, внезапными взрывами шума, детонацией, игрой музыки, серебряным пламенем гитарного звука, электризованным, раскалывающимся, пока не остались лишь оборванные струны чистого света, цвета, и гула гитары, заполнившие фон экранов её рук, обхватывающих шею Джорджа, вглядывавшегося в призрачное лицо своей дочери. И тогда лицо Нолы взяло верх, её собственные черты выплыли из какого-то паршивого демо-ролика, яркая улыбающаяся полупрозрачная маска самой себя, которую она носила так долго, до теперешнего момента, и боль от этого заставляла пальцы сжиматься крепче:

Хочется касаться тебя,

просто (хочется) касаться тебя,

настоящего тебя, мне просто хочется!

Мышцы сокращаются,
Её собственное горло сжимается, когда она чувствует
Тиски жертвы
Тиски тела
Тиски дыхания, сжимание
Ногти скребут
Кровь…

Сейчас!

Вдруг:
ВСПЫШКА света из тёмного портала линзы камеры. Глазастый монстр-циклоп, засасывающий её, засасывающий Нолу, желающий её, алчущий. Пение камеры:

Образ, образ, образ,

Дай мне свой образ!

Дай мне свой

Дай мне свой

Дай мне свой образ!

Вспышка,

уиррррр

вспышка

уиррррр

вспышка.
Там стоял фотограф Пекман, в нескольких футах. Его палец жал на кнопку спуска затвора, снова и снова, выстрел за выстрелом.
Руки Нолы сами разжались. Они убрались с шеи Джорджа, позволив ему упасть вперёд на колени, на землю, в грязь. Тогда он застонал.
Пекман подошёл ближе. Он нуждался в этом. У него не было другого желания, кроме желания заснять эту светящуюся электричеством женщину на фото, в цифрах, пикселях. Эти фотографии возбудят и завоюют глаза и сердца, они будут мерцать с экранов по всему миру. Его имя будет распространяться вместе с ними. Он будет единственным, эксклюзивным источником.
Нола отступила, углубляясь в лес.
Камера преследовала её, заведённая, срабатывающая, изголодавшаяся, жаждущая света, эта маленькая чёрная коробочка охотилась своим блестящим машинным глазом на кожные картинки.
Нола повернулась и побежала в темноту, в каскад дождевых капель. Путаница веток, сети потрескивающих листьев. Скрытые тропы, неизвестные маршруты.
Паника. Красная дымка в поле зрения.
Нола. Бежит, спотыкается.
Пекман преследует её, камера наготове,
Снимает.

Клик уиррррр, клик клик уиррррр.

Приближаясь к ней.
Нола упала, спрятавшись за стволом дерева.
Она могла слышать продвижение камеры через деревья, сияющее чудовище из хрома, стекла и сверкающего чёрного пластика, приближающееся, выискивающее, вглядывающееся.
Треск веток, близко

Уффф…

Затаила дыхание.
Шаги всё ещё раздаются, ищут.
Заикание линзы.
Нола сбросила одежду, обнажив столько плоти, сколько возможно. Она выбрала другой путь, продвигаясь шаг за шагом, медленно, тихо. Её тело искало частоты, вызывая трансляции листопада поздним летом: падающие лепестки, зелёные листья, красновато-коричневатые оттенки, узловатые ветви, всклокоченные клубки птичьих гнёзд, чёрная внезапная муть и шум взмаха крыльев, крики птицы, игра теней, капли дождя, пятнистый свет, шум насекомых, крики животных. Этими эффектами она раскрасила себя.

Камуфляжный канал.

Сегодня, прямой репортаж из Леса Грёз!

Оголённая плоть, пылающая образами.

Не переключайтесь, если хотите увидеть больше!

Пекман ждал, сохраняя спокойствие.
Деревья двигались в деревьях, ветви в ветвях, дрожали, создавая какое-то местное волнение.
Шиммер-поляна.
Его глаза были поражены, наполовину ослеплённые увиденным, и его камера безумно всюду щёлкала, не зная, где искать. И все числа внутри машины, все маленькие единицы и нули, сожгли себя дотла,
на ярко-тёмном трепете ветвей,
листик за листиком,
так тело Нолы растворялось
в лесу,
становясь лесом.

-24-

.....*.....

.....\..... ,*.....?\...\.....

.....т..*в/.....>..\.....

...../0>1(*)..... .....

.....(..кожа^,</...*\.\.....

.....дрейф.\.....:;.....

....дороги...\....\.....\.....

.....,.>\.....\.....

.....путешествие?>..\.\.....

...../.....

...../.тик>....>/101*0.....\...\^011 011.....

...../”!/^начало 1.101.....

.....>10.....((,</.....<.кожа >+_.....

...../..//<%/:1>
прервано
^>,\.....

>/...../0101 1 10....101\\£.....

.....размытие.....холод.//(@’отсюда>..... .....

...../,,,>’*/>0 Луна.....

.....падает/.>.....

.....^/сигнал ?/10>контакт?.....зовут.....

...../,..меня
зовут
...???/011011/но^ла/.....?>.....

...../^ 01001 сполох/..,.....1/,</1....0?+..... ...

.....?/.0,//.>ложится...../01.>.....

.....за три, Зион..//1)0.....@/^0.1<.

.....(ещё ожидая///&^C%/\?/\>+\.....

. .....чёрные
ветки
.....

.....трогает лист>/ >тучеформа///.....;\ ..01.....

...../*~паразитарный//>/\.,@слишком.....

.....близко/^*01”1/+\.мелис.са..?.. ... .. .

<прерван /&^0 11001\”?
голоса
> \” ,.>\

/./нет. /   / -~# лист

..
данные: птичья песня

>>и.нт.ф*рнц,>у/зо)ры

туман
эфира^ следы 011101>но//.ла^^   \\   \ \

. деревоКОЖА.<

сайт
инфекции
*:/[1 2 3 4 5]>[0]   \

<   >//<кто это?   \

Память? >// (
молчание
0)

<   купол>мерцание/   10   0   *(^ 010\

.   тёмный свет://,.

/ <   закрытие>   \

/ <нет !>\   * .” \

пои.ск>/,,кон

такт...\

Джордж брёл по передвижной студии компании.
Продюсер сидела на ступеньке, попивая пиво. Её звали Клео Джеймс. Всего двадцати семи лет от роду. Молодая женщина с воспалёнными от недосыпания глазами.
Джордж ввалился на площадку, его одежда была мокрой, волосы — слипшимися, лицо — красным.
— Вы знаете, кто я? — спросил он.
— Конечно, — кивнула Клео.
— Я отец Мелиссы. Отец… вашей жертвы.
Клео смотрела на него.
— Мы делаем всё, что можем, мистер Голд. Правда. Я не знаю, что сказать. Никто не может объяснить это. Она просто… исчезла.
— Хотите эксклюзив?
— Интервью? Конечно.
— Не интервью. Просто наведите на меня камеру.
— Что?
— Давайте.
Клео щёлкнула пальцами, и перед ними возник оператор. На груди висела чёрная лоснящаяся камера.
— Сними это. — голос Джорджа был резким, безнадёжным. — Пусть будет вживую, без монтажа.
Вспыхнул яркий поток серебряного тепла из осветительных приборов, высветив лицо Джорджа в его похотливом, грязном, кроваво-розовом моменте непреодолимой горечи.
— Вы будете ругаться?
Джордж смотрел на продюсера.
— Что? Ах, да. Сквернословие. Конечно. Очень, очень вероятно.
Клео повернулась к группе.
— Окей. Мне нужно ещё пять секунд, чтобы включить запикиватель.
Джордж стоял в центре образовавшейся активности.
— Хорошо, Мистер Голд. Мы снимаем.
Джордж кивнул.
Он начал обратный отсчёт, отмечая пальцами последние три секунды.

В прямом эфире, эксклюзив от сайта тайн.

Джордж уставился на линзу. Он сделал линзу своим врагом, этот круглый изгиб стекла, аппарат, принёсший ему удачу, сейчас ему виделся как паразит, вор образов.
Он чувствовал, как высасывают его пьяное сердце.
— Меня зовут Джордж Голд, — начал он. — И у меня есть некоторые основания считаться истинным Спасителем музыки этой Нации.
Он горько рассмеялся.
— Я изъел собственные пальцы до костей. Я украл собственные деньги. Я продал собственную душу себе же по урезанной цене бросовой сделки, я обнулил и опустошил её, обесценил.
Его глаза загорелись.

— Джордж Голд! Джордж ёбаный
пии
Голд!

Его руки прикоснулись к горлу, нежной коже.
По телу пробежала дрожь.

— Только что меня пыталась задушить женщина. Музыкальная звезда. Моё же творение. Взгляните: моё собственное блядское
пии
творение только что пыталось меня убить. Я ещё чувствую её руки вокруг своей шеи, и это после всего, что я дал ей. Но что она знает? Нола Блу? Нола ебать её Блу!
пии
Какая-то сумасшедшая, недоломанная, плексивизионная женщина с пылающей кожей, показавшая мне мир, как она думает, доселе мною невиданный.

Он накручивал сам себя, дойдя до предела.

Кожа сжалась. Зубы скалятся.

— Слушайте меня. В детстве и юности меня били, я становился посмешищем, бывал унижен, куплен и продан, и снова куплен, и поднят, и высмеян, и избит до полусмерти, и возвращён, и обоссан,
пии
и прославлен как двухгрошовый бог и дьявол, и всё это на старом добром телевидении, в восхитительном омерзительном цвете. Живьём к вам в дом!

Подкатила медленная волна тёплого света луны и камеры, его глаза наконец ожили, былая кондиция.
Воспоминания о хороших и плохих временах. Побег.

— Свою первую гитару я украл из числа дешёвок с рынка Камден. Сколько же мне было, 15, 16? Только приехал в столицу, дыры в карманах и больше ничего. Этот инструмент был поистине ужасной вещью, грубой подержанной копией копии фендерского Страта. Размалёванная убогими солнечными лучами, вся потёсанная, поцарапанная. Расшатанные звукосниматели. Я даже не мог её настроить. Провёл за ней три недели, полировал её, струны рвались через день, от неё исходил жуткий треск из крошечной коробочки усилителя, бам,
ртзззззззззттттттт!
Шум, который она производила. Дерьмище.
пии
Нельзя и придумать что-то худшее, и всё же, вот незадача, люди… Я написал «Кого волнует любовь?» на этом самом проклятом инструменте. Понимаете? Два года спустя она стала возглавлять рейтинги в полудюжине стран. Вы знаете эту песню. Вы её пели. Вы танцевали под неё. Кого нахуй волнует любовь!
пии
Номер один блять, во всём мире.
пии
Первая из множества. Конечно, мне пришлось пренебречь некоторыми людьми, чтобы достичь этого. Чего бы это ни стоило, оно того стоило. И даже больше.

пии *пии* *пии*

Теперь он дышал медленно и легко, нашёл свой ритм.

— Неважно. Неважно, неважно ни на йоту, что вы делаете. Важно то, как вы это делаете. Просто дарите прекрасные райские мелодии людям, работающим людям. Они приходят домой усталые после тяжёлого трудового дня, получив за свой труд плату, которую и деньгами-то не назовёшь… Послушайте меня, позвольте им включать музыку. Сделайте мечту доступной для человеческой повседневности. Это единственная подлинная мысль, единственная цель. Я продолжаю твердить это молодым и восходящим, всем своим милым маленьким созданиям.
Сделайте так, чтобы людям было доступно мечтать.
Но они не слушают меня, они не хотят слушать.

Здесь он остепенился, почти уйдя в себя.
— Молодые не слушают.
Тихо.
— Ах, нет. Они ускользают. Ты держишь их крепко, слишком крепко, а они всё равно ускользают.
Замедление.
— Мелисса. Всё потеряно.
Теперь глаза Джорджа закрыты. Движется только его рот.
Повторяя. Одно слово.

Мелисса…

Мелисса, где ты!

Крича.
МЕЛИССА!!!
…
Камера любила его.

-26-

Нола продолжала идти сквозь лес.

Я там его чуть не убила.

Иисусе. Мои пальцы, так цепко.

Чуть.

Чуть не убила Джорджа.

Что со мной происходит?

Куда мне идти?

Поникшая, ослабленная. Она посмотрела на свои руки.

Пальцы вокруг горла, сжимаются…

Видя пальцы, запачканные в крови.

…О Боже. Только посмотрите на меня. Плачущая.

Плачущая кровь.

Ненастоящая кровь; лишь транслируемый сигналом образ крови, просачивающейся наружу из каждой ладони.
Реальное и нереальное играли в её уме, в её глазах и по всему её телу. Она потерялась в моментах затемнений и перебивок, в перерывах между сигналами. И все деревья вокруг неё мерцали записанной жизнью, листья вспыхивали кодом, цифрами, рукотворностью. Её тело поддерживало свой костюм. Этот лес был однажды записан, заснят, годы назад, и сейчас она появилась в проигрывании той записи. И чем дальше она шла, тем больше она верила. Зайдя достаточно далеко-далеко, вероятно, она сможет выйти за край иллюзии, и тем самым сбежать из неё. Вместо этого лес смыкался вокруг её; пестропятнистый, загадочный, запутанный, без гео-карты или памяти, каждое дерево и ветка — ещё одна часть фильма о её жизни.
Время замедлилось.
На её кожу надвигалась темнота.

Продолжай идти.

И тут голоса впереди, через листву.
Нола приостановилась.
Она была почти обнажённой, её верхняя одежда была сброшена во время погони. И всё же, она не чувствовала холода, не дрожала после бега. Её тело струилось жаром от картинок, покрывавших её, которые охватили её всю, каждую складочку её кожи, ожившей краденной страстью.

Она присела и выглянула из-за веток.
Там на участке был разбит лагерь путешественников, кругообразное скопление залатанных палаток и старых ржавых вагончиков. Была почти полночь, но люди всё ещё бодрствовали, многие сидели у костра. Женщина пела балладу о потерянном желании. Потрёпанный фиолетовый флаг свисал с центральной мачты, на вершине которой медленно поворачивалась, ловя послания с неба, спутниковая тарелка. Где-то неподалёку бежали по следу собаки, вынюхивая чужака. Её.
У Нолы не было выбора.
Она оделась в образы, в одежду, украденную с модного показа. Облачение, переливающееся серебряно-голубым, зелёным и серым: брюки, блузка, пиджак. Украшенная таким образом, она вышла из-за деревьев.
Первой её увидела девочка-подросток и вскрикнула в изумлении.
Другие обернулись посмотреть, поглазеть на это зрелище, на эту женщину из мерцания и сияния.

~~~

Нола отдыхала.
Она спала урывками где-то в течение часа, свернувшись калачиком в одном из типи. Время от времени один или двое из ребятишек лагеря заглядывали через полог, чтобы поглазеть на неё, на медленно двигавшиеся картинки, дрожавшие на её лице даже во время сна. Они могли только думать, что сны этой женщины каким-то образом проникли через её плоть, поднимаясь на поверхность. И как же это было чудесно, видеть, что её сны были их снами, снятыми с визионного экрана.
Это было, решили они, даже лучше, чем Купол.

Это было
живьём
. От источника.

По-настоящему живым.
Дети молча наблюдали, пока их не позвали родители для каких-то поручений. Сегодня им нужно было сделать кое-какие приготовления для событий предстоящей ночи. Этой особой ночи…
Лагерь был известен как Тангенс Пять.
Обитатели были давними фанатами Купола Удовольствия, отщепенцы и бродяги из самых разных уголков земного шара. В течение долгих лет каждый из них брёл по направлению к локации своего ведущего желания. В какой-то день или ночь они забредали сюда по новой паломнической тропе, сбрасывали свои рюкзаки и решали остаться на пару часов. Часы становились днями, каким-то временем, которое им требовалось, чтобы отойти от своих прошлых жизней, своих так называемых «настоящих» жизней. И так одна неделя превращалась в две, в месяц, в год или больше, первоначальные причины пребывания здесь становились затейливыми преданиями, пересказываемыми у костра, в то время, как ночные трансляции бомбардировали звёзды. Эти форпосты были полулегальными зонами; компания «Купол» не стремилась прогонять незваных гостей, позволив им стать частью основополагающего мифа программы. Некоторые из людей постарше были ветеранами самого первого лагеря, основанного во время второго выпуска программы.
Одной проекции для них было недостаточно; им нужно было чувствовать единение с образом и реальностью. Позже они сложились в пористые регионы, разраставшиеся вокруг мест чрезвычайной активности СМИ, и оказывались намеренно потерянными на картах. И теперь они оплакивали медленное угасание Купола во всенощном бдении пламени и тени. По слухам из сети и эфира, это была финальная ночь трансляции, вероятно, самая последняя.
Купол закрывал свои системы.
Нолу разбудило звучание музыки.
Вокруг было ещё темно. Она вышла из типи и увидела, что все резиденты Тангенса Пять собрались вместе, включая детей. В центре внимания была большая белая простыня, натянутая между фургоном и стволом дерева. На поверхности простыни мельтешила живая съёмка изображения безмолвной, пустой и тёмной формы Купола Удовольствий, спроецированная самодельным прибором. Поперёк экрана и вокруг лиц людей летали искры от лагерного костра, дополнявшие атмосферу языческого ритуала. Рядом, как рыкающий зверь, работал портативный генератор. Лагерная спутниковая тарелка специально по
~~~

случаю финальной церемонии была украшена длинными лентами мерцающей серебряной фольги, свисавшими из чаши.
Нола огляделась.
Было три часа ночи, и воздух стал холодным. Люди были одеты в пальто и шарфы. И сама Нола была в похожем наряде, предоставленной ей одной из женщин, приютивших её, Бетани. Шерстяная шапка, низко натянутая на лицо Нолы, означала, что различимы были только её глаза, и всё же, постояльцы нервно озирались на неё. Для них она была мистической сущностью, видом, созданным из электрического свечения, сигнала и материи, одним из сказочных иллюминированных странников, каковые описаны в древних историях творения Электронно-Лучевой Передачи и Вакуумной Трубки.
Нола заняла место в публике.
Звуковая система трещала, экран гудел и дёргался статикой. Теперь изображение Купола исчезло, поскольку в сигнал врезался пиратский канал. Возникла фигура Мисти Паркер. Мисти: сплетница о знаменитостях, пресмыкающееся всенощных слухов. Её готическая причёска была окрашена огненным, и её лицо, словно бабочка, растягивалось и схлопывалось на неизменном дисплее, белизна кожи с раскрашенными участками её щёк и бровей. Когда лейтмотив передачи доиграл, её фиолетовые губы образовали оскал.
Слова Мисти лились рекой.
— Зрители Купола, где бы вы ни были, я принесла вам тайну Сейчас! Я имею в виду эту минуту, эту самую секунду. Нет другой такой истории, которая стоила бы нашего времени. Собственно: Куда же делась наша прекрасная, отчаянная, потрясающая, смиренная, пылкая, застенчивая и танцующая Мелисса Голд?
Толпа вокруг грубо состряпанного экрана смотрела в тишине, некоторые кивали головами, другие закрыли глаза в медитации.
Оскал Мисти растянулся.
— Продюсеры нам не говорят. Они хранят свои маленькие тайны. О, но мы узнаем правду, ведь мы люди, чистосердечные и бдительные зрители этой отверженной земли.
Мисти засияла. Её голос взял более глубокий тон.
— Я сейчас говорю о боли и наслаждениях жизни в Куполе. Я шепчу полусказанные слова слухов, пойманных ночью в паутины воздуха и цифр.
Теперь экран показывал в реальном времени публику, собравшуюся за кольцевым ограждением. Они тоже стояли в тишине, в покое, во вспышках света, в почтении, головы склонены, руки переплетены с руками рядом стоящих — незнакомцев, друзей, родственников, приятелей по просмотру — все держались вместе в этот момент общего сомнения и лишения.
Мисти говорила за кадром.
— Говорят, что Мелисса оставила свои бренные оковы плоти и вошла в другую, лучшую реальность, сделанную из света и тени, из вспышки и плёнки. Она стала затерянной в камерах жертвой свету и зрелищу.
Люди по лагерю забубнили что-то наподобие:

…затеряна… затеряна в камерах… затеряна…

Экран ушёл в черноту. Из этой пустоты продолжал звучать голос Мисти.
— Мелисса? Если ты там, вовне, если ты можешь с нами говорить, свяжись с нами любым способом, в любой форме, пожалуйста, сделай это сейчас.
Нола поёрзала на своём месте.
Слова Мисти действовали, как курение фимиама, как заклятия жрицы.
— Пожалуйста, Мелисса, мы специально для тебя затемнили экраны. Яви нам себя, говори с нами. Покажись.
Экран дрожал.
Дрожал в лунном свете.
И все смотрели заворожённо.
Нола представляла себе их. Всех, кто находился в студии, притихших. Всех, кто стоял за оградой, жил на долгосрочных лагерных стоянках, всех, остававшихся бодрствовать допоздна в своих гостиных, чтобы увидеть это, чтобы быть свидетелем. Все притихшие. Ночные работники и недремлющие в больничных палатах, на заводах, в офисах, кафе и барах. Притихшие. Нация как целое, притихшая. Миллионы зрителей по всему миру. Притихшие. Техники и исполнители в лондонской штаб-квартире Купол-Удовольствий-Энтерпрайзис. Притихшие. Сама Мисти Паркер. Притихшая, ждущая. Все люди, повсеместно смотрящие на свои избранные экраны, прикованные к плексивизорам, бокс-компам, портапопам, телебагам, сомаподам, гексаплеерам, древним телеприёмникам,

извлечённым из кладовок ради этой церемонии. Кусок материи, растянутый на деревьях. Все уставились в темноту и ждут ответа, образа Мелиссы в её новом обличье, каким бы оно ни было, её новой обители, где бы она ни оказалась. Конечно, конечно, технология даст нам этот проблеск, это зрелище? Конечно.
Ожидание.
Всё ещё ожидание.
Растянутая белая простыня трепетала на ночном ветру, чёрная, безжизненная, беззвучная и беззрелищная.
Экран ничем не откликался, не предлагал открытий.
Нола сидела на краю стула, сжав пальцы. Она могла слышать голоса в своей голове, давление нарастало. Её тело жаждало и горело целиком, каждый дюйм.
Зрители вздыхали.

Затеряна… всё так же затеряна…

Живая съёмка Купола вернулась на матерчатый экран, когда ослаб пиратский канал, и аэроволны были отвоёваны официальными программами.
Минуту или две никто не разговаривал.
Молодой человек, раздетый до пояса, ступил вперёд. Он начал исполнять точный, выверенный танец, прижимаясь к земле, едва сдерживая энергию. Огонь ощетинился. Люди начали петь, сначала тихо, затем усиливаясь. Женщина играла на электрогитаре, создавая минорные вариации на тему лейтмотива Купола, угадывающуюся в аранжировке. Музыка становилась более тёмной, рваной, громкой, атональной по мере того, как шаман племени поднимался на ноги, держа в руке горящий факел. Тени танцевали с ним, как чёрные духи диких животных, удерживаемые только хрупким заклинанием. Нола содрогнулась, её собственная кожа роилась проекциями меха и когтей под пальто. В кульминации танца шаман поднёс пламя к белой простыне, и зрители ахнули, когда телевизионное изображение Купола Удовольствий исчезло в огне. Люди кричали от боли и высвобождения. Музыка переросла в шум, оживший кровенотами и костеискрами. Молитвы интонировались, слова заимствовались из древних телевизионных диалогов и броских фраз, все перекрученные, абстрагированные. И потом — тишина, ритуал умер вместе со своим богом.
Треск костра.
Звуки ночного леса.
Пепел развеянной по ветру материи.
Теперь все глаза обращены к Ноле.

Она неуверенно встала и пошла вперёд толпы. Знание того, что она должна сделать, пришло к ней с её кожи, от голоса с плоти, от демона образа. От неё самой. Она сбросила одежду, не испытывая стыда. Шоу началось. Это была трансляция, никогда ранее не виденная, созданная Нолой, сжимавшей сигналы вместе, продуцирующей свои собственные программы. Сегодня на Кожевидении мы принесём вам восторги:
Зоогонщики на трассе, Косметика Смерти, Животные под Наркотиками, Грязные декораторы рок-н-ролла.
Нола смешивала картинки, создавая гибриды:
Невеста автомобилей, Ток-шоу человеческих рыб, Голые дни пламени и чуда, Жизнь и смерть корпоративного неудачника, Пегас со сломанными крыльями.
Она раскалывала звуки и голоса на кусочки, сводя их вместе в новых комбинациях:
Кровь на крекерах, Мартышки мышкуют монеты, Поёт мистер Кис-Кис, Ударяющие синим током стихи о футболе, Гудбай, полуночный сон, Зинго Линго Бинго!!!
Нола делала собственные программы, и публика смотрела во все глаза. Люди смеялись, восклицали, охали и ахали. Они пускали слюнки. Они перешёптывались. Они хотели большего.

Ручные камеры глазели на неё, линзы восхищались.
Нола замедлила зрелище, уловив настроение. Её кожа светилась биолюминесценцией, когда картинки материализовывались:
Украденные взоры любви,
газовое освещение, мягко падающее на лицо женщины,
мужские руки, обнимающие,
стоит пара, затемнённая на фоне заходящего солнца,
на отдалённом пляже волны трогают песок,

поцелуй такой нежный, такой манящий на плоти, что губы возгораются звёздами и солнечным жаром.
Картинки. Мыльные клише, преувеличения, дежурные действия фильмов о любви.
Не имеет значения: они были рождены желанием.
Рядом сидела девочка-подросток — ребёнок, ловивший мелькающие изображения с такой жаждой, что Нола видела собственное отражение в её глазах, Нола — молодая и ещё верящая. Нола — поющая для своего удовольствия, сочиняя мелодии, слова, испытывая чувства в диком развернувшемся мечтательном серно-лунном магически заклинающем балете музыки, играющая живьём для её образа в зеркале шкафа, позирующая, танцующая свои собственные движения под свой собственный ритм.
И девочка отдавала всё это назад Ноле
с прикрытыми глазами,
занавешенной улыбкой,
лёгким движением тела в ответ
на кодовые жесты:
кивания головой, лёгкие хлопки в ладоши.

Так оно и происходит…

Здесь, сейчас, среди сплетённых веток под холодными утренними звёздами вокруг костра, устроенного в скрытом пристанище, проживалась жизнь.
Во время презентации Нола чувствовала, как её тело меняется. Она полностью была захвачена сигналом; больше не человек, а странная завораживающая амальгама. Мягкая машина для глаз. Она могла чувствовать образ Мелиссы, живущей внутри неё, поднимающейся по её позвоночнику. Сигнал говорил; не словами, даже не картинками, а чистыми случайными толчками энергии. Пока Нола не почувствовала одержимость внутри своего черепа и маску, надетую на своё лицо. По изгибам её кожи путешествовали искры.
Лицо Мелиссы на лице Нолы.
Чистое, на этот раз, более умиротворённое. Поселившееся во плоти и свете, нежно покоящееся.

Теперь начинается… начинается…

Глаза Мелиссы открылись.
Они были чёрные; гагатово-полуночно-небесно-чёрные.
Без белков.
Люди ахнули. Были слышны возгласы удивления, шока. Заревел ребёнок.
Теперь глаза Мелиссы приблизились, заполнив всё лицо Нолы. Появились белки, выцветая на глазах. Теперь глаза стали пронзительно-карими. Теперь зрачки расширились, вбирая свет, отдавая свет. Со всей страстью, которую удерживали эти глазные яблоки.
Воспоминания, истории, ярость и любовь. Казалось, всё было во взгляде, здесь, чтобы быть взятым ради удовольствия.
Глаза смотрели вперёд.
Теперь появился рот. На рот Нолы наложился рот Мелиссы.
Губы двигались.
Мелисса Голд говорила, голос мурлыкал от тишины до слов, мягко пузырился, источая хаос:

…живая в пыли и пиксельных потоках с волос и языка, дрейфующая по потерянным фильмам, тем, которые никогда не были увидены, не были пересмотрены, запертые в чёрных зеркалах и зашитом рту, теперь треснувшем и выблёвывающем бриллианты на лезвие, нарезающее темноту, собирающее картинки и шумы, ожившие, чтобы петь городу луны и демонов, где живут знаменитости, слава которых больше не поддерживается, их фальшивые золотые крылья, оборваны и сложены, живые, блуждающие, поющие в скрытом проходе, в портале-глазе, в садах тишины и теней, их голоса касаются через порхание ночных бабочек, шёпот, послания, закодированные в картах из пыльцы, в потоках сигналов, в свечении луны на коже, в пении…

Голос откатился назад, в тишину, вдаль. Пряди чёрных волос упали на её лицо. И глаза закрылись, когда лицо Мелиссы погрузилось обратно в плоть.
Все опять увидели Нолу.
Публика ждала в тишине, заворожённая только что увиденным и услышанным. Пока рука за рукой не начали аплодировать. И тогда Нола поняла, что ей нужно делать, как должно быть

разыграно это путешествие. Она дала людям зеркальные сны, и они в свою очередь предложили ей пока остаться с ними, хотя бы на день или два. Но Нола поблагодарила их и сказала нет. У неё ещё были дела, нужно было разыскать ещё одно место.
Она собрала кое-какие пожитки и спросила направление, которое увело бы её от Купола глубже в лес. Ей его подсказали, и Нола ушла, оставив людей Тангенса Пять наедине с воспоминаниями о Волшебной светящейся женщине, её цветах и образах, отсвет пожара которых всё ещё сверкал перед их глазами.

-27-

Тропинка пролегала между деревьями.
Тело Нолы освещало путь, её кожа сияла мягким свечением, заимствованным из мерцаний газовых ламп в костюмированных драмах того времени, а также изгибов и впадин мигалок из полицейских шоу. Она продолжала идти одна, пока рядом с ней не появилась тёмная фигура, двигавшаяся мягкой поступью.
Ни веточки не было сломано,
ни листика не было задето;
силуэт двигался зеркально.
Нола остановилась.
Силуэт тоже остановился.
— Кто здесь?
Ответа не было. Нола могла предположить только, что это был фотограф, вернувшийся за новыми образами.
— Я вас предупреждаю. Отстаньте от меня.
Снова тишина. И всё ещё можно было видеть человека, стоящего в ветвях.
Нола раздвинула листву и заглянула в просвет.
На неё смотрела девочка.
— Ты кто?
Девочка продолжала молчать. Её глаза были покрасневшие; вероятно, она недавно плакала.
— Дай мне посмотреть на тебя, — сказала Нола.
Ни движения.
Нола пробиралась сквозь деревья, чтобы подойти к девочке.
Ей было, наверное, лет шесть или семь, полупрозрачная бледная кожа и прямые зачёсанные светлые волосы.
Вокруг девочки вспыхивала гостиная, парящая, как разрисованный туман меж деревьев, оплетённых ветвями.
Нола узнала комнату, девочку.
Это была вечеринка по случаю её седьмого дня рождения.
Где-то здесь крутились её мама и папа, вместе с некоторыми родственниками и несколькими детьми её возраста. Между ними — она, маленькая девочка, чьё тело и лицо теплились едва заметным присутствием жизни, — привидение, снятое на видео годы назад, годы, картинка размытая и неясная, наколдованная в мир Нолой, счищенная с её кожи, одарённая жизнью, трепетной жизнью.
Девочка говорила таким тихим и надломленным голосом, записанным на плёнку:
— Я не могу сама. Ты же знаешь, что не могу.
Ни движения, в тишине, боясь спугнуть картинку, Нола смотрела на разворачивающуюся сцену.
— Мне надо подпевать.

Потом мамин голос, неслышный, но Нола знала каждое слово.
Джерри, включи CD плеер.

Мой самый первый музыкальный центр, — узнала Нола, увидев дешёвый пластиковый прибор на полке, услышав песню, льющуюся из дребезжащих колонок, её любимый мотив из детства: «Завтра наступило слишком поздно» Суми Джеймс
[8]
. Не оригинальная мелодия, а один из ремиксов. Да, теперь она вспомнила.

Её трюк для вечеринок.

Папа включал музыку, инструментальный даб, а сама она пела вместе с бессловесной мелодией. Слова своего собственного авторства.
Нола, как была, вышла вперёд в центр комнаты, все глаза устремлены на неё, как она это любила.
И тогда она вспомнила своё настоящее имя, данное ей имя.

Диана.

Девочка, стоявшая там в покое, успокаивая себя, ожидала, когда музыка достигнет нужного момента. И затем начинает…

Салли падает,

Луна её ловит.

Сьюзи теряет своего кота,

Солнце находит кота

Для Сьюзи.

Нола обнаружила себя подпевающей тихим мурлыканьем под нос, но каждое слово в точности ложилось на аккорды.

Джинни идёт не той дорожкой

Облака несут её домой…

Песня продолжилась до конца, прежде чем гостиная и семья исчезли из поля зрения, вернув её к воздуху, волнам и пикселям. Оставив только девочку, которая повернулась и, казалось, смотрела прямо на Нолу сквозь годы. Она рассматривала эту взрослую женщину перед собой, замечая следы на лице и лбу, оцарапанном ветками. Волосы — взлохмаченные, с застрявшими в них листьями. Нола не могла сказать, действительно ли девочка смотрела на неё, это казалось вряд ли возможным, но, тем не менее, она оживила свою кожу записью танцующих изображений, цветами и звуками, взятыми из семейных видео, загруженными воспоминаниями, фотографиями и видифлексом.
Мультяшные коты догоняли друг друга.
Птички порхали над телеграфными проводами.
Улица. Серая, городская, замусоренная. Собака обнюхивает канаву.
Дом. Несмотря ни на что, семейный очаг.
Звон колокольчика, подвешенного на зеркальце заднего вида машины. Смех.
Ребёнок — один в лесу.
Нола моргнула.
Девочка протянула руки к лицу Нолы. Её пальцы были расцвечены картинками, когда они вспыхивали и гасли, и новые приходили на их место. И всё же, эта девочка, Диана, не могла дотронуться до самой кожи; её рука размылась в пыли и паре.
— Это красиво, — мурлыкала она, или только казалось, что она мурлычет. — Очень красиво.
Нола улыбнулась.
В этот момент глаза соединились.
И двое разминулись — женщина и девочка, реальность и проекция, по одной и той же тропе, одна на север, другая на юг.
Нола оглянулась и увидела девочку в последний раз, когда она исчезла, сверкнув в воздухе.
Послесвечение. Шипение обесцветившегося изображения.
Память в тусклом свете,
забранная темнотой.
Она прошла ещё пару миль, пока не кончился лес. Ей повстречалась железнодорожная колея, и дальше она пошла по ней, инстинктивно приняв левостороннее движение. Каждый

шаг создавал собственный светокруг, в котором можно было двигаться. Её тело успокоилось, образы медленно и беспорядочно перемещались по коже, вспышки голубого, золотого и алого, дрейфовали чёрные и белые абстрактные формы.
Впереди показались огни.
Нола свернула с колеи, перебравшись на узкую просёлочную тропинку. Появились первые несколько домов маленькой деревеньки, по большей части погружённые во тьму, лишь одно или два оконца светились. Большинство построек расплывались в уличном освещении. Глаза Нолы видели местность в странном сновиденном качестве.
Воздух трепетал.
Она вышла на открытый участок земли и продолжала идти, пока дома не скрылись из виду.
Участок пустыря.
Мусор. Вышедшие из строя бытовые приборы, магазинные тележки, рваная пластиковая плёнка. С другой стороны заброшенного поля проглядывались железнодорожные пути, уходящие всё дальше. Капельки дождя всё ещё сверкали на телефонных проводах, поймавших в низком небе обесцвеченную луну.
Это подойдёт. Здесь.
Здесь, где человеческие голоса бежали по проводам, задавая вопросы, требуя ответов, делясь тайнами. Нола могла слышать их на своей коже, все эти голоса, призывающие друг друга в сетях. К ней снизошло видение безбрежной земли снов, Призрачной Англии, простирающейся от Купола Удовольствий вовне, не имеющая края, но каким-то неуловимым волшебным образом перекликавшаяся с реальной страной.
В тумане передвигались силуэты, образовывавшиеся из испарений и едва видимые. Отзвуки. Образы транслировались и множились, свободно дрейфуя, выколдовываясь из контуров. Сигналы-паразиты.
И вот на этом клочке из грязной земли, в стороне от ржавеющей железнодорожной линии, Нола Блу, бывшая звезда музыки, сбросила одежду. Она стояла обнажённая. Некому было её увидеть, некому было нарушить этот момент, это чувство поднимающегося жара, эту чистую незамысловатую любовь, проходящую по ней.
Аэроволны касались её тела.

Привкус металла на языке

синий дым

череподрожь.

Сейчас…
Нола тянулась навстречу к каждой последней трансляции, она могла ощущать их на вкус, запах и прикосновение. По аэроволнам, по кабелям и беспроводной связи. Картинки вращались на её коже, охваченные пламенем своего собственного психоделического горения.

Крсизк, кцракскл, флкккс, кссткккссссстт

Искры образовали гало вокруг неё.
Пришло время выйти в ЭФИР.
Обратный отсчёт:
5… 4… 3… 2… 1

Крутим…

НОЛА была полиэкранным маньяком, стекающим по собственной коже в тёмный свет.
Она была телом, напитывающим жажду образов;
Она сама была жаждой, измышлявшей себя, выжимавшей горячую кровь образов из себя в мир;
Она была симбиоморфным кожным демоном новой медийной чумы, вирусным кодом, омываемым испариной, голосами и жидкими цветами, плоть, настроенная на то, чтобы вспыхивать и гаснуть,
без корней
без выводов

без целей;
Она была каждым диктором новостей, вышедших сейчас в эфир по всему миру;
Она была каждым одолжите-мне-мозг экспертом, каждым футболистом, каждым сделай-сам бизнесменом, каждой посредственной личностью;
Она была всеми завсегдатаями игровых шоу, собранными в единое целое, оторванными по отдельности, снова спутанными вместе;
Все привязанные к диванам комментаторы, террористы домашнего видео, лунобродячие астронавты, горе-строители, мыльнооперные кокаиновые нюхачи, закатывающиеся актёры, высоко летящие супергерои, обличающие всё политиканы и роковые женщины, каждый последний повар-любитель, передержанный эксперт, автозадроты, культурные обозреватели, шоково-тактильный микроорганизм, каждый трейлерно-трешовый исповедник тяжело поддающихся пониманию извращений, все притворяющиеся живыми короли и королевы дневных грёз; Нола была всеми ими, собранными вместе, по кусочкам, в движении,
в снах.
Она была Гламуром,
больше не жертва заклятия,
но само заклятие, выпрастывающее свои расплывающиеся чары по аэроволнам подобно звёздной пыли.
Нола Блу, жаждущая контента.
Она была коллектором душ, призрачных посланий издалека. Окна и вкладки открывались и закрывались на её теле, когда сигнальный наплыв приходил от всех фанов Канала КØЖА извне, все кнопкодавы с их самодельными наборами самовыражения и самотрансляции: телебаговыми месседжами, портапопными видео с играющими на пианино котами, флеймспайками, флекситекстами и мейлбластами, тысячами гламкамерных загрузок, фэйспиков, вторстраниц, бессчётными шиммерами из Шиммертауна, гексаплеями, сомаблипами, вибрафлантами, миШоу, парапипами, айджинглами, всеми водоворотами и жужжаниями, и каскадами шума, — люди, зажжённые собой, жизнью, жаждой, мелочные джанки-алхимики — все до единого, яростно живые, слали Ноле свои сообщения из эфира, играя испарениями искр разума, измышляющего чудеса.
Нола собирала их вместе, мерцала ими.

Она была старой доброй сеткой возвратно-поступательных движений электронно-лучевой трубки, 01001110101011 бинарного выражения
[9]
, всплеском электронов, протуберанцем, вспыхнувшим в конце ночи, лицом, отражённым в мониторе цвета чёрного неба, когда вырубается питание;

Нола была интерфейсом, разграниченным внутри, затерявшимся в цветах, размытых звуковой яркостью, брызгами пикселей, вырвавшихся за собственные пределы, фрактальной конструкцией;
Она была медленным пешеходом на плавящемся стеклянном лице плексивизионной машины, возникшей из репликационного дыма подобно фантому в зеркале;
Она была скитальцем горячей зоны, скользящей по лезвию, женщиной, движущейся по касательной к ночному кошмару, заброшенной в дрейф на кромку трансляции;
Она была тонконогой танцовщицей, застигнутой на проволочной путанице антенн, и всё же свободной, освобождённой, наконец, чтобы петь облака, оживлённые картинками, чтобы ласкать потоки данных, окутывающих землю в знания, в легковоспламеняющиеся желания;
Она была телом, распустившимся во весь обзор, расширенным порнографическим моментом, лучащимся своей фосфоренцирующей плотью, в свечении которой простреливали электроны и растворялись в метафоры.
Нола была полноправной распорядительницей рая.
Одним из новых телеморфических мечтателей,
бороздящим Абстрактно-Футуристическое выражение страсти и любви, изобретающим приёмы на лету, срывая и собирая со всего окружающего, влекомого ветром;
Аналоговой Богиней Ежедневной Эфиромании, вызванным к жизни сокровенным сердцем ТЕЛЕВИДЕНИЯ!
Нола была аватарой, визионной установкой, самой поэзией, электрическим глаголом, вложенным прямо во влажную мякоть терминального
облачённого в статическое электричество,
хрупкого искореняющего златолунного электростатического ангела трансляции хаоса, вырабатывающего Особый Даб-Кожный Жар:
нестыковки, перебивки, монтажные эпизоды,

медленные переходы, быстрые монтажи,
растворения,
разговоры из чатов, отзывы,
и микрофонные кровоизлияния.
Её тело нашёптывало все возможные повторения сомнения и любви: по требованию, во взаимодействии, сигнал кодировался на кожном источнике, декодировался при контакте с воздухом.
Она была сделана из саундтреков
из интерференции
из песен плоти и проводов:

Я спала, но кожа моя ожила.

Чтобы голова моя наполнилась снами, а волосы — дождём ночи,

И руки мои — усеяны картинками, и плоть моя — поёт снами и воспоминаниями,

Что проходят по мне, как туманное сияние драгоценностей.

Нола сделалась телом света от всего, что она обнаруживала, конструируя себя каждую секунду, разрушая себя каждую секунду, живя моментом,
этим моментом
сейчас
снова
опять
дыша
горя
вспыхивая,
ослепительно.
Здесь был город потерянных образов, говорящих языками, собранными вместе на коже женщины.
И что бы люди по всему миру ни смотрели в это время на своих экранах в гостиных, спальнях, в своих портапопах, телебагах и гексаплеерах, Нола тоже там была, притягивая передачи со спутников, сжимая послания, декодируя бриллиантовую пыль акустического цветения музыки, собирая и подстёгивая вперёд образы и звуки, множа их, пробуждая их. На её плоти мелькали лица, накладываясь друг на друга, все потерянные, мёртвые, полузабытые и раздавленные, все, кого она извлекала, один за другим, целая колония спектров, бесценный груз, пока не появилась сама Мелисса, Мелисса Голд, та, что с проколотым животом и искромсанными запястьями, и буквами на коже, с пронзающим ножом; она из потока крови, из словесного тела, национальный сновидец, продержалась короткое время, и её лицо сменило лицо самой Нолы ещё единожды, один последний раз.
Принадлежащее, обладающее.
И потом исчезло. Образ женщины свернулся. И тогда Нола поняла: эти послания никогда по-настоящему не умирают, они просто дрейфуют поодиночке, ожидая подходящего декодирующего импульса. И это было то, для чего она родилась, и чем она ещё могла стать.
Не из плоти, но из духа самих медиа.
Чистый образ. Чистый.
В этот момент она была увидена на каждом экране плексивизора по всей стране, на каждом приборе, который был включён. Не как тело, не в форме женщины или даже особи, не как человек, но как единовременный удар, полночастотный телоаккустический взрыв цветов и звуков, заполнивший экранное пространство, слепящий глаз солнечно-пудровой метаморфозой. Здесь была Нола, касающаяся языков и глаз посетителей искросети,
мельком увиденная, вскользь
одна единственная вспышка формы и шума
угасает на ноль
темнота…

~~~
~~~

Теперь одна, её финальный эфир завершён, она чувствовала своё замедление. Чувства будоражили её.
Трепетали отбившиеся картинки,
сворачиваясь на изогнутых просторах её тела,
дрожали эфирные голоса.
Нола неслась дальше по волновому спектру, ища портал, плагин для скрытой или зашифрованной информации, посланной непосредственно ей; путь домой, путь к активации высших каналов, которые находятся за пределами нормального диапазона, тайные тропы.
К этому моменту её тело ослабело, принося боль.

Нет блюза такого, как блюз самоцветов, сияющих…

Порез. Жар кожи.

Искрами ночи…

Резкая боль. Продолжай идти. Пой!

Нет блюза, как белой луны свеченье

Сны разливающее.

Раны на теле в огне. Просто продолжай петь.

С неба вниз сгоревшими звёздами…

И что-то внутри, в самой плоти, поворачивается, изменяется.

Где искры ночные

мерцают

пульсируют

вспыхивают

горят…

.,/.=//.>
Боль
Порез
Крик
Ранение
/,/..,+/>*/>>

Кровь…

Кровь льётся из её живота.
Настоящая.
Её пальцы мокрые.
Пришла пора.

Еле слышимое прощальное шипение и пузырение

статики с кожи

ппфзззззз

И когда она упала на колени во влажную землю, в её животе ожил образ птички,
она пыталась выпростать свои замёрзшие крылышки,
силясь размахнуться ими, взмахнуть снова,
снова почувствовать себя живой,
позволяя птице прорваться вверх
из живота Нолы,
по её груди,
к её длинной шее,
а потом к её лицу.
Вот сейчас…

Вот!

Птичка, разукрашенная не красотой, а всей грязью и ранами, собранными за долгую тяжёлую жизнь, в битве, в любви, с изодранными перьями и сломанной лапкой, с обломанным клювиком, с одним полуприкрытым глазиком; и вдобавок, птичка самой глубокой красоты из всех возможных.
Она прогоняла по каналам плоти
кожегрёзы женщины
медленно хлопая пыльными крыльями в её голове,
уже сильнее
наконец
вырвавшись навстречу серебристо-чёрному
лунносветному небу над головой.

-28-

Бригада шла к конструкции, двигаясь медленно, целенаправленно. Они несли с собой все инструменты и приспособления, необходимые для поставленной задачи. Их было всего четверо оперативных работников.

Они начали работу на коже Купола, обследуя каждый дюйм на предмет остатков сна, охотясь за ключом к упущенной психе
[10]
.

Они заметили прокол в месте, где Мелисса применила импровизированное лезвие.
Ремонтники прибегли к перфорации, что позволило ввести маленькую дозу биотехнического флюида.
Кроме этого, никаких отклонений найдено не было.
Все сны и кошмары утекли из прослоек, оставив только это хрупкое покрытие, тонко натянутое и чистое.
И им пришлось разобрать Купол Удовольствий.
Они удалили каждый сегмент полихобария, работая пилой и молотком, плоскогубцами и кусачками. Пространство внутри было разоблачено, полностью выставлено напоказ на открытый воздух впервые за более чем десятилетие.
Они осмотрели те немногие вещи, оставшиеся после Мелиссы: моток тряпья, служивший ей постелью, полупустую посуду с едой, пару книг, всякий хлам, одежду, принадлежности для умывания. Грубый самодельный нож. Маленькую тряпичную куклу. Ничего необычного не нашли. Только эти немногочисленные следы жизни, некогда проживавшейся на глазах публики, а теперь канувшей во тьму.
Все личные вещи были изъяты для дальнейшего обследования.
Теперь здесь простиралась голая земля.
Команда обыскивала территорию, некогда укрытую Куполом. В центр размеченного пространства поместили компактный прибор. Один из оперативников активировал его, детектор медленно мотал палочкой по шестидесятиградусной дуге: туда-сюда, туда-сюда.

Бип… Бип…

Они искали спрятанные объекты. Какой-нибудь предмет. Тело, приспособления для побега. Хоть что-нибудь. Какая-то надежда, вера.

Бип… Бип… Бип…

Находки оставались тайной, до поры до времени.
Камеры нервно наблюдали с окружающего поля, ненасытные электронные глаза, собирающие свидетельства странного ритуала. Зрители за кольцевой оградой стояли в тишине. Другие, оттеснённые назад, смотрели на огромные экраны. Преданные зрители, все до единого; они будут стоять столько, сколько нужно. Каждый ждал момента откровения.
Маленький поисковый клинер скользил по почве. Они находили клетки кожи, пряди человеческих волос, фекалии, обрезанные кончики ногтей, кусочки испорченной еды, семена, червяков, серебряные и чёрные пёстрые перья, надкрылья, крошечные цветные бусинки.
Команда начала копать. Они работали лопатой и кистью, граблями и поддоном. Они снимали почву слоями, осторожно просеивая каждый слой. Они трудились тихо, скрупулёзно, перебрасываясь только несколькими словами друг с другом время от времени. Случайные проклятия. Кашель. Они работали всю ночь, освещённые прожекторами и фонарями.
Деревья окрестного леса гнулись под низким ветром, ветви царапались друг о друга. Танцевали тени. Их можно было с лёгкостью принять за играющих привидений.
Они нашли в почве предмет, сразу под поверхностью.
Это была страница, вырванная из блокнота.
Картинка пробежала по всем экранам мира.
Изображение на пожелтевшей бумаге было рисунком, линиями и словами, нацарапанными чёрным карандашом. Это могла быть схема странного механизма, или же карта неизвестной земли. Психолог с канала новостей заключил, что это автопортрет подсознания жертвы, та реальность, которая лежит вне досягаемости Купола.
Да, некоторые люди называли Мелиссу жертвой.
Из комфорта студии многочисленные эксперты обсуждали загадку её исчезновения. Комментаторы рассказывали о духовных аспектах Купола, о возможных ментальных проблемах, которую он мог принести пользователю. Схемы и диаграммы раскрывали технические моменты строительной структуры. Оголтелые фанаты программы строчили шиммертексты:

> Кк Вы посмели так постпить с Куполом! Это святтатство.

> Я плачу. Я не могу остановить слёзы.

> Тупая жопа, плакать беплезно. Это всё постанова для публики. Компания смеётся. Это всё ради денег!

> Где Мелисса? Почему Вы нам не говорите?

> Она мертва.

> Не говорите так! Я не поверю в это.

> В игру вмешались стрнные силы. Вещи, о которых мы ничего не знаем.

> Точняк. Остерегайтесь медийного Вуду. Вы предупреждены.

Приближался рассвет, трогая небо над краем окрестных холмов.

> Они УБИВАЮТ Купол Удовольствий! Они УБИЙЦЫ!

Число просмотров достигло рекордного уровня как для этого, так и для других сезонов.

> Нет предела моей печали.

> Я себя чувствую, бдто моё сердце вырезали и брсили волкам.

Приглашались предыдущие обитатели Купола для разговоров об их опыте пребывания. Они говорили о скуке, возбуждении, растерянности и отчаянии. Подталкиваемые дальше, они вспоминали отголоски, испарения, неподдающиеся описанию чувства, проблески лика Божьего, потёмки души. У всех было одно и то же выражение, один тоскливый взгляд в глазах, загнутые вниз губы. Их брови морщились. Один религиозный комментатор назвал их «Прекрасными детьми сумерек». Он говорил об умерщвлении плоти, о жертвоприношении.
Тем временем, специальная следственная команда продолжала свою работу, раскапывая Купол. Почва падала с лопаты, крошилась в пыль в их руках, сочилась сквозь пальцы. А потом, на глубине почти полутора футов, показался кусочек кожи.
Понемногу участок расчищали.
Кожа была мягкая, бледная, цвета луны.
Оперативники отошли и обсудили это, выработали план, а затем приступили, убирая почву с показавшейся плоти, всё больше и больше обнажая тело, лежавшее здесь похороненным, спрятанным, теперь медленно разоблачаемое целиком.
Это был объект эксперимента текущего года.
Мелисса Голд.
Последняя из священных сновидцев.

Тело обследовал доктор и констатировал смерть. Образ её трупа облетел землю, все экраны городов и посёлков, все гостиные, кухни, спальни, всюду, куда мог дотянуться взгляд. Толпа смотрела, как Мелиссу,
их
Мелиссу, подняли, освободив от надсмотра Купола, и понесли в ожидающую скорую. Её лицо было накрыто белой простынёй.

Люди стояли в тишине.
Слышен был лишь звук камер. Кнопки щёлкали, линзы жужжали и стрекотали, провожая её.
Джорджа Голда видели входящим в машину с телом его дочери.
Толпа наблюдала отъезд скорой. А потом группками, парами, один за другим, люди стали расходиться от забора, пока не осталась их жалкая горстка. Эти несколько последних опустили головы и плакали. Они не хотели возвращаться ни к какой жизни, вообще.
Охранники собрали свои пожитки, следом собралась продюсерская команда.
Скелетные останки Купола одиноко и гнетуще смотрели в темноту.

~~~

Шли дни.
Ночи становились холоднее, луна пошла на убыль
и затем снова начала расти.
Тело Мелиссы подвергли исследованиям, анализам, разрезали кожу, вскрыли. Всё было нормально: сердце, казалось, затормозилось по собственному желанию, замедлив свой ритм до полной остановки. Несколькими днями позже её похоронили со всеми возможными почестями, в то время как сотни репортёров и фотографов, и доброжелателей, и фанатов Купола Удовольствий толпились на улицах вокруг кладбища.
Джордж стоял на краю могилы, Кристина — рядом с ним.
Их руки соединились.
Прошло две недели.
Съёмочная группа давно оставила это место на произвол судьбы. Теперь территория казалась меньше, едва ли способная вместить человеческие мечты. Время от времени здесь появлялись какие-то любопытные, медленно гуляли по кругу обесцвеченной земли, где когда-то стоял Купол. Некоторые из них прочёсывали землю садовыми граблями, металлоискателями, биолокационными рамками, обнаруживая множество предметов: клок ярких розовых волос, бутылка из-под джина, игральная карта, синяя пуговица, монеты,
~~~

отрывные талоны и тому подобное, но ничего стоящего. Ничего связанного с Куполом или его последней обитательницей.
Программа природы одержала верх, укрыв землю осенними травами и мёртвыми листьями.
Три недели.
Джордж Голд тихонько сидел в своих запертых комнатах. Независимо от своего местонахождения в доме, все его многочисленные экраны плексивизора были занавешены чёрной материей, беспризорные и нелюбимые. Джордж хлебал свой виски и смотрел на коллекцию виниловых записей, время от времени проигрывая одну из них. Но его ушедшая дочь, казалось, подстерегала в музыке, в текстах, в промежутках между нотами, даже в бороздках пластинки. Это было слишком, и он убавил громкость на панели управления и сидел в одиночестве, пил, стучал пальцами по подлокотнику своего любимого кресла.
Кристина ждала за дверью, надеясь на знак.
Прошло четыре недели.

~~~

Состоялось первое появление.
Это произошло во время записи чат-шоу Диди Бакстера. Один из гостей сделал возмутительный комментарий о поведении новой волны иммигрантов, и кто-то из публики стал гневно кричать в ответ. Камера спикировала по рядам сидящих зрителей, чтобы подобраться к оратору. Через несколько дней, когда передачу пустили в эфир, было сделано странное открытие. Когда камера двигалась по ряду, проездом была недолго видна фигура Мелиссы.
Ряд Ж, место 12.
Она сидела абсолютно спокойно, расслабленно, улыбаясь самой себе. Мелисса Голд. Однажды признанная пропавшей, скончавшейся и похороненной, теперь нашлась. Или же женщина, которая была очень похожа на неё. Но не было свидетельств тому, что данное лицо действительно прибывало на студию или покидало её. Её не было на видеозаписях охраны. Когда опросили людей, занимавших в публике места рядом с её креслом, то никто не смог вообще ничего вспомнить о своём соседстве. По факту, билет на это конкретное место не был напечатан.
Визитёр был загадкой.
Когда записи шоу стали тщательно обследовать, там оказался какой-то дефект съёмки. Очертания Мелиссы были слегка размытыми, её лицо на них было в смазанном качестве. Её не могли ни определить, ни вычислить. Её черты невозможно было ни увеличить, ни прояснить, ни предъявить. На ней нельзя было сфокусироваться, в полной мере.
Запись доставили Джорджу Голду. В своих частных владениях, он разоблачил один из экранов. Он осмелился просмотреть инцидент. Снова, снова и снова. Его руки протягивались, чтобы гладить стекло, когда появлялось прекрасное и туманное лицо его дочери. Он не мог поверить, что это он сотворил эту молодую женщину, это существо, из его собственной плоти.
Он шептал ей, он умолял её.
Он пил и проклинал.
Пальцы били по кнопкам пульта:

Повтор, повтор, повтор.

Образ Мелиссы прыгал во времени и пространстве.
Он кричал на неё:

Вернись ко мне.

Мелисса. Вернись.

Джордж сидел там один. Он ждал.
Однажды Кристина прибыла для проведения некоего ритуала омоложения: чистки его лица, увлажняющей маски, подношений еды на ложечке к мясистому рту, движений его рукой для подписи документов и напоминаний. Бумажная работа, телесная работа. Она гордилась этим — жестокая, но добросердечная гордость. Он стал её новым подопечным. Сам мужчина, некогда Король Человеческой Музыки, теперь сидел спокойно и тихо, пока смоченная губка протирала его брови и щёки, а его губы пропитывались бальзамом.
~~~

Через два дня Мелисса снова появилась.
Снова на экране, на этот раз сидя в толпе на спортивных соревнованиях в прямом эфире. Отмечалось всё больше и больше явлений: блуждающий образ молодой женщины на заднем плане офисного пространства во время трансляции новостей, либо стоящей в толпе на показе мод. Однажды она была замечена в старом фильме, драме о пустынной войне, вышедшей в 1952 году, где она стояла на мерцающем фоне неба. Никто не мог предсказать, когда и где это видение возникнет в следующий раз. Несколько раз она была замечена в полицейских документальных фильмах, невнятная фигура с краю, на фоне дорожно-транспортных происшествий и сцен убийств. Её глаза были расфокусированными, полуприкрытыми; она едва ли смотрела на последствия насилия.
Другие программы, другие времена.
Её лицо то клубилось тенью, то обесцвечивалось потоком студийного освещения. Мелисса тянулась к нему. Джордж это знал. Он мог её чувствовать, он мог ощущать её отчаяние, её нужду. Час за часом он смотрел на экран. Он заснул в кресле, а плексивизор продолжал играть. Он ел при свете экрана, съедая то немногое, что ему удавалось осилить.

Ожидание. Лишь ожидание. Приди ко мне…

Появления увеличились в количестве и качестве. Образ Мелиссы скакал от приёмника к приёмнику, от сцены к сцене, от программы к программе. Фанатики плексивизора утверждали, что Нола Блу, очевидно, была причастна к этому наваждению экрана, что она была несущим сигналом. Оспаривая это, эксперты социальных СМИ утверждали, что проявления были не более чем выдачей желаемого за действительное, женщина была призвана в реальность сильным желанием аудитории, стремящимся к отображению и завершению. На самом деле, спектральная фигура, казалось, брала на себя больше жизни каждый раз, когда она появлялась, словно питаясь взглядом камеры и голодных глаз зрителей. Её лицо было теперь очень детализированным, глаза — яркими и свирепыми.
Это была она, сомневаться не приходилось.
Иногда она смеялась, другой раз плакала — зависело от конкретного содержания шоу.

Но кто на кого смотрел?

Она была духом аэроволн и кабеля, вудуистским образом.
Зомби-загвоздкой. Пятном интерференции.
Привидением.
Ей давали много имён, её тело окружили теории и объяснения.
Только трансляция чувствовала её по-настоящему.
Теперь фигура появилась, полностью сформированная, в исторической драме, одетая в царское облачение с мантией из алого сукна, усеянного фальшивыми жемчужинами. Это был персонаж, которого никогда не было в сценарии, никогда не игравший, никогда не снимавшийся. И всё же, она шла здесь, в царстве тумана и шума, через поле боя. Двигаясь молча, медленно, без оружия, в то время как вокруг неё палили орудия, и земля разрывалась чёрно-огненным.

Sancta Maria… Mater Dei…

Джордж Голд проснулся внезапно. Что-то вытолкнуло его из спячки, что-то во сне.
Сказанное слово.

Сейчас…

Его глаза слипались, стараясь открыться.
Экран пестрил цветом, точками света.
Джордж наклонился вперёд в своём кресле.
Экран заполнило лицо.
Он таращился на него.
Это была она.

Моё дитя…

Лицо Мелиссы.
Её тело.

Её рука, протягивается.

Сюда…

Джордж не мог двинуться с места. Он не смел даже шевельнуться, боясь спугнуть её, упустить момент.
Потом он дотронулся до экрана. Он не мог устоять. Его ладонь на её ладони.

Тепло… тёплая плоть…

Это было её последнее появление.

Такая тёплая.

Её ждали другие миры. Фигура была чем-то, что просто болталось в проводах, присутствием, какое-то время дрейфующим по системам. Цифровая тень, настроенная на дрожание и самоактивацию при голом касании,
лепет инструкций:

Клик. Клик, клик.

Клик, клик.

Клик.

Лепетал экран.
Привидение разговаривало кодами, шёпотом, голосом, созданным из чисел, из темноты.
из угасающих цветов,
электронов, самого движения,
уходящих
воспоминаний,

следов…

-29-

……>*……

……контакт?\……,*(…?\……

……тв/
ожидание
>\……

……/0>1(*)
глаза
>……

.....(моя кожа это/моя\.....\.....

.....Кожа плаваю..\...щая;.....

.....Какими дорогами.\.....\.....\.....

..... мне следует.....\\.\.....

.....
бродить
?>...\.\.....

.....тик/.....

...../// так>часы>/10110.....^.1.....

...../”!//^СЛИЯНИЕ программ.....1....0.....

.....>100((,>//<моя кожа это>+=.....

...../////<%
плавающая
>
прервано
^>,\.....

>.нагрев.....слишком поздно.слишком рано\\£.....

...размытие.....Так холодно:*(@’снаружи>.....

...../.так холодно>//падающая луна.....

.....^/СИГНАЛЫ прерваны:/,меня зовут.....

.....,.меня
зовут
...прервано/011011/н/о^>?(ла/\\>.....

.....В городе Мерцанья Духа.....10/,</110?+.....

...../////Я лежу заплаканная...../011.....

.....для тебя, ТелевиДЕНИЕ:/\\1.....#/^011<...

.....(Теперь ожидание///&^C%?/\>\0.....

..... мягкие чёрные глаза.....

.....
смотрят
на меня>///.....

...../*~паравзгляд//слишком далеко, слишком.....

.....близко <прервано>///&8*/< /\\”?.....

...../< кто это? голоса>\\”.....,.>\....

...../// нет.никого//10/@~#.....

.....воспоминания//эфир
дымки
^.....

.....
следы
011101>но//>ла^^>?.....\\.....\...\...

.....Канал призракКОЖА.<.....

...01//<<1/кокон
Пульс данных
.....\.....\.....

...../*0>**”/:[1 2 3 4 5]>[1].....

..... И.-НТ/ф*,8нц,>у//з0.ры.\.....\.....\\.. .

.....<легион>//<кто это?..... .1....\.....

.....говори со мной>/:*(
бормочет
)..........

.....<вирусные формы>////.....1.....*(^..0?\.....

.....луна при
дневном свете
//,.....

.....теперькоснись\\\]процесс начался:.....

.....<активация:%>\:0.....*.”..\.....

.....>/,,[
КОНТАКТ
>:<<<.....\.....

.....//>клик:/>[ВКЛ*].....>

-30-

Тело Нолы Блу было найдено на заброшенном участке земли рядом с усеянной мусором железнодорожной линией.
Никто её не видел в это время. Только солнце, луна и ещё раз солнце. В течение двух дней она лежала в неподвижном состоянии. Все эти часы, прежде чем её обнаружили.

Заголовок:
Голая и Брошенная! Трагическая Загадочная Смерть Музыкальной Звезды.

Серая, бледная, голая, она лежала здесь, её одежда валялась в стороне. Свидетельств насилия, нанесённого ею самой себе или каким-то иным образом не было.
Она умерла в одиночестве.

Настоящее имя певицы было Диана Ноулес
[11]
.

Полицейский оператор заснял её последнюю позу.

Объяснений наступившей кончине Визионной Женщины не найдено. Врачебная загадка.

Полиция провела свои дознания, приехала пресса.
Разные свидетели выдвигались вперёд и занимали положенное им эфирное время: режиссёр музыкальных видеоклипов, посетители бара, фотокорреспондент, работник гаража,

гостиничный клерк, девочка-подросток из лагеря, личный помощник Нолы, её менеджер. Каждый рассказывал свою историю об этой прекрасной или ужасной фигуре с сияющей формой, с движущимися мельтешащими картинками на её плоти. Были показаны изображения с сайта гламкамеры Эвелин Мур, съёмка кожи в действии, нагретой, омытой цветами, формами, звуками. Лица, ружья, взрывы, машины, жертвы, гитары, тела, секс, шум, музыка. Другие люди выходили со своими видео, все показывали в разных ракурсах один и тот же феномен. Самое захватывающее из всех: проигрывание телоэкрана Нолы в лагере Тангенс Пять, пойманное объективами множества ручных камер. Наконец, тот краткий миг, когда Нола появилась на экранах всей страны в самом конце своей жизни, эти последние моменты, когда она захватила каким-то образом все трансляции, все сигналы. Тело, охвачено сиянием, хрупкое, сделанное из всех картинок и звуков, которые ей посылали, каждое лицо, появлявшееся на секунду, меньше, чем на секунду, западало в подсознание, транслировалось сплошным покровом. И при всём при этом, тело Нолы не удержало следов этих чудес. На коже не было никаких отметин, никаких свидетельств того, кем она была или могла быть.
И несмотря на всех свидетелей, на каждое записанное свидетельство, настоящие тайны последнего дня жизни Нолы Блу остались скрытыми от глаз.
Почему она? Что конкретно это было, что её забрало? Есть ли где-то ещё другие?
Старые песни Нолы играли ещё неделю или около того, полностью и по фрагментам, перемежая новости о находке тела, о её жизни, её детстве, трансформации в вокалистку мирового уровня, нескольких годах славы, её смерти. Последняя песня поднялась в статусных чартах, достигнув позиции под номером три. Её первый сингл перепродвинулся. Он провёл две недели на первой позиции. В музыкальных шоу и портапопах появились старые видеоклипы Нолы. Люди подпевали мелодиям, тела двигались в ритм.

Когда я вижу, как ты танцуешь

Мне хочется спуститься и

Танцевать с тобой

(Танцевать с тобой)

Я чувствую, как моё тело млеет

Ты зажигаешь мои глаза (огнём)

Я испытываю чувство

чувство чувство

чувство

чувство

чувство желания

Я ИСПЫЫЫЫЫТЫВАЮ чувство

желания.

~~~

Джо Палмер смотрел на экран.
Он сидел в своей комнатке, ел еду из фастфуда. Ни зажжённой лампочки, ни открытого окна, шторы задёрнуты. Он больше недели не выходил на улицу, не ходил на работу. С ним что-то творилось. Боль в животе, внезапная острая боль в основании шеи. Жужжащий шум в его голове. Необычный привкус во рту. Он не мог нормально спать, не мог сосредоточиться ни на чём другом, кроме экрана, плексивизора.
Он высматривал знаки, знамения.
Сходства.
Он сканировал каналы, пульт в руке, нажатия грязными пальцами.
Где-то там была Нола, он не сомневался. Он видел новые передачи, обсуждавшие дух Мелиссы Голд, бродящей по экранам. Несомненно, Нола тоже жила в том же мире, в стране сигналов. Если бы он мог уловить её, или создать подходящий канал или средство для её загрузки. Её подхватывали волны, рассредотачивали, её тело распространялось в свободном дрейфе и ждало возрождения.
Чистый призрак, чистое движение,
чистый поток.
У его ног лежали фотографии, которые он сделал с неё в затрапезном гостиничном номере после того, как они занимались любовью. Фотографии светились странными цветами.
Он мог слышать голоса в голове,
шум и гам слов на пороге слышимости.

Клик, клик.

Его пальцы жмут на кнопки,
Глаза прилипли к экрану, широко открытые.
Ожидание.

Клик.

В итоге, сняв крышку с панели управления и поработав отвёрточкой, Джо закрепил ресивер на мёртвом канале, улавливавшем статистические омовения, серую муть. Это был один из редких зазоров, оставленных в спектре, свободное пространство, и он сидел там, уставившись в монитор, надеясь на появление формы, фигуры из тумана, из пятен, крупинок, гранул, мерцаний, глюков, шипения, крапинок, свистков, потрескиваний, перекликов, перегрузок, белого шума. Палмер был превосходным зрителем, помешанным на пиратских частотах. Он не мог сдаться, не сейчас, у него разрывалось сердце от того, что он видел и отпустил на гибель в ту ночь, и что он чувствовал в те несколько часов: нежное горение плоти под его прикосновениями, мерцание испарины над тающими картинками, репрезентации мира, разворачивающиеся в безумных деталях на коже женщины, на её теле, живом теле образов в его испещрённых шрамами и жалких объятиях, и он позволил ей уйти, он упустил её.

Затеряна… растаяла…

Ему оставалось только надеяться, что между ними произошло нечто большее, чем любовь. Этот мир переполнен толпой, вот в чём беда. Он слишком приземлён, слишком материален для таких хрупких душ. Нола сбежала из телесного царства, войдя в эфирное.
Это был выход, единственно возможный для неё путь.
Её тело было чистым, нормальным, когда его нашли, плоть была чиста от бессчётных загрузок и трансляций. Но те образы где-то должны были быть, они не могли просто испариться, он не позволял себе так думать.
Это было бы слишком большой потерей, слишком болезненной.
Нет, образы проплывали, и всё, что он мог теперь делать — смотреть и ожидать, быть зрителем, стать публикой,
стать самым ревностным из всех взглядов
и этим дать присутствие потерянным,
молчаливым путешественникам воздуха и проводов,
таким как эта одна конкретная форма, что двигалась теперь по его экрану
~~~

посреди серого пуха
силуэт статического пятна…

~~~

Джозеф заснул.
Он спал и блуждал, как зритель,
дрейфующий, грезящий,
его тело подстроилось под режим трепета.
Его кожа дрожала:
его лицо клубилось картинками,
голубой свет, лепет,
приём сигнала,
И теперь перед ним танцевала женщина
Нола
силуэт
из пыли и цифр
на секунду продержался в лунном свете
дотронулся
и рассеялся.
Плоть Джо гудела жаром
вибрацией
а на коже постепенно
материализовывался синяк.
Формировались первые изображения.

И скоро призраки телевидения
будут свободно разгуливать по
студиям и съёмочным площадкам;
их будут видеть движущимися
по своим тайным делам
через раскадровки.
Через наши бессчётные экраны
будут бродить они, незримые,
бледные призраки с передачами
самих себя,
всё ещё преследуемые камерами,
ныне безмолвные, бестелесные,
но с огнём и образом, бегущими в венах.

Благодарности

Для Ваны, с любовью.

Выражаю благодарность Мишель, Алексу и Эндрю за всю их помощь и их поддержку. А также Уильяму Шоу, который прочитал самый ранний черновик этой книги и вдохновил меня продолжить работу над ней. Кёртису за его потрясающие иллюстрации и Тиму за его навыки форматирования.

Текст песни «Television» перепечатан с любезного разрешения Savage Club.

Спасибо МакКензи Уорку за использование цитаты «корни и антенны», взятой из Virtual Geography, опубликованной в 1994 году.

Примечания
~~~

1

Перенос мелодии в другую тональность, то есть на другую высоту.
(Прим. редак.)
.

2

Мигания, мерцания
(англ.)
.

3

соединительных узлов арматурной сетки.

4

Проекции Хобарт
(англ.)
. Также это имя носила мисс Хобарт, королева и первооткрывательница Вирта из одноимённого романа.
(Прим. редак.)
.

5

Радуйся, Мария, благодати полная, Господь с Тобою. Благословенна Ты между жёнами, и благословен плод чрева Твоего Иисус
(лат.)
.

6

Дух времени
(нем.)
.

7

Изоляция для мужчин
(франц.)
.

8

Вероятно, тут подразумевается трек Six Days от DJ Shadow, который в свою очередь сэмплирует песню Six Days War группы Colonel Bagshot. Подтверждает догадку схожая строчка припева и даб мотивы трека в версии DJ Shadow
(Прим. редак.)
.

9

N+
(в переводе с бинарника)
.

10

Психе́я, или Психе́
(др. греч.)
— в древнегреческой мифологии олицетворение души, дыхания; представлялась в образе бабочки или девушки с крыльями бабочки. Помимо этого, Псише́
(франц.)
означает высокое зеркало на ножках
(Прим. редак.)
.

11

Knowless — незнающая
(англ.)
.